U 152/600
II

БИБЛ...
...Шифр
...Инв. №
...ТЕР...
ПОГАШЕНО
Ассоц. ВОСТОКОВ

ЕС

БОСФОРЪ

И

НОВЫЕ ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

БИБЛИОТЕКА
Шифр
Инв
ВСЕР
ПОЛУЧЕНО
И 152/600
Ф10-81
1438

ВОСФОРЪ

и

НОВЫЕ ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

сочиненіе

Константина Базили,

съ четырьмя гравированными рисунками изъ альбомовъ

Карла Павловича Брюлова.

РУКОПИСЬ

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

1836

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 7-го Октября, 1836 года.

Цензоръ *Петръ Корсаковъ.*

38043-44

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

стр.

ГЛАВА I. Буря на Босфорѣ. — Погибель каика. — Щегольство кораблей. — Торговое мореплаваніе Турокъ. — Внутренняя и внѣшняя шорговля. — Капиталисты, Паши и банкиры. — Фабрики въ Турціи. — Услужливость Европы. — Торговые шраншаны. — Духовный законъ о шорговлѣ. — Торговля Грековъ и Болгаръ. — Вольные люди. — Берашы и фирманы. — Турецкіе домы. — Маклера. — Свобода шорговли. — Ел выгоды и невыгоды для Турціи. — Пророчества поэшовъ и журналистовъ . . 1

ГЛАВА II. Путешествующіе Англичане. — Ихъ несчастіе. — Синьоръ Андрико. — Приключенія и знакомство на большой дорогѣ. — Запасный конь. — Сглазка. — Наѣздникъ. — Нѣкошорыя мысли о женщинахъ и объ обычаѣ цѣловашь руку. — Ландшафты. — Славянскій городокъ. — Письма Леди Монтегю. — Любовные шалисманы и чары. — Прежняя и нынѣшняя эпоха Бѣлграда. — Водопроводы и бенды. — Поэма въ честь Махмуда. — Домузъдере и Турецкій лагерь 34

ГЛАВА III. Охота. — Духовный законъ о дичи. — Левендъ-чифликъ. — Турецкая мыза. — Полевыя

стр.

работы. — Пастухи и земледѣльцы. — Плугъ. — Хлѣбъ въ Турціи. — Снабженіе хлѣбомъ столицы. — Притѣсненія и злоупотребленія. — Хлѣбная канцелярія. — Турецкіе коммиссары. — Старая мысль о вліяніи климата. — Налоги. — Поголовная подать; ея разряды; ея преобразованіе. — Спаписшика въ Турціи 63

ГЛАВА IV. Молодой помѣщикъ. — Таинственная хозяйка и зубная боль. — Рецептъ. — Садъ. — Фрукты. — Искусство Хіосскаго садовника. — Странное сочетаніе должностей. — Каймакъ и гяуръ. — Стадо; его дисциплина. — Ночлегъ у Турка и поговорка Санхо-Пансы. — Гостинецъ. — Куркуруза; ея важность и способъ ее готовить и кушать. . 104

ГЛАВА V. Утро на горахъ. — Шайка разбойниковъ. — Несчастіе придворнаго аптекаря. — Казни Черногорцевъ. — Оазисъ. — Пожаръ въ Стамбулѣ. — Вельможи на пожарѣ. — Зажигатели. — Политика Сераскира. — Всесожженіе Янычаръ. — Пожары политическіе и смѣлость Турчанки. — Зажигательныя рѣчи. — Тандуры и другія причины пожара. — Арапы и Алхимикъ. — Запрещеніе строить каменные домы. — Гіавгиры. — Музыканты и пожарные сторожа. — Торги. — Турчанки на пожарѣ. — Таборъ. — Философія погорѣлаго Турка. — Строевые лѣса и новый законъ. — Бодрость Махмуда. 131

ГЛАВА VI. Воспоромахія. — Гора Гиганта. — Турчанки въ каретѣ. — Туалетъ быковъ. — Гробъ Гиганта. — Обсерваторія. — Луна Рамазана и дож-

стр

ди.—Бѣленный лавръ.—Монастырь неусыпныхъ.—Султанъ въ новомъ Сералѣ. — Новый характеръ столицы. — Пристань быка. — Этимологія Скутари. — Булгурлу. — Востокъ и Западъ. — Халкидонъ. — Іоаннъ Златоустъ. 173

ГЛАВА VII. Библіотеки. — Религія и Наука. — Упадокъ библіотекъ. Ученый вельможа. — Мнѣнія Турецкаго офицера. — Списываніе книгъ. — Односторонность Турецкой словесности. — Султанская награда за ученый трудъ.—Новыя книги . . 214

ГЛАВА VIII. Бани. — Классическая драпировка и ходули. — Наслажденіе и пытки. — Дешевизна. — Водопроводъ Валенса. — Пророчества. — Тысяча и одна колонна. — Цистерны. — Ресторанторъ и брадобрѣй 236

ГЛАВА IX. Призывная пушка. — Отъѣздъ. — Укрѣпленія на Босфорѣ. — Казенный инженеръ.—Наши пражпашы и свобода мореплаванія. — Воспоминанія объ Аргонавтахъ. — Мнѣнія объ образованіи Босфора. — Прощаніе. 264

БОСФОРЪ

И

НОВЫЕ ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

ГЛАВА I.

Буря на Босфорѣ. — Погибель каика. — Щегольство кораблей. — Торговое мореплаваніе Турокъ. — Внутренняя и внѣшняя торговля. — Капиталисты, Паши и банкиры. — Фабрики въ Турціи. — Услужливость Европы. — Торговые трактаты. — Духовный законъ о торговлѣ. — Торговля Грековъ и Болгаръ. Вольные люди. — Бераты и фирманы. — Турецкіе домы. — Маклера. — Свобода торговли. — Ея выгоды и невыгоды для Турціи. — Пророчества поэтовъ и журналистовъ.

Нѣсколько недѣль постоянно дули свѣжіе періодическіе норды; Черное Море разливало свою прохладу въ Буюкдере, и мы вовсе не шер-

пѣли отъ Іюльскихъ жаровъ. Въ самый полдень, сидя въ тѣни террассъ посольскаго сада, мы любовались на корабли, которые подъ всѣми парусами, въ полномъ грузѣ, съ вѣтромъ и съ теченіемъ спускались по Босфору. Но вѣтры Чернаго Моря вмѣстѣ съ кораблями нагнали тучу, которая разразилась около вечера надъ предмѣстіемъ, и нѣсколько часовъ буйно праздновала свои атмосферическія сатурналіи, съ дождемъ, съ громами, съ воплемъ прибережныхъ скалъ и рощъ. Лѣтняя гроза имѣетъ здѣсь невыразимую красоту; въ ней проявляется въ полномъ величіи могущественная природа юга. Она налетаетъ неожиданная, какъ порывъ страсти въ жителѣ этой страны, а быстрота ея дѣйствій имѣетъ что-то драматическое и волшебное. Мы возвращались верхами съ Буюкдерскихъ горъ, и гроза застала насъ среди »Большой Долины.« Долина мгновенно стемнѣла; она еще защищала насъ отъ вѣтра, который шумѣлъ уже въ морѣ, и только отъ времени до времени прорывался къ намъ изъ прибережнаго ея отверстія. При первыхъ каплях дождя, рѣдкихъ и крупныхъ, дамы бывшія съ нами хотѣли спасаться подъ платаномъ Гот-

фрида, и переждать грозу въ его госпепріимномъ дуплѣ, которое могло вмѣстить все наше общество. Но дерево изувѣченное отъ громовъ было безъ сомнѣнія самымъ опаснымъ убѣжищемъ во время грозы. Мы пустились во весь опоръ по долинѣ. Дождь пошелъ ливьмя; мракъ сгустѣлъ; когда его разрѣзала молнія, бѣлая драпировка дамъ развѣваемая вѣтромъ, придавала нашей кавалькадѣ что-то балладное. Громъ произвелъ съ переливчатымъ эхомъ долины гармонію чуднаго эффекта. Перекаты эха съ такою музыкальною точностію переходили по всѣмъ тонамъ гаммы, такъ правильно сливались подобно звукамъ гармоники или католическихъ органовъ, что я вслушавшись въ этотъ траурный концертъ облаковъ и горъ, былъ готовъ подумать, что перекаты эха послужили первообразомъ нашей музыкальной октавы.

Когда мы достигли предмѣстія дождь проникъ насъ до костей. Это не помѣшало намъ насладиться еще нѣсколько времени зрѣлищемъ бури изъ нашихъ оконъ. Молніи поминутно обливали ослѣпительнымъ блескомъ берега и море. Освѣченныя ею среди мрака выказывались горы Азіи, но безъ своихъ тѣней, слитыя въ одну

массу шумана, будто колоссальные силуэты. По взволнованному Босфору проходилъ корабль, котораго разорванные и развѣваемые вѣтромъ паруса казались драпировкою ночнаго привидѣнія. Корабль поворотилъ къ нашему берегу и положилъ якорь на Буюкдерскомъ рейдѣ; но каикъ, нѣсколько разъ завидѣнный нами среди пролива при свѣтѣ молній, болѣе не показывался на опустѣломъ морѣ. Попалъ ли онъ подъ носъ корабля, гонимаго бурею, и былъ имъ опрокинутъ, или волны залили и проглотили свою одинокую жертву? — Босфорскія волны имѣютъ силу необыкновенную, какъ и во всякой узкости, гдѣ море измученное отъ вѣтра, не находитъ достаточно пространства, что бы разлиться правильнымъ волненіемъ. Чрезмѣрная длина Босфорскихъ каиковъ, способствующая быстротѣ хода и придающая имъ столько изящности, увеличиваетъ ихъ опасности. Не рѣдко случается что легкій каикъ, подняшый на перевѣсъ волною, въ то самое время, когда спускается по ея уклону, получаетъ такой сильный ударъ другой подоспѣвшей подъ него волны, что переламывается по поламъ. Подобное несчастіе стоило жизни пер-

вому драгоману нашей Миссіи за годъ до моего прибытія въ Константинополь.

Буря стихла около полуночи; съ вечера намъ предсказывали перемѣну вѣтра; обыкновенно, когда южный вѣтеръ приходитъ на смѣну сѣвернаго, послѣдній какъ часовой передаетъ свой пароль съ бурею и съ громами, или бушуетъ съ досады, прощаясь съ Босфоромъ, и принужденный возвратиться въ свои пустыни.

Мы готовились на одно изъ самыхъ одушевленныхъ зрѣлищъ Босфора: ничего нельзя представить себѣ живѣе картины, которую представляетъ проливъ, когда послѣ продолжительныхъ пордовъ наступитъ южный вѣтеръ. Тысячи кораблей были заперты Босфоромъ, »ключемъ Понта,« какъ называетъ его Эвринидъ. Съ самаго утра начали они проходить подъ нашими окнами; слабому еще дуновенію южнаго вѣтра были выставлены цѣлыя пирамиды парусовъ, и по обѣимъ сторонамъ каждаго корабля распустились лиселя, будто крылья. Купеческіе корабли Средиземнаго Моря избалованы вѣтрами этаго отечества Зефировъ. Нельзя не удивляться ихъ смѣлой парусности, высотѣ и легкости ихъ мачтъ, и необъятному

количеству ихъ парусовъ. Съ такимъ щегольствомъ они бы не долго плавали въ сѣверныхъ моряхъ и въ Океанѣ. Для большей легкости Греческіе и Іоническіе корабли употребляютъ паруса бумажные, которыхъ бѣлизна имѣетъ что-то очаровательное, и еще болѣе увеличиваетъ для глазъ ихъ дерзкіе объемы. Замѣтимъ еще что въ этомъ морѣ вѣчнаго пиратства и вѣчнаго торговаго движенія скорость составляетъ главное достоинство купеческаго мореплавателя, и онъ охотно жертвуетъ вмѣстительностію, и даже прочностію своего корабля, чтобы сдѣлать его хорошимъ ходокомъ; а съ качествомъ хорошаго ходока и съ легкостію корабля неразлучна изящность формъ, предоставленная въ другихъ моряхъ только военному флоту.

Между легкими бригами и голетами Средиземнаго Моря показывались отъ времени до времени неуклюжіе бриги и шкуны подъ флагами Голландіи, Даніи и Швеціи. Англійскіе и Американскіе корабли составляли переходъ отъ одной архитектуры въ другую. О Турецкихъ корабляхъ не спрашивайте: одинъ только Турецкій флагъ не показывается между флагами по-

крывающими проливъ. Развѣ порою увидите посудину уродливой формы, которая подъ парусами стоитъ какъ вкопанная, и предъ нею проходятъ корабли. Это *чихтирме*, особенный родъ мореходнаго судна, употребляемаго Турками для плаванія по Черному Морю, отъ Константинополя до Требизонда и Анапы, или до Варны и до Дунайскихъ устьевъ, всегда вдоль берега. Чихтирме бываютъ иногда величиною съ большой купеческій бригъ и принимаютъ значительные грузы. Постройка ихъ напоминаетъ форму каиковъ, но необыкновенная высота кормы имѣетъ что-то чудовищное для глаза привыкшаго къ прямымъ линіямъ нашей морской архитектуры. Притомъ форма маленькихъ каиковъ теряетъ всю свою красоту въ этомъ колоссальномъ размѣрѣ, и становится еще болѣе неуклюжая и тяжелая для глаза нежели для плаванія. Вооруженіе ихъ представляетъ соединенную парусность брига и люгера; они плаваютъ только при попутномъ вѣтрѣ, а лавировать почти не могутъ. Это собственно Турецкіе корабли; ихъ коммерческое мореплаваніе ограничивается снабженіемъ столицы дровами, угольями, и всякими припасами;

они не идутъ далѣе Анапы и Дуная, какъ и военный флотъ не идетъ далѣе Родоса.

Туркамъ за кейфомъ и за буштами некогда думать о торговлѣ и мореплаваніи. Они вправѣ полагать, что всѣ Европейскіе народы съ такимъ усердіемъ посылаютъ къ нимъ свои корабли, чтобы служить правовѣрному народу, и угождать его прихотямъ произведеніями всего міра. Магометъ обѣщаетъ честному купцу почетное мѣсто въ Эдемѣ; но Турецкіе купцы увѣрены, что они могутъ заслужить это мѣсто торгуя у себя, и не входя въ заразительныя сношенія съ невѣрными. И въ самомъ дѣлѣ они большею частію честны въ своей мелкой торговлѣ. Но ни въ чемъ такъ не выказывается безстрастіе Оттоманъ, какъ въ этомъ мертвомъ торговомъ бездѣйствіи, тогда какъ предъ ними суетится вся Европа съ своею торговлею. Если мѣстоположеніе Константинополя, неоспоримо первое въ мірѣ для торговли, не пробудило доселѣ въ нихъ торговой дѣятельности, то уже безъ сомнѣнія въ книгѣ судебъ написано, что они рѣшительно никогда не будутъ коммерческою націею, и не выйдутъ изъ сферы своей старинной лавочной и караван-

ной торговли. Глядя на дѣятельность мореплаванія на Босфорѣ, нельзя не сдѣлать себѣ опять вопроса, который вездѣ и во всемъ представляется путешественнику посѣщающему Турцію: чтобы сдѣлалъ, при нынѣшнемъ развитіи Европы, другой народъ въ странѣ соединяющей въ такой высокой степени всѣ элементы народнаго благосостоянія!— Вся внѣшняя торговля находится въ рукахъ иностранцевъ, девять десятыхъ внутренней въ рукахъ Грековъ и другихъ подвластныхъ народовъ; всѣ обороты наличныхъ суммъ въ рукахъ Армянъ и Евреевъ. Если есть между Турками богачи, всѣ ихъ богатства происходятъ отъ двухъ источниковъ: они или награбили раіевъ въ областяхъ, накопили наличный капиталъ, и нажили большое имѣніе, въ которомъ уже исключительно они и ихъ наслѣдники грабятъ поселянъ; или награбили казну въ султанской службѣ, и получавши въ щедромъ мѣсячкѣ какихъ нибудь сто аспровъ, т. е. тридцать копѣекъ въ день содержанія, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ выгнаны изъ службы съ милліономъ піастровъ. Впрочемъ ни одинъ богатый Турокъ не можетъ обойтись безъ Армянина или Еврея, банкира, и не рѣдко хо-

зяина и распорядителя его имѣнія и его доходовъ. Если Паша грабитъ ввѣренную ему область, онъ въ свою очередь поплачивается не только съ Диваномъ или съ могучимъ вельможею, его заступникомъ въ столицѣ но даже съ банкиромъ, который снабдилъ его деньгами нужными для полученія пашалыка, и для издержекъ на *пешкеши* и *бахшиши*, т. е. подарки вельможамъ и ихъ слугамъ, и на прожитье въ Константинополѣ до самаго вступленія въ должность. Проценты этаго займа разоряютъ Пашей, которые вообще не весьма свѣдущи въ дѣлѣ денежныхъ оборотовъ и даже въ ариѳметикѣ. Банкиръ засчитываетъ по два процента въ мѣсяцъ; это казенная цѣна въ дѣлахъ съ Турками; такъ какъ съ каждымъ истекшимъ мѣсяцемъ насчитываются проценты на проценты, то въ два года капиталъ нарастаетъ болѣе нежели вдвое. Константинопольскій банкиръ имѣетъ для своего обезпеченія агента отъ себя при областномъ Пашѣ, и ему предоставлено распоряжаться доходами области, чтобы съ одной стороны уплачивать долгъ, а съ другой доставлять въ Стамбулъ нужную сумму для уплаты податей въ Султанскую казну, и для поддержанія

кредита Паши частыми взносами въ казну вельможъ-заступниковъ. Легко себѣ представить какія злоупотребленія влечетъ за собою эта странная финансовая система, которою поясняются несчастія областей, состоящихъ нѣкоторымъ образомъ на откупу у Армянъ и Евреевъ.

Есть фабриканты въ Турціи; но кромѣ мелкихъ и случайныхъ торговыхъ удачь, нѣтъ примѣра чтобы эта промышленность доставляла большія прибыли. Успѣхъ, улучшеніе, соревнованіе — эти дѣятели всякой промышленности, вянутъ въ наркотическомъ снѣ между правовѣрными промышленниками. Никто не откажетъ Туркамъ въ способностяхъ нужныхъ для усовершенствованія всякаго рода механической работы; они не выдумаютъ ни паровыхъ машинъ, ни жоккардовыхъ станковъ, ни одного изъ тѣхъ улучшеній, которыя въ послѣдніе годы дали столь быстрое развитіе Европейскимъ мануфактурамъ; но если они приноровятся къ какой нибудь работѣ, то производятъ ее весьма тщательно, и при всей простотѣ употребляемыхъ ими средствъ во многомъ превосходятъ Европейцевъ (*). Если бы они имѣли болѣе дѣя-

(*) Излишнимъ считаю упоминать объ отдѣлкѣ оружія, о ша-

тельности и предпріимчивости, они бы воспользовались изобрѣтеніями Европы, и далибы безконечное развитіе своей мануфактурной промышленности. Но у Турокъ всякій фабрикантъ доволенъ, когда онъ добываетъ свой насущный хлѣбъ; онъ не видитъ необходимости отступить отъ своихъ старинныхъ средствъ, неизмѣнныхъ и наслѣдственныхъ, какъ отцовская вѣра.

Что же изъ этаго произошло? — Европа при ежедневномъ умноженіи средствъ своей мануфактурной дѣятельности, предлагаетъ Турціи свои произведенія, могущія замѣнить собственно Турецкія, и съ каждымъ годомъ можетъ убавлять ихъ цѣны, и тѣмъ подрывать національную ея промышленность. Даже Турки старовѣры привыкли въ послѣдніе годы дѣлать свои кафтаны изъ Европейскихъ шелковыхъ или бумажныхъ тканей, которыя такъ искусно поддѣлываются, особенно въ Германіи, подъ Турец-

ляхъ, о коврахъ, объ отличныхъ мериносахъ Ангоры, извѣстныхъ подъ именемъ *Энгюръ-шали*, о шелковыхъ и полушелковыхъ издѣліяхъ, и о множествѣ другихъ произведеній собственно Турецкой выдѣлки, далеко превосходящихъ этаго рода произведенія Европейскихъ мануфактуръ.

кій вкусъ, и коихъ дешевизна вознаграждаетъ за прочность и красоту Турецкихъ издѣлій. Самые фесы, которые составляютъ одну изъ первыхъ торговыхъ статей по всей Турціи, получаются теперь почти исключительно изъ Франціи; фесы Турецкаго издѣлія, въ особенности Варварійскіе, несравненно превосходнѣе и по красотѣ и по прочности, но обходятся втрое и вчетверо дороже. Все получается изъ Европы, начиная отъ предметовъ роскоши, до простой домашней посуды. Есть какой-то стекляный заводъ въ Константинополѣ, но въ немъ дѣлаются только аптекарскія стклянки, а стекла, которыхъ безъ сомнѣнія ни въ одномъ городѣ не испребляется такъ много какъ въ Стамбулѣ отъ пожаровъ, получаются изъ Венеціи.

На все это Махмудъ не обращаетъ доселѣ никакого вниманія, и при разстройствѣ своихъ финансовъ выдумываетъ съ каждымъ годомъ новыя средства обирать народъ, вовсе не заботясь о томъ чтобы обезпечить своей казнѣ болѣе прочные доходы. Есть постановленія, которыхъ цѣли и смысла никто не постигаетъ; изъ двухъ единственныхъ и жалкихъ ситцовыхъ фабрикъ существующихъ въ Константинополѣ, одной

не позволено употреблять другихъ красокъ кромѣ самыхъ простыхъ. Капризное пристрастіе Султана ко всему Европейскому, и въ особенности перемѣна костюма, нанесли новый и самый чувствительный ударъ національной промышленности. Многія ея отрасли пришли въ совершенный упадокъ отъ этихъ преобразованій. Сѣдла совсѣмъ почти теперь не дѣлаются въ Константинополѣ, а въ этой странѣ сѣдла составляютъ предметъ повсемѣстной потребности, потому что экипажей почти нѣтъ; съ перемѣною верховой ѣзды сѣдла стали получаться изъ Англіи и Франціи. Туфли и сапоги Турецкаго покроя замѣняются башмаками и сапогами, которые цѣлыми грузами привозятся изъ Европы. Промышленная Европа подрядилась одѣвать Турокъ; не достаетъ только, чтобы какое нибудь государство взялось готовить пилавъ для Турецкой кухни, чтобы правовѣрнымъ было менѣе заботъ въ ихъ созерцательной жизни.

По крайней мѣрѣ если бы Турки сами снабжали свою страну произведеніями Европы, и сбывали въ Европейскіе порты произведенія своей земли, коими выплачивается огромный привозъ мануфактурныхъ издѣлій, они бы сами получа-

ли барыши этаго обмѣна. Но и торговые барыши принадлежатъ Европейцамъ. Франція и Англія имѣли прежде особенныя привиллегированныя компаніи для Леванпской торговли, а съ того времени какъ эти компаніи рушились, число Европейскихъ негоціантовъ въ Леванпѣ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Тысячи Европейцевъ обогащаются на щетъ Турокъ, въ ихъ землѣ, пользуясь полною свободою торговли, которая съ одной стороны дѣлаетъ Турокъ данниками Европы, а съ другой доставляетъ имъ выгоду покупать произведенія Европейскихъ государствъ въ своемъ городѣ дешевлѣ нежели на самомъ мѣстѣ (*).

По Мусульманскимъ законамъ торговля съ иностранцами обложена тѣми же повинностями, какія они налагаютъ въ своей землѣ на торгующихъ тамъ Мусульманъ. Англичане, основываясь на этомъ совершенномъ равенствѣ правъ, давно уже заключили съ Турками трактатъ, по

(*) Это фактъ подкрѣпляемый свидѣтельствомъ Оттоманскаго Монитора: охотничья дробь, произведеніе Англійское, продается въ Константинополѣ втрое дешевлѣ противу Лондонской цѣны; Французскій сахаръ рефенадъ почти вполовину дешевлѣ нежели въ Парижѣ, и т. д.

коему сами они могутъ свободно торговать во всѣхъ областяхъ Султана, предоставляя поддан-ным его также торговать въ Англійскихъ зем-ляхъ на правахъ Англичанъ. Они хорошо пред-видѣли, что Турки никогда не вздумаютъ от-крыть коммерческіе домы въ Лондонѣ; но въ недавніе годы Греки подданные Султана рѣши-лись испытать свое счастіе, и открыли въ Лондонѣ два большіе коммерческіе дома, осно-вываясь на старомъ и давно забытомъ тракта-тѣ, коего всѣ выгоды были дотолѣ на сторо-нѣ Англичанъ. Лондонскіе купцы и ихъ коррес-понденты въ Турціи протестовали, предчув-ствуя важный подрывъ своей торговлѣ; пра-вительство съ обыкновеннымъ Британскимъ эгоизмомъ, и нарушая свои трактаты, закры-ло новые коммерческіе домы. Негоціянты жа-ловались своему кабинету; турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ долго не могъ понять о чемъ идетъ дѣло, и для чего и съ какою цѣ-лію *Инглизы* не хотятъ, чтобы честные лю-ди у нихъ торговали, между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, чѣмъ болѣе купцевъ тѣмъ лучше для правительства и для народа. Однакожъ когда ему были пояснены обстоятельства этого дѣла,

онъ настоялъ на томъ, чтобы права Оттоманскихъ раіевъ были уважены, и Англійское правительство нашлось въ необходимости признать свою несправедливость, и дозволить учрежденіе Турецкихъ торговыхъ домовъ въ Лондонѣ, на равныхъ правахъ съ Англійскими. Можетъ быть мы сочтемъ это началомъ новой эпохи для Турецкой торговли; но замѣтимъ здѣсь, что дома эти Турецкіе только по имени; ихъ учрежденіе есть только результатъ расчетливой спекуляціи Греческихъ негоціантовъ, которые могутъ когда пожелаютъ сложить съ себя Турецкое подданство.

Въ это время много говорили въ Константинополѣ о новомъ таможенномъ тарифѣ съ Англіею; уже истекалъ срокъ стараго тарифа, и предстояло обоимъ государствамъ обновить его или постановить новый. Всякое государство болѣе или менѣе пользуется беззаботностію Турціи въ таможенныхъ тарифахъ, расчетливою можетъ быть умѣренностію Турецкой таможни въ пошлинахъ взимаемыхъ съ иностранныхъ товаровъ и составляющихъ обыкновенно отъ двадцатой до сороковой части на цѣну товаровъ, но въ тоже время непростительною

снисходительностію въ увеличеніи пошлинъ на Турецкія произведенія при ввозѣ ихъ въ Европейскія государства (*).

Я говорилъ уже, что внутренняя торговля Турціи производится болѣе подвластными племенами; въ особенности ею заняты Греки и

(*) По духовному закону (читатель вспомнитъ, что религія у Мусульманъ дала законы всему) Мусульманинъ платитъ пошлины сороковую часть товара, (т. е. $2\frac{1}{2}$ процента), а подданный неправовѣрный двадцатую (5 процентовъ). Иностранецъ долженъ по закону платить десять процентовъ, и даже если товары его остаются непроданные нѣсколько лѣтъ, онъ обязанъ ежегодно платить туже пошлину, и если перевозитъ ихъ изъ одного города въ другой, во всякомъ городѣ взимается по десяти процентовъ. Но здѣсь разумѣется только купецъ такой націи, съ которою Мусульмане не ведутъ никакой торговли; если же Мусульмане торгуютъ въ его землѣ, ему даруются тѣже выгоды, какими сами они тамъ пользуются. Еще другая благороднѣйшая черта Турецкаго законодательства: если Мусульмане подвергаются самымъ тяжкимъ пошлинамъ, даже насилію и грабительствамъ въ чужой землѣ, ни въ какомъ случаѣ не должно слѣдовать этому примѣру и платить тою же монетою; «правовѣрный не долженъ въ великодушіи и въ добродѣтели уступать невѣрному, и еще менѣе перенимать его пороки.»

Великодушный законъ изданный Халифомъ Омаромъ не предвидѣлъ торговаго положенія нынѣшняго Халифата. Основываясь на этомъ законѣ, Турки въ торговыхъ своихъ договорахъ съ Европейскими державами легко согласились на совершен-

Болгары. При возрастающемъ благосостоянiи Болгаръ значительные капиталы накопляются въ ихъ рукахъ; между ними нѣтъ колоссальныхъ богатствъ, но много тысячь изъ нихъ люди зажиточные, и вообще все Болгарское племя пользуется довольствомъ, которому могутъ позавидовать многiе Европейскiе народы. Они-то главные дѣятели торговыхъ сношенiй столицы съ областями Европейскими и Азiятскими. Они закупаютъ у Франковъ въ Перѣ Европейскiя мануфактурныя издѣлiя, коими караваны ихъ снабжаютъ съ одной стороны Ѳракiю и Македонiю, а съ другой всю внутренность Малой Азiи, до самыхъ Кавказскихъ странъ и до Месопотамiи.

Оттоманскiе подданные Греки, кромѣ внутреннихъ своихъ торговыхъ оборотовъ въ Турцiи,

ное равенство правъ. Европейцы торгуютъ въ Турцiи со всѣми преимуществами вольной торговли, какъ и Мусульмане, а Мусульманамъ предоставлено торговать во всякомъ государствѣ на равныхъ правахъ съ подданными того государства. Но они и понятiя не имѣютъ о тѣхъ повинностяхъ, коими обложена вездѣ торговля. Если бы они и вздумали открыть въ Европейскомъ городѣ торговый домъ, запутанныя формы и многосложность Европейской торговой системы, напугали бы ихъ еще болѣе нежели огромныя пошлины.

ведутъ обширную торговлю со всею Европою, и между ними есть прочные коммерческіе домы съ коммандитами и конторами во всѣхъ городахъ Средиземнаго и Чернаго Морей. Жестокія и еще болѣе неполитическія гоненія Порты на всю Греческую націю въ долгій періодъ Греческой войны привели въ упадокъ ихъ торговлю, и лишили Турцію многихъ тысячь весьма богатыхъ подданныхъ. Одни были казнены, другіе ограблены; счастливѣйшими были тѣ, которые могли съ остаткомъ своего состоянія спастись куда нибудь въ Христіанскую землю, и тамъ открыть вновь свою торговлю, или принявши подданство другой державы, или сохраняя званіе Турецко-подданныхъ, торгуя съ Турціею, по старой привычкѣ, но не платя ей никакихъ податей. Впрочемъ еще прежде этой эпохи многіе богатые Греки, чтобы обезпечить себя, свою жизнь и свое состояніе отъ насильственныхъ мѣръ Порты и еще болѣе отъ насильственныхъ мѣръ ея министровъ, принимали въ самомъ Константинополѣ, въ глазахъ своего Султана, подданство Европейской державы, и тотъ кто наканунѣ носилъ огромную черную шапку изъ Крымскихъ барашекъ, при-

надлежность Греческаго дворянства и первостатейнаго купечества, и низко кланялся всякому Турецкому чиновнику, надѣвалъ круглую шляпу, и могъ публично ругаться надъ всѣми чиновниками Порты, и дѣлать обороты милліонами, не платя въ Порту ни полушки. Подобное злоупотребленіе, противное законамъ всякаго государства о подданныхъ, и еще болѣе противное кореннымъ понятіямъ Турокъ о раіяхъ, составляющихъ собственность владычествующаго племени, не разъ подавало поводъ значительнымъ безпорядкамъ, и жалобамъ со стороны Порты на противузаконное покровительство, даруемое ея подданнымъ; но оно и доселѣ кажется существуетъ, хотя не такъ гласно какъ прежде, и терпится, какъ и всѣ другія злоупотребленія, которыя обратились отъ времени въ основныя начала Турецкой политики. Впрочемъ оно имѣло то полезное вліяніе на Турецкую торговлю, что послужило основаніемъ купеческихъ *бератовъ* и *фирмановъ*, привиллегированныхъ пашенныовъ, давшихъ весьма обширное развитіе торговлѣ подвластныхъ народовъ. Любопытно начало этихъ пашенныовъ. Европейскія державы, при заключеніи трактатовъ съ Пор-

тою, получили право имѣть въ своихъ Миссіяхъ и Консульствахъ въ качествѣ переводчиковъ христіанъ подданныхъ Султана, съ тѣмъ чтобы они для точнѣйшаго исполненія своихъ обязанностей по службѣ, освободились бы отъ всѣхъ повинностей званія раіевъ, и пользовались бы одинаковыми правами съ Европейцами, подданными той державы, которой они служатъ. Такимъ образомъ министръ Европейской державы въ Турціи былъ облеченъ правомъ освобождать кого онъ захочетъ изъ Турецкаго подданства; стоило только выдать берать, т. е. патентъ, которымъ подданный получалъ полное увольненіе отъ подданства. Число бератовъ для каждой державы было сперва ограничено, но каждая Миссія посполитыми своими стараніями увеличивала это число, и давала уже берапы не однимъ своимъ драгоманамъ, но и богатымъ купцамъ, которые такимъ образомъ, вступая подъ покровительство Миссій, могли свободно заниматься своими спекуляціями, и получали право платить таможенныя пошлины наравнѣ съ Европейцами и менѣе Султанскихъ подданныхъ. Кромѣ того было первоначально постановлено, чтобы каждый переводчикъ, служащій при Миссіи

или при Консульствѣ, могъ имѣть у себя двухъ служителей, равнымъ образомъ свободныхъ отъ подданства, и состоявшихъ на правахъ Европейцевъ; для служителей выдавались *фирманы*. Нечего и говорить что фирманы продавались въ частныя руки, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ бератами образовали многочисленное сословіе людей вольныхъ отъ Турецкаго владычества, состоявшихъ подъ покровительствомъ Европейскихъ Миссій, но въ существѣ не признававшихъ надъ собою власти никакого государства ни Христіанскаго, ни Магометанскаго, потому что каждый могъ имѣть у себя запасъ нѣсколькихъ берашовъ и фирмановъ, и судя по обстоятельствамъ выдавать себя за подданнаго той или другой державы; быть Французомъ, пока Французы въ чести у Турокъ, а когда на примѣръ, по случаю Египетскаго похода, посланника Французскаго посадятъ въ Семибашенный Замокъ, а всѣхъ Французовъ въ острогъ, — назвашься Англичаниномъ или Австрійцемъ. Беранты продавались отъ 3 до 6,000 піастровъ, что по тогдашнему курсу составляетъ вдвое столько рублей, а фирманы отъ 400 до 800, платимыхъ одинъ разъ на всю жизнь. Порта часто жало-

валась на злоупотребленіе бератовъ и фирмановъ; Миссіи съ своей стороны поддерживали свое старинное право, и пользовались привычкою Турокъ смотрѣть на злоупотребленіе освятившееся давностію, какъ на законъ и на право уже неоспоримое. Миссіи и Консульства получали огромный доходъ, но наживали себѣ также множество хлопотъ и непріятностей отъ частыхъ ссоръ съ мѣстными властями, которыя нарушали права бератовъ. Были даже примѣры, что сама Порта, несмотря на заступничество Миссіи, казнила провинившагося *берати* (человѣка снабженнаго берапомъ) и конфисковала его имѣніе. Лѣтъ болѣе придцати тому назадъ Турецкое правительство для прекращенія этого злоупотребленія, придумало средство связанное съ большими денежными выгодами. Слѣдуя пословицѣ »клинъ клиномъ выбиваютъ« — оно стало съ своей стороны давать подданнымъ своимъ Греческимъ купцамъ, которые вели внѣшнюю торговлю, берапы и фирманы, обезпечивающіе имъ всѣ привиллегіи Европейскихъ купцевъ, и освобождающіе ихъ отъ поголовной подати и отъ насилій со стороны казенныхъ чиновниковъ. Порта въ особенности

благопріятствуетъ этому новому разряду своихъ подданныхъ; до преобразованій она даровала имъ право носить желтыя туфли, и много преимуществъ, неразлучныхъ съ этимъ привилегированнымъ цвѣтомъ; въ нынѣшнюю эпоху они имѣютъ не менѣе важную привиллегію: носить такого же покроя платье какъ и Турецкіе чиновники, огромный фесъ на головѣ, синій казакинъ, панталоны и сапоги Европейскіе. Многіе изъ нихъ получили даже орденъ, или знакъ отличія, учрежденный Султаномъ. Безъ сомнѣнія, были примѣры, особенно въ эпоху желтыхъ туфлей, что и богатыхъ брали сажали въ тюрьму и безъ суда душили, и еще чаще конфисковали у нихъ имущество; но по крайней мѣрѣ они пользовались и предъ правительствомъ и въ народѣ тѣмъ уваженіемъ, которое привиллегированный костюмъ и богатство внушаютъ Азіатцу еще болѣе можетъ быть нежели Европейскому человѣку, и которое такъ необходимо въ Турціи, чтобы избавиться отъ мелкихъ притѣсненій и унижения неразлучнаго съ бытомъ раіевъ.

Раздача берatовъ и фирмановъ отъ Европейскихъ Миссій, на которую столько време-

ни безспльно досадовала Порта, и которая была въ старые годы золотымъ рудникомъ для предсдавителей Европы, была наконецъ уничтожена лѣтъ за двадцать предъ симъ отъ взаимной ненависти и соревнованія двухъ Миссій. Съ того времени системa Султанскихъ бератовъ и фирмановъ получила новое развитіе, и теперь поддерживаетъ торговлю подвластныхъ Портѣ народовъ.

Въ недавніе годы основались въ Константинополѣ два большіе купеческіе дома, собственно Турецкіе, для торговли съ Европою. Это единственная попытка Турокъ на новомъ для нихъ поприщѣ. Замѣтимъ однакожъ, что глава одного изъ двухъ домовъ — сынъ Французскаго ренегата, получившій отъ своего отца совершенно Европейское воспитаніе, и сохраняющій въ своей крови дѣятельность Француза. Я съ особеннымъ любопытствомъ посѣтилъ его контору, и не могъ надивиться ловкости и образованію молодаго негоціанта Османлы, благородному его обращенію съ нѣсколькими Европейскими секретарями, которые вели его Французскую и Италіянскую переписку, и съ *кіатибами*, которые списывали Турецкіе счеты. Я

готовъ былъ подумать, что это какая нибудь мистификація; потомъ пояснили мнѣ его происхожденіе, и загадка разрѣшилась. Его контора, равно какъ и другая чисто Турецкая контора ведутъ довольно успѣшно свои дѣла, и можетъ быть онѣ найдутъ послѣдователей между правовѣрными. Оба эти дома имѣютъ свои корабли; но попытка ихъ въ торговомъ мореплаваніи доселѣ неудачна, и бури Чернаго Моря нанесли имъ много убытковъ и поглотили не одно ихъ судно съ товарами.

Въ Константинополѣ нѣтъ биржи; но каждый базаръ представляетъ всю биржевую дѣятельность, а недостатокъ общей биржи придаетъ еще болѣе важности званію маклеровъ, которые цѣлый день суетятся, служатъ главными посредниками всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ между Европейцами, и единственными и необходимыми производителями всякаго дѣла Европейцевъ съ Турками и съ другими туземными купцами. Я никогда не могъ постичь, какимъ образомъ завладѣли они этою странною привиллегіею и не допускаютъ никакихъ непосредственныхъ сношеній между Европейцами и Турками, отчего, нѣтъ сомнѣнія, и тѣ и другіе

терпятъ. Мы привыкли упрекать Турокъ въ безстрастіи, по какимъ образомъ пояснить упрямство Европейскихъ купцевъ, которые поселились на Востокѣ, и ни сами они, ни дѣти ихъ не хотятъ учиться Турецкому языку, и проводятъ всю жизнь съ связанными руками и въ зависимости отъ маклеровъ и факторовъ?

Нигдѣ, можетъ быть, въ цѣломъ мірѣ торговля не обнаруживаетъ такой дѣятельности, такой смѣтливости какъ въ Константинополѣ. Кромѣ четырехъ коренныхъ племенъ столицы всякое государство имѣетъ здѣсь свою торгующую колонію, и всякое изъ этихъ вольныхъ обществъ, большихъ и малыхъ, слѣдуетъ особенной системѣ, особеннымъ правиламъ въ своихъ коммерческихъ операціяхъ. Съ перваго взгляда вы подумаете, что это какой-то хаосъ, среди коего всѣ элементы образованнаго и необразованнаго міра перемѣшались въ своемъ вѣчномъ движеніи, такъ какъ флаги всѣхъ націй въ плаваніи по Босфору. Это самое дастъ вамъ, можетъ быть, о Константинопольской торговлѣ слишкомъ выгодное мнѣніе, и представитъ ее еще болѣе обширною, нежели какова она въ самомъ дѣлѣ. Присутствіе въ гавани всѣхъ ко-

раблей плавающихъ въ Черноморскіе города еще усиливаетъ иллюзію. Но какъ бы то ни было столица Султана производитъ несмѣтные обороты собственными своими торговыми элементами, какъ для внѣшней такъ и для внутренней торговли всей Имперіи. Удивительно, какъ многіе писатели могутъ увѣрять, что торговля этой страны приходитъ въ упадокъ; въ нашихъ глазахъ происходитъ самое дѣятельное торговое движеніе. Если теперь не такъ легко обогащаться, какъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, это потому что торговля до безконечности раздробилась; она была прежде принадлежностію немногихъ домовъ или привиллегированныхъ компаній; теперь найдете въ Константинополѣ, какъ и въ Смирнѣ и въ Салоникѣ, тысячи зажиточныхъ купцевъ. Съ каждымъ годомъ увеличивается требованіе на привозъ Европейскихъ товаровъ; необходимо въ той же прогрессіи возрастаетъ и вывозъ Турецкихъ произведеній, потому что Турція не имѣетъ металла для установленія торговаго баланса. Учрежденное уже пароходство по Дунаю, и правильное сообщеніе съ разными пунктами Средиземнаго Моря, получающее съ каждымъ годомъ новое раз-

вишіе; открываетъ Константинопольской торговлѣ новую перспективу дѣятельности. Всѣ эти предпріятія впрочемъ не принадлежатъ самой странѣ; потому что самая торговля не принадлежитъ владычествующему здѣсь племени. Ея дѣятельность и огромность доказываютъ только колоссальныя промышленныя силы, коими сама Природа одарила эту страну.

Въ ней почти осуществлена утопія новѣйшихъ экономистовъ Европы — совершенная свобода торговли; но при Турецкомъ безстрастіи всѣ ея выгоды принадлежатъ Европейцамъ, и эта богатая Имперія въ нынѣшнемъ своемъ положеніи составляетъ родъ вольной мызы на откупу Европейцевъ, родъ колоніи, которая не стоила имъ трудовъ завоеванія, которой содержаніе имъ ничего не стоитъ, и которою всякій пользуется по своему произволу, между тѣмъ какъ народъ пріобрѣвшій ее своею кровію, глотаетъ опіумъ, куритъ трубку, усердно славитъ своего Аллаха, своимъ буйствомъ и своимъ безстрастіемъ подкапываетъ съ каждымъ днемъ свое могущество, продолжаетъ снимать послѣдніе колосья отъ жатвы скошенной саблею его предковъ, и не заботится о томъ чтобы

засѣять опустѣлыя нивы. Это можетъ быть еще болѣе нежели политическія несчастія Турціи, должно смущать Оттомановъ о будущихъ судьбахъ ихъ Державы. Но мы предоставимъ Европейскимъ журналамъ, которые нашли въ послѣдніе годы и въ послѣднихъ происшествіяхъ Турціи неисчерпаемый источникъ вздорныхъ сужденій о Востокѣ, предсказывать этому государству неминуемое разрушеніе, или возрожденіе сообразное республиканскимъ началамъ, проповѣдуемымъ ими. Даже одинъ изъ Французскихъ законодателей, поэтъ извѣстный всей Европѣ, вмѣстѣ съ живописнымъ своимъ путешествіемъ по Востоку представилъ цѣлый планъ перерожденія и готовую конституцію для какого-то фантастическаго государства, воздвигаемаго имъ на развалинахъ Оттоманской Имперіи. Было время когда города строились при звукахъ Аполлоновой лиры и политическія общества основывались по пѣснямъ Орфея, и воздвигались колоніи по вдохновеннымъ стихамъ Пиѳониссы; но теперь государства живутъ и умираютъ не по предреканіямъ поэтовъ, и еще менѣе, слава Богу, по рецептамъ публицистовъ. Уже сто лѣтъ тому назадъ Монтескьё гово-

рилъ, что уже наступаетъ послѣдній часъ Османовой Имперіи, и машемапически доказывалъ, что она не можетъ болѣе существовать. Весьма не многіе захотѣли вникнуть въ политическое образованіе этаго государства, совершенно отличное отъ всѣхъ Европейскихъ теорій, и въ главный источникъ жизненной его силы — въ безконечныя средства, доставляемыя ему самою землею и географическимъ положеніемъ. Злоупотребленіе и нерадѣніе правительства и народа — это болѣзнь политическаго тѣла, часто болѣзнь неизлечимая; но воздухъ Босфора здоровъ, и на его берегахъ больные, съ чахоткою въ груди, переживаютъ иногда здоровыхъ. Восточная Имперія рушилась и распадалась цѣлое тысячилѣтіе, въ продолженіе котораго родились, процвѣли и отцвѣли многія государства. Касательно пороковъ въ правительствѣ и омертвѣлости народа, она кажется не уступала Турціи, и политическія ея постановленія врядъ ли могли сравниться съ Турецкими, которыя, несмотря на злоупотребленія мѣстныхъ властей, сильно благопріятствуютъ подвластнымъ племенамъ, и даже привязываютъ ихъ къ Оттоманскому владычеству, при всей религіозной и врожден-

ной антипатіи къ оттоманскому народу. И когда Венеціанцы и Генуэзцы держали въ своихъ рукахъ всю торговлю, какъ держишъ ее теперь другіе Европейскіе народы; и при всемъ томъ Восточная Имперія, какъ всякому извѣстно, была богатѣйшимъ изъ Европейскихъ государствъ, и Италіянскія республики нажились какъ паразиты, собирая крохи съ ея пышнѣйшаго пира. Можетъ быть Турки, въ нынѣшнемъ своемъ положеніи, вправѣ повторять завѣтныя слова корана. «Все отъ Него (отъ Бога), и смерть людей и паденіе царствъ. Ни одинъ народъ не можетъ приблизить ни удалить предопредѣленнаго часа своего нападенія.»

ГЛАВА II.

Путешествующіе Англичане. — Ихъ несчастіе. — Синьоръ Андрико. — Приключенія и знакомство на большой дорогѣ. — Запасный конь. — Сглазка. — Пѣздникъ. — Нѣкоторыя мысли о женщинахъ и объ обычаѣ цѣловать руку. — Ландшафты — Славянскій городокъ. — Письма Леди Монтегю. — Любовные талисманы и чары. — Прежняя и нынѣшняя эпоха Бѣлграда. — Водопроводы и венды. — Поэма въ честь Махмуда. — Домузъ-дере и Турецкій лагерь.

Неразлучный мой спутникъ въ плаваніи по Средиземному Морю и во всѣхъ моихъ поѣздкахъ и прогулкахъ по Константинополю, Докторъ Г***, имѣлъ случай завести короткое знакомство съ двумя путешественниками Англичанами. Въ Константинополѣ, какъ и во всѣхъ точкахъ земнаго шара, можете быть увѣрены найти во всякое время путешествующихъ Англичанъ. Въ послѣдніе годы въ особенности, послѣ долгихъ превогъ Востока, возбудившихъ общее вниманіе успокоенной Европы, можно подумать, что Великобританія послала цѣлую орду путешественниковъ на Грецію и на Турцію, не говоря уже о флотскихъ офицерахъ, которыхъ

Турки принимаютъ за Пашей по генеральскимъ ихъ эполетамъ, о молодыхъ мичманахъ, которые дѣлаютъ всякаго рода проказы въ приморскихъ городахъ, о пьяныхъ матросахъ, которые шатаются по набережнымъ и по пристанямъ, и хотятъ учить Турокъ благородному боксиру; доколѣ ввечеру урядники ихъ свяжутъ, положатъ какъ сельдей въ баркасъ, и потомъ на блокахъ подпимутъ на палубу военнаго корабля.

Наши Англичане еще недавно прибыли въ Константинополь, прямо изъ своего отечества, и свято сохраняли свои патріотическія причуды; они имѣли достаточный запасъ гиней, чтобы смѣло предаться самому разорительному изъ всѣхъ вкусовъ — вкусу къ путешествіямъ. Шкуна, которую они зафрактовали нарочно для своего плаванія по Средиземному Морю, вышла изъ Темзы въ Маѣ, и на пути зашла только въ Мальту, которая уже до того сдѣлалась Англійскою, что одинъ изъ нашихъ граммотныхъ матросовъ, послѣ Наваринскаго сраженія, писалъ къ своимъ въ Тамбовскую губернію: »изъ Мальты, что въ Англіи, близъ Турецкой границы;« по этому наши путешественники съѣхали на берегъ Босфора, не имѣя другихъ

впечатлѣній о Турціи, кромѣ впечатлѣній произведенныхъ Музою Байрона.

Посудите каково было ихъ положеніе, когда изсреди утонченныхъ конфортовъ Англійскаго быта, такъ бережно сохраняемыхъ на кораблѣ, они по зловоннымъ улицамъ Галаты отправились прямо въ душный домъ, который въ Перѣ красится именемъ Hotel d'Europe, и который немногимъ лучше Турецкаго каравансарая. Они не имѣли никакихъ знакомствъ и никакой другой рекомендаціи, кромѣ кредитнаго письма къ одному банкиру. Днемъ они не могли выходить отъ удушливыхъ жаровъ, ночью никто изъ дому не выходитъ; оставалось бродить ввечеру по кладбищамъ, а въ остальное время курить сигару и проклинать Турцію. Присоедините къ этому дурной столъ, дурныя кровати, а пуще всего незнаніе ни Турецкаго ни Греческаго языка, ни даже Левантино-Итальянскаго, который нигдѣ не преподается, но необходимъ путешественнику по всей восточной сторонѣ Средиземнаго Моря, — и вы не удивитесь, что когда Докторъ Г*** съ ними познакомился, онъ нашелъ въ нихъ уже признаки сплина, обнаруживавшіеся подъ яснымъ небомъ

Босфора. Онъ передалъ имъ переводчика и проводника, который нѣсколько времени былъ нашимъ чичероне, одного изъ Перотскихъ полиглоттовъ, знавшаго по-англійски, и уже имѣвшаго случай ознакомиться съ характеромъ и съ привычками многихъ *Милордовъ*, т. е. путешественниковъ всѣхъ Европейскихъ племенъ. По зрѣломъ разсужденіи, въ которомъ докторъ игралъ роль консультатора, Англичане, чтобы не умереть съ голоду и отъ безсонницы въ лучшей гостинницѣ Константинополя, которой содержательница Мальтійка уже порядочно ощипала loro illustrissime signorie, i cavalieri paganti — рѣшились пересѣсть на шкуну, вытянуться на рейдъ, и оттуда каждый день отправляться осматривать городъ и предмѣстія.

Кратковременное пребываніе въ Перѣ заставило путешественниковъ отложить до другаго времени поѣздки въ Стамбулъ и въ Галату; чтобы вознаградить себя за претерпѣнныя непріятности, они рѣшились начать съ самыхъ далекихъ предмѣстій. Мы съ докторомъ сбирались ѣхать въ Бѣлградъ, и потомъ осмотрѣть Азіятскій берегъ Босфора; наши планы

согласовались съ планомъ Англичанъ; они вызвались быть нашими спутниками. На другой день ихъ шкуна пришла положить якорь въ бухтѣ Терапіи, недалеко отъ нашей главной квартиры Буюкдере. Общій нашъ фактотумъ Signor Andrico долженъ былъ привести изъ Стамбула хорошихъ лошадей съ Турками конюхами, а наши новые знакомцы взялись заготовить съѣстные припасы на весь походъ, который по нашимъ расчетамъ долженъ былъ продлиться трое сутокъ.

Но мы упустили изъ виду одно обстоятельство, которое чуть было не разрушило всѣ наши планы: намъ привели лошадей съ турецкими сѣдлами; мы имѣли свои запасныя сѣдла, но Англичане были рады случаю испытать турецкую ѣзду, и Синьоръ Андрико увѣрялъ ихъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ сидѣть на лошади съ согнутыми колѣнами и опираться на высокую спинку сѣдла. Стоило неимовѣрныхъ усилій длинноногимъ джентельменамъ принять должную позицію на высокомъ сѣдлѣ; едва только мы взъѣхали на гору, Сиръ Томасъ Эндлей, отличный ѣздокъ, необдуманно захотѣлъ пустить свою лошадь въ галопъ; но при первомъ

порывѣ горячаго коня Англичанинъ, который сидѣлъ вытянувшись, будто въ стрункѣ, получилъ сильный ударъ въ поясницу отъ высокой спинки сѣдла, и чуть было не упалъ безъ чувствъ; къ счастію, онъ успѣлъ остановить лошадь, и поспѣшилъ сойти, и дать себѣ слово никогда болѣе не испытывать Азіятской ѣзды. Андрико сталъ ему толковать правила сидѣнія на Турецкомъ сѣдлѣ, и вычислять всѣ преимущества его предъ Европейскимъ; онъ разомъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ и ссылался на свидѣтельство Турецкаго наѣздника; но Турокъ только улыбкою выражалъ свое состраданіе къ неловкости Европейца, который имѣлъ притязаніе выбрать лучшую лошадь, и не могъ съ нею управиться. Мы однако послали Андрика за двумя англійскими сѣдлами, и чрезъ часъ пустились въ путь, оправившись отъ первой неудачи.

Мы догнали въ горахъ молодаго Турецкаго наѣзднка, гвардейскаго полковника; двое служителей вели за нимъ спатную лошадь подъ сѣдломъ и попоною, для перемѣны. Это такъ водится между знатными людьми, которые или не хотятъ слишкомъ утомлять своихъ лоша-

дей, или любятъ по своему капризу перемѣнять ихъ, или щеголяютъ числомъ запасныхъ коней. Послѣ обыкновенныхъ селамалековъ, которые даютъ вамъ право сблизиться со всякимъ порядочнымъ человѣкомъ на большой дорогѣ, и въ Турціи нерѣдко служатъ основаніемъ тѣсныхъ дружественныхъ связей, я началъ хвалить Турку лошадь, которая кокетно рисовалась подъ нимъ на легкомъ скаку, и удивляться ея совершенствамъ. Она была въ самомъ дѣлѣ красавица, горячая и послушная, совершенно бѣлая, но отъ поту покрытая оловяною синевою. Лучшее средство войти въ милость къ Турку, и можетъ быть ко всякому страстному любителю лошадей — расхвалить его лошадь. Это почти столько же вѣрно, какъ заслужить благосклонность матери, хваля ея любимое дитя. Молодой Эфенди съ радостію принималъ комплименты, которые я вздумалъ дѣлать въ восточномъ вкусѣ его коню, сравнивая его не съ вѣтрами Аравійской степи, но съ вѣтромъ который свѣжо дулъ въ горахъ. Сглазки нечего было бояться, потому что на лбу у коня, между разными побрякушками и страссами, висѣлъ голубой камень, полу-

ченный, можетъ быть, за большія деньги отъ какого нибудь дервиша, какъ лучшее предостерегательное средство отъ всѣхъ несчастій, сопровождающихъ удивленіе и похвалу зрителя. Таинственная и злая сила глаза, cattivo occhio, какъ ее называютъ Левантійцы, имѣетъ особенное вліяніе на лошадей и на дѣтей. Есть болѣзни лошадиныя и дѣтскія, единственно отъ нея проистекающія. Впрочемъ и быки и буйволы упрягаемые въ *араба*, имѣютъ на лбу короны изъ голубыхъ камней, и даже нерѣдко на кормѣ каиковъ увидите узоръ съ голубымъ камнемъ. Все это противу сглазки. Иногда вмѣсто голубаго камня навѣшиваютъ чеснокъ, который также считается предостерегательнымъ средствомъ.

Обезпеченный такимъ образомъ противу нашего удивленія, наѣздникъ хотѣлъ выказать франкамъ всѣ достоинства своего коня, и свою ловкость и смѣлость. Онъ выѣхалъ изъ тропинки, по которой мы пробирались на довольно крутую гору, и сталъ среди камней, кустовъ и хворосту дѣлать разныя опасныя эволюціи, скакать во весь опоръ на каменную скалу, круто осаживать лошадь, поднимать ее

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

на дыбы, и перебрасывать со стороны на сторону, съ очевидною опасностію сломать себѣ шею, или по крайней мѣрѣ испортить заднія ноги лошади. Но таковъ Турокъ; для него ничего не можетъ быть скучнѣе, какъ наши выѣзженныя въ манежѣ лошади; онъ любитъ копя дикаго, который въ стойлѣ оковалъ въ цѣпи, котораго природный огонь еще сильнѣе воспламеняется въ неволѣ, и котораго нравъ не укротился воспитаніемъ. За то и мундштуки этихъ копей бываютъ необыкновенной величины; за то и весьма рѣдко найдете турецкую лошадь, даже между лучшими и дорогими породами, у которой бы ротъ не былъ испорченъ отъ мундштука, а ноги отъ привычки наѣздниковъ скакать по камнямъ и круто осаживать.

Когда нашъ Эфенди заморилъ порядкомъ свою лошадь и самъ утомился, велѣлъ подать другую, которой походка была весьма легкая и покойная иноходь, весьма уважаемая въ Турціи для дальнихъ дорогъ, и принадлежащая особенному разряду коней, именуемыхъ *чакыръ*.

Онъ ѣхалъ въ *чифтликъ*, или Турецкую мызу, неподалеку отъ Бѣлграда, и охотно со-

гласился быть нашимъ спутникомъ. Такимъ образомъ нашъ караванъ усилился; пятьнадцать человѣкъ, Русскихъ, Грековъ, Англичанъ и Турокъ, сведены случаемъ на пустынныхъ тропинкахъ древняго Гемуса. Пестрота костюмовъ, Азіятскій и Европейскій уборъ коней, оружіе, которымъ мы запаслись, можетъ быть, для охоты, можетъ быть, для собственной безопасности въ этой глуши — все это для меня уже вещь старая и привычная, послѣ моихъ поѣздокъ по гористой Греціи въ эпоху ея междоусобій, имѣло прелесть новизны для моихъ спутниковъ Англичанъ. Меня болѣе всего занималъ во всю дорогу разговоръ ихъ съ Туркомъ посредствомъ переводчика Андрика. Путешественники-наблюдатели вздумали начать съ эфендіемъ философское прѣніе о выгодахъ и невыгодахъ многоженства. Я вспомнилъ встрѣчу Саладина съ Шотландскимъ рыцаремъ, которою такъ живописно начинается романъ Вальтеръ-Скотта »Талисманъ.« Но Турецкій Эфенди не входилъ въ такія тонкія аллегоріи какъ Мусульманскій вишязь Вальтеръ-Скотта. Онъ лаконически сказалъ, что это воля Аллаха, выраженная весьма понятно въ Коранѣ; что это привиллегія дарованная избранному народу; потомъ

не довольствуясь этими доводами, основанными на мусульманскомъ богословіи, онъ спросилъ, кто занимаетъ первое мѣсто въ обществѣ, даже въ странѣ невѣрныхъ, мужчины ли или женщины? Хотя онъ и читалъ въ дѣтствѣ въ повѣствованіяхъ одного Турецкаго посланника бывшаго въ Парижѣ, между прочими странными обычаями этой страны, что мужчины до того унижены, что цѣлуютъ руки у женщинъ, *точно какъ собаки, которыя лижутъ руку своего господина* (*), но онъ хорошо зналъ, что все таки они бываютъ Визирями и Пашами, и не женщины составляютъ *девлетъ*, благополучіе, т. е. правительство, въ ихъ государствахъ. Это явное доказательство превосходства ихъ пола надъ другимъ, и потому они имѣютъ право владѣть нѣсколькими женами, точно такъ какъ достаточный человѣкъ имѣетъ несомнѣнное право держать на своей конюшнѣ сколько угодно лошадей, и перемѣнять ихъ по своей прихоти. Англичане въ тотъ же день внесли въ свою записную книжку, которая, мо-

(*) Въ Турціи женщины проститьльницы, хотя бы онѣ были высокаго званія, цѣлуютъ руку вельможъ и судей; жена цѣлуетъ руку мужа; не дать руки будетъ не учтивостію а грубостію.

жетъ быть, предназначена когда нибудь внести ихъ въ классъ печатныхъ странствователей, что по Турецкой логикѣ, права женщинъ въ обществѣ основываются на правахъ лошадиныхъ.

Послѣ изнѣженныхъ ландшафтовъ Босфора дикая природа горъ имѣла для насъ особенную прелесть. Атмосфера становилась прохладнѣе; вѣтеръ умирающій въ Босфорскихъ долинахъ, дуетъ на горахъ свѣжо и жизненно; каждый разъ, взъѣхавъ изъ долинъ на горную возвышенность, мы открывали горизонтъ просторнѣе и богаче, и новыя картины являлись и исчезали въ этой измѣняющейся панорамѣ. Мы оставили въ сторонѣ Буюкдерскую долину и древній водопроводъ, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ, и едвали не самый прочный изъ памятниковъ Византійской старины, производящій такой прекрасный эффектъ во глубинѣ долины, когда вы смотрите съ моря, промежь свѣжей перспективной декораціи Буюкдерскихъ горъ. Нѣсколько подобныхъ колоссовъ перешагаютъ черезъ долины съ данію горныхъ потоковъ для древней столицы міра. Предъ нами черпѣлись густые лѣса Бѣлграда; вдалекѣ про-

глядывала полоса Чернаго Моря, будто кружево изъ пѣны, которымъ окапчивались края раскинутаго надъ нами шелковаго шатра, ярко голубаго и безоблачнаго... Оракійская природа является здѣсь исполненная могущества и строгаго величія; самое уединеніе, отсутствіе всякаго жилья, всякаго слѣда человѣка, кромѣ этихъ гигантскихъ памятниковъ, которые переносятъ воображеніе ваше къ другимъ вѣкамъ, еще болѣе возвышаетъ красоту пейзажа, брошеннаго среди роскошныхъ окрестностей Константинополя, будто вѣрный отпечатокъ суровой Оракійской старины, будто послѣдняя ступень дикаго Гемуса, склонившагося подъ вѣнцемъ своихъ древнихъ лѣсовъ къ влажному лону Босфора, но еще сохраняющаго свою первобытную мрачность и отголоски любовныхъ пѣсень Орфея, среди неистовыхъ кликовъ Оракійскихъ Вакханокъ.

Платанъ, дубъ и каштановое дерево растутъ здѣсь въ изобиліи, и нигдѣ не видалъ я деревъ прекраснѣе и живописнѣе. Мои спутники вспомнили древніе дубы ихъ острова, воспѣтые Шекспиромъ: »великановъ лѣса съ искривленными руками, съ холмистымъ челомъ, чудо-

вищно сгорбленныхъ, съ морщинистою корою, съ корнями, которые усильно впиваются въ землю, чтобы опять изъ нее выглядывать.« Въ Турціи доселѣ правительство такъ мало обращаетъ вниманія на сбереженіе своихъ лѣсовъ, что лучшіе изъ нихъ во Ѳракіи и по Черноморскому берегу Малой Азіи еще недолго будетъ существовать, при безпрестанныхъ пожарахъ и перестройкахъ Стамбула. Но лѣса Бѣлграда неприкосновенны; ихъ будто охраняетъ языческое благоговѣніе къ лѣсамъ друидскимъ — этимъ храмамъ насажденнымъ мрачною природою древней Германіи для мрачныхъ таинствъ сѣверной Миѳологіи, или поэтическая любовь Эллады къ ея завѣтнымъ рощамъ, которыхъ олива и лавръ вѣнчали героевъ и поэтовъ. Въ тѣни Бѣлградскихъ лѣсовъ не совершаются никакія таинства; въ наше время никому не плетутся вѣнки; но также религіозное благоговѣніе Мусульманъ ихъ окружаетъ, потому что они сберегаютъ въ своей тѣни водоемы, изъ коихъ утоляется жажда правовѣрнаго Стамбула, и омываются по нѣскольку разъ въ день его грѣхи.

Народное уваженіе къ этимъ лѣсамъ и заботы правительства объ нихъ, восходятъ до

самой глубокой древности Конспаншинополя. Самъ основатель Босфорской столицы заботился о насажденіи деревъ кругомъ влажныхъ долинъ Бѣлграда. Императорскій эдиктъ освобождалъ жителей этаго округа отъ всякихъ повинностей, съ тѣмъ чтобы они исключительно охраняли лѣса и воды. Дубы и платаны пережили Всемірную Имперію и ея исполинскіе памятники изъ мѣди и мрамора. Эдикты преемниковъ Конспаншина подвергали строгой пѣнѣ того, ктобы сорвалъ вѣтвь съ Бѣлградскихъ деревъ. Можетъ быть объ нихъ-то говоритъ историкъ Никитасъ, что евнухи были приставлены для охраненія деревъ, что ихъ берегли какъ языческую святыню, вмѣсто того чтобы строить Флотъ противу непріятелей. Фирманы Султановъ возобновили старый законъ Имперіи, не изъ уваженія къ памяти Конспаншина, но для лучшаго сбереженія воды которая любитъ тѣнь (*).

(*) Нѣсколько Императорскихъ эдиктовъ относительно водъ, водопроводовъ и лѣсовъ предназначенныхъ единственно къ сохраненію водъ, собраны въ ученомъ твореніи Графа Андреосси о Конспаншинополѣ и Босфорѣ. Въ немъ сказано, что они заимствованы изъ книги Фронтина De aquaeductibus urbis

Послѣ трехчасоваго пути мы въѣхали въ Бѣлградъ. Это Славянское имя въ сосѣдствѣ Константинополя напоминаетъ ту эпоху, когда Византійскіе Императоры, послѣ кровопролитныхъ воинъ съ сѣверными племенами, должны были призывать къ себѣ полудикихъ выходцевъ, населять ими свою Имперію, пріучать ихъ къ осѣдлой жизни, и обращать въ Христіанъ, въ мирныхъ пастуховъ и въ земледѣльцевъ. Нельзя опредѣлить времени основанія этой Болгарской колоніи; но она должна быть одна изъ древнѣйшихъ, потому что Бѣлградскіе жители потеряли всѣ черты своего Славянскаго происхожденія и самый языкъ, сохраняемый единоплеменными ихъ Болгарами вмѣстѣ съ пастушескою жизнію въ долинахъ Балкана.

Дряхлый городъ утонулъ въ зелени своихъ садовъ. Между бѣдными хижинами мѣстами видны домы большіе, деревянные, подобные Босфорскимъ кіоскамъ. Все это пусто, запущено и

Romae; но здѣсь недоразумѣніе: Римскій писатель Секстъ Юлій Фронтинъ умеръ въ началѣ втораго вѣка нашей эры; развѣ коментаторы присоединили къ его творенію свѣдѣнія о водопроводахъ Константинополя.

самые сады одичали съ того времени, какъ Бѣлградъ пересталъ быть любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ лучшаго Европейскаго общества Константинополя, и уступилъ свои права предмѣстіямъ Буюкдере и Терапіи. Еще за сто лѣтъ предъ симъ Бѣлградъ славился своимъ здоровымъ воздухомъ, и посланники проводили въ немъ лѣтніе мѣсяцы. Общества, балы, концерты, всѣ увеселенія, весь этикетъ Европейскихъ столицъ нашли цвѣтущій пріютъ въ этомъ Болгарскомъ городкѣ, и Европейская жизнь сулыбилась въ уединенной Оракійской долинѣ.

Лучшее воспоминаніе, оставленное отъ этой блестящей эпохи Бѣлграда — два письма Леди Монтегю, жены Англійскаго посланника. Она пишетъ къ Попе, что здѣсь нашла Элисейскія поля древнихъ. Предъ ея домомъ собирались по вечерамъ хороводы поселянъ и поселянокъ, и благородная Леди, энтузіастка классической древности, видѣла въ молодыхъ Болгаркахъ Нимфъ, какими изображаютъ ихъ поэты и живописцы. Бѣлградскія поселянки сохранили и до нашего времени славу своей красоты; но въ ту эпоху когда писала Леди Монтегю, всѣ любовныя интриги Европейцевъ сосредоточивались въ

этихъ романтическихъ мѣняхъ. Одного не доспавало только для ученой Англичанки, чтобы вообразить себя среди языческаго эдема: она съ кокетнымъ педантствомъ и съ латинскими цитатами жалуется, что между Бѣлградскими ручьями не нашла Леты, которой бы воды освободили бы ее отъ воспоминаній дыма отечественныхъ каминовъ и сплетней и скуки Лондонскаго общества. Въ другомъ письмѣ она описываетъ своей пріятельницѣ, какимъ образомъ она вздумала испытать на себѣ свойства косметическаго бальзама Мекки, и какъ лице ея распухло, и мужъ бранилъ ее за неосторожное кокетство. Она разсказываетъ также, что Константинопольскія женщины сообщили ей важную тайну насильственно возбуждать любовь и плѣнять сердца, при помощи различныхъ чаръ, которыя по преданію сохранились въ этихъ мѣстахъ, вѣроятно со времени древнихъ Ѳракіянокъ. Леди надѣялась, что ея соотечественницы будутъ ей несказанно благодарны, если она по возвращеніи сообщитъ имъ эту великую науку.

Въ самомъ дѣлѣ нигдѣ не нашелъ я, ни въ Греціи ни въ Малой Азіи, столько вѣры въ ма-

инственную силу чаръ какъ въ жителяхъ Константинополя и его предмѣстій. Кромѣ тысячи нелѣпыхъ анекдотовъ о сглазкѣ, въ которую искони вѣрятъ всѣ народы Средиземнаго Моря, вамъ раскажутъ какимъ образомъ молодая женщина наказала измѣну своего любовника, наложивши на него такія чары, отъ которыхъ онъ изчахъ и умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, или на всю жизнь остался мученикомъ, лишеннымъ силы любить, и чувствуетъ боязнь при видѣ женщины. Сколько браковъ разстроено отъ тайныхъ средствъ употребленныхъ ревностію; сколько браковъ совершено также противу всѣхъ ожиданій, противу природныхъ склонностей, отъ одной непреоборимой силы чаръ! Примѣчанія достойно, что здѣсь не однѣ старухи славятся чародѣйствомъ; есть молодыя женщины, которыя посвятились уже въ его таинства, особенно послѣ несчастной страсти. Лунный свѣтъ здѣсь какъ и вездѣ играетъ важную роль въ этомъ романтическомъ чародѣйствѣ; но правъ, сколько я слышалъ, не употребляется; чаще всего кусокъ мыла съ волосами, съ бумажкою исписанною таинственными словами, кладется въ морѣ, у берега, подъ

камнемъ, и по мѣрѣ того какъ мыло разводится отъ воды, изсыхаетъ и жизнь осужденнаго. Есть узлы странной формы, которыхъ особенно боятся новобрачные. Дѣло опытной свахи — тщательно обыскать ихъ комнату, чтобы не было въ ней подброшено отъ непріязненной руки подобнаго узла. Я самъ былъ свидѣтелемъ страха наведеннаго на новобрачныхъ и на всю родню узломъ найденнымъ подъ одѣялами. Молодой супругъ въ цвѣтущемъ здравіи почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ своей дѣвственной женѣ, и болѣзненно избѣгалъ ея ласкъ, доколѣ его не удостовѣрили, что сила чаръ разрушена. Турки присоединили къ суевѣріямъ, принятымъ ими вмѣстѣ съ вѣрою отъ Аравитянъ, и всѣ суевѣрія Грековъ. Магометъ строго запрещаетъ вѣрить въ чародѣйство, но видно что онъ самъ не былъ свободенъ отъ мистическихъ суевѣрій его родины, и въ послѣднихъ главахъ своей Книги онъ молитъ Аллаха, да охранитъ его отъ вліянія чаръ. Есть въ Константинополѣ имамы, которые читаютъ эти молитвы надъ правовѣрными и надъ гяурами, и ими разрушаютъ чары. Эти же молитвы почитаются лучшими рецептами отъ многихъ бо-

лѣзней, приписываемыхъ таинственной силѣ сглазки и чародѣйства.

Насъ повели къ тому дому, въ которомъ жила Леди Монтегю, и который извѣстенъ здѣшнимъ жителямъ, какъ Бѣлградская достопамятность. Мы не могли не жалѣть, глядя на устарѣлый домъ, о томъ что нынѣшній Бѣлградъ вовсе не то что онъ былъ сто лѣтъ тому назадъ.

Жители обѣднѣли съ того времени, какъ Европейцы перестали переѣзжать къ нимъ на лѣто, защищать ихъ отъ притѣсненій Турецкой полиціи, и оживлять своимъ присутствіемъ ихъ сельскую промышленность. Европейскія Миссіи оставили Бѣлградъ по причинѣ лихорадокъ производимыхъ здѣсь отъ испаренія стоячихъ водъ и отъ сырости почвы въ лѣтніе мѣсяцы; изрѣдка только прорываются среди лѣсистыхъ окрестностей періодическіе вѣтры Чернаго Моря. Впрочемъ любители охоты продолжаютъ отъ времени до времени навѣщать это восхитительное мѣсто, и проводятъ здѣсь осень. Лѣса изобилуютъ дичью всякаго рода, и въ частомъ кустарникѣ окрестныхъ горъ скрываются кабаны, зайцы, лисицы и множество волковъ и шакаловъ.

Мы были слишкомъ утомлены въ этотъ день, чтобы думать объ охотѣ. Оставивъ лошадей у одного поселянина, мы пошли осмотрѣть *бенды*, или водоемы, находящіеся въ сосѣдствѣ Бѣлграда.

Это мѣсто хотя и отстоитъ на тридцать верстъ отъ Константинополя, было однако выбрано для снабженія водою города, потому что рѣчки Кидарисъ и Варвизесъ, протекая по низменному мѣсту, не могли быть проведены въ городъ. Долина углубленная амфитеатромъ между пригорками, съ коихъ стекаетъ вода Балкана, была прорыта, и получила видъ искусственнаго пруда; въ нее были проведены всѣ окружные источники, и для поднятія воды на достаточную высоту, она была застроена въ истокѣ своемъ колоссальною плотиною, достойною лучшихъ памятниковъ Рима. Въ разныя эпохи, и по мѣрѣ того какъ увеличивалось народонаселеніе столицы и потребность воды, были изготовлены другіе подобные водоемы и строились новыя плотины. Турки болѣе всѣхъ памятниковъ Имперіи уважили и сберегли бенды и водопроводы, какъ необходимые столицѣ Исламизма, не имѣющей другаго средства для снабженія себя во-

дою. Но Султаны, починяя обвѣтшалыя плошины, замѣняли по обыкновенію двуглавые орлы, кресты и надписи древнихъ строителей, своими *тура* или монограммами и новыми надписями, золоченными и напыщенными восточною хвастливостію. Надпись покрывающая нынѣ бендъ, который носитъ имя нынѣшняго Султана, составляетъ кажется цѣлую поэму въ похвалу Махмуда. Намъ ее перевели, и я думалъ было списать ея содержаніе; она безъ сомнѣнія составляетъ отличный образчикъ восточнаго краснорѣчія, но на любомъ Европейскомъ языкѣ выйдетъ безсмыслица отъ этого набора гиперболическихъ эпитетовъ и метафоръ. Чѣмъ не названъ въ ней Султанъ Махмудъ? Онъ и источникъ живой воды, и центръ вселенной, и душа ея тѣла, и благотворитель всѣхъ племенъ, и владѣтель могущества, и убѣжище всѣхъ величій, и тѣнь Аллаха, и царь царей, и великолѣпный и грозный и мстительный и пр. и пр. »Да продлитъ Аллахъ надъ народами оборонительную тѣнь его могущества! Онъ воздвигъ этотъ бендъ, чтобы народы возсылали хвалы Аллаху и благословляли его руку. Самыя воды горнаго истока смирились предъ

его закономъ, и съ покорностію посятъ мраморную цѣпь бенда, надѣтую на нихъ мощною его десницею. Какъ эти воды не сорвутъ своей плотины, такъ и благословенное его царствованіе не омрачится мятежами. Только голосъ соловья раздается съ того времени, какъ *міръ* покорился его законамъ. Доколѣ солнце въ часъ утра будетъ освѣщать изумрудную чашу бенда, да протекаетъ струя его воли, какъ струя этихъ водъ.«

Предсказанія поэта не совсѣмъ сбылись, и спокойствіе *всемірнаго Халифата* далеко не такъ прочно, какъ покорность горныхъ потоковъ окованныхъ въ плотины.

Колоссальныя мраморныя стѣны, съ рѣзьбою и позолотою, производятъ самый живописный эффектъ въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, среди густой зелени, широкихъ тѣней и широкаго зеркала воды, по которому онѣ недвижно протянулись.

Холодныя англійскія блюда ожидали насъ подъ тѣнію платана, на высотѣ плотины. Нашимъ спутникамъ первый разъ въ жизни пришлось садиться на коврѣ по-азіятски, безъ стульевъ; но великолѣпіе нашей столовой, свѣ-

жесть густаго навѣса вѣтвей, перспектива уставленная великолѣпнымъ водопроводомъ и пѣсни соловья съ веселымъ аккомпанименшомъ воды, которая, поднявшись до вышины плотины, вышекала изъ продѣланныхъ отверстій, низвергалась каскадомъ и образовала потомъ ручей вьющійся по простору долины — все это было кажется достаточно, чтобы вознаградить Англичанъ за неимѣніе стульевъ. Мы почувствовали другой недостатокъ болѣе существенный; кто бы угадалъ? — У самыхъ резервуаровъ и водопроводовъ мы не могли достать хорошей воды. Она здѣсь мутна и непріятна для вкуса. Мы должны были послать за водою къ источнику, который былъ верстахъ въ двухъ отъ насъ. Еще болѣе непріятно неимовѣрное множество лягушекъ населяющихъ эти воды, и даже иногда падины плавающія на нихъ, послѣ проливныхъ дождей. Весьма странно что Турки, которымъ религія такъ строго предписываетъ соблюдать чистоту въ своей пищѣ, не заботятся о томъ чтобы содержать въ опрятности свои водоемы. Впрочемъ эта самая вода, грязная и зловонная, совершивъ свое долгое теченіе до Стамбула, бьетъ въ городскихъ фон-

шапахъ чиспа и прозрачна, какъ вода ключевая.

Сиспема Конспантинопольскихъ водъ была предметомъ ученыхъ изысканій Графа Андреоси, Французскаго посла при Оттоманской Порть. Я запасся его книгою; она содержитъ много любопытнаго о гидравлическихъ работахъ Византійцевъ и Турокъ; но чтобы ее понять, нужно было слѣдовать по направленію водопроводовъ отъ Бѣлграда до Спамбула, и разсматривать въ подробности всѣ эти многосложныя работы, которыя сдѣлаются совершенно безполезными, когда Аллаху угодно будетъ открыть Туркамъ тайную силу воды подниматься въ трубахъ на такую высоту, съ какой она спускается. Я отложилъ до другаго времени удовлетвореніе моего любопытства по этому предмету, и предложилъ моимъ спутникамъ съѣздить къ берегу Чернаго Моря, которое отъ насъ было въ недальнемъ разстояніи.

Поднявшись на высоту послѣднихъ отраслей Балкана, мы открыли влажную степь Понта во всемъ его величіи. Азіятскій берегъ согнулся въ дугу, выступая на встрѣчу къ Европѣ у баснословныхъ Симплегадъ. Подъ нами раз-

спиралась между моремъ и горами просторная долина, названная, неизвѣстно почему, »долиною свиней, Домузъ-Дере.« Она заслуживала лучшее имя. Берегъ этотъ дикъ и безлюденъ, какъ омывающее его море. Онъ очевидно былъ еще недавно покрытъ лѣсомъ, но теперь его нагота представляетъ разительную противуположность съ лѣсистыми горами Бѣлграда. Между Турками носится сказаніе, будто это мѣсто была назначено для дессанта Русскаго войска еще въ войнахъ Екатерины Великой, съ тѣмъ чтобы отселѣ занять горы Бѣлграда и отрѣзать воду Константинополя. Въ послѣднюю войну, для предупрежденія подобнаго покушенія со стороны нашихъ войскъ, въ этой долинѣ былъ расположенъ лагерь и сдѣланы окопы. Долина, оглашаемая только прибоемъ моря, представила въ продолженіе лѣта 1828 года одушевленное зрѣлище азіятскаго лагеря. Здѣсь была главная квартира двадцатитысячной арміи, которой линія тянулась отъ устьевъ Чернаго Моря по Европейскому берегу до Бургаса, но которая не помѣшала нашему Флоту въ слѣдующемъ году взять Бургасъ, единственное мѣсто для высадки войскъ между Балканомъ и Константини-

Tomo II. Cap. 61.

нополемъ, и открыть сообщенія съ дѣйствующею арміею. Такимъ образомъ войска охранявшія Бѣлградъ со стороны моря остались совершенно безполезными. Здѣсь стояли одни нерегулярные полки, набранные во внутреннихъ провинціяхъ Азіятской Турціи; они были совершенно отдѣлены отъ регулярнаго войска, расположеннаго въ долинѣ Буюкдере и на возвышеніи Даутъ-Паша, чтобы его не заразить своимъ буйнымъ духомъ, въ ту эпоху когда Султанъ, при военныхъ тревогахъ, вводилъ въ свою армію новую дисциплину. На всѣхъ высотахъ кругомъ Бѣлграда были также укрѣпленные пункты и баттареи. Турки привыкли къ мысли видѣть наше войско подъ стѣнами своей столицы, и знаютъ, что ея Христіанскія стѣны слишкомъ обвѣщшали, чтобы защитить ихъ, какъ онѣ защитили своихъ Императоровъ двадцать девять разъ въ продолженіе тысячилѣтняго своего существованія.

Съ наступленіемъ ночи мы пустились въ обратный путь. Мы ночевали у гостепріимнаго Бѣлградскаго поселянина, на соломѣ и на цыновкахъ, которыя мы нашли, послѣ усталости дня, мягче пуховыхъ перинъ. Мы хотѣ-

ли сперва спать подъ чистымъ небомъ, но намъ посовѣтовали предохраниться отъ лихорадочной сыроспи ночи, и отъ комаровъ, которыми наполненъ воздухъ.

ГЛАВА III.

Охота. — Духовный законъ о дичи. — Левендъ-чифтликъ. — Турецкая мыза. — Полевыя работы. — Пастухи и земледѣльцы. — Плугъ. — Хлѣбъ въ Турціи. — Снабженіе хлѣбомъ столицы. — Притѣсненія и злоупотребленія. — Хлѣбная канцелярія. — Турецкіе коммиссары. — Старая мысль о вліяніи климата. — Налоги. — Поголовная подать; ея разряды; ея преобразованіе. — Статистика въ Турціи.

Я забылъ сказать что Турецкій полковникъ, разставаясь съ нами при въѣздѣ въ Бѣлградъ, пригласилъ къ себѣ въ чифликъ, котораго Турецкое имя такъ мудрено, что не могу разобрать его въ моей записной книжкѣ, и боюсь грѣшить противъ Оттоманскаго выговора. Мы тѣмъ охотнѣе приняли это приглашеніе, что оно совершенно согласовалось съ нашими планами, и мы желали видѣть внутреннее устройство Турецкой мызы и сельскія работы въ окрестностяхъ Константинополя.

На другое утро мы отправились на охоту по лѣсамъ Бѣлграда. Благодаря предусмотрительности нашего Андрико мы были снабжены

нужнымъ *тескере*, или билетомъ отъ Сераль-скаго чиновника Кунджи-Баши, завѣдывающаго департаментомъ дичи. Охотиться безъ этой записки опасно. не потому чтобы существовали какіе нибудь законы для охотниковъ и для охоты, но записки составляютъ доходъ присвоенный мѣсту Кунджи-Баши, и бродяги которымъ ввѣрено смотрѣніе за лѣсами, ея спрашиваютъ, и если нѣтъ, могутъ васъ оскорбить и отнять ружья.

Окрестности Константинополя и въ особенности лѣса Бѣлграда и поля прилежащія къ предмѣстію Св. Стефана, представляютъ любителямъ изобильную охоту. Но почти исключительно одни Европейцы предаются этому вкусу. Турки рѣдко охотятся, и еще рѣже подаютъ дичь за своимъ столомъ. Многіе приписываютъ это поэтическому ихъ сочувствію къ птицамъ; но есть и другая причина болѣе существенная: религія строго предписываетъ произносить имя Аллаха какъ при рѣзаніи животнаго, равнымъ образомъ и при убіеніи его на охотѣ, безъ чего оно не годится для правовѣрныхъ желудковъ. Совѣстливому Мусульманину весьма затруднителенъ этотъ обрядъ на охотѣ: можетъ случиться, что взводя курокъ

съ именемъ Аллаха, застрѣлитъ не ту самую птицу которую сперва завидѣлъ, но другую, надъ которою не было произнесено завѣтное слово. Нечего и говорить, что они вовсе не станутъ ѣсть дичи застрѣленной гяурами. Впрочемъ ловля птицъ посредствомъ сѣтей, или трости намазанныхъ клеемъ и поставленныхъ между вѣтвями деревъ, составляетъ довольно выгодную промышленность въ Турціи. Во всякомъ Турецкомъ городѣ найдете въ базарахъ множество вольныхъ гостей весны въ плѣну въ клѣткахъ, и набожные Мусульмане считаютъ дѣломъ весьма богоугоднымъ и однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ для искупленія грѣховъ, покупать ихъ и возвращать имъ свободу. Не знаю, утѣшителенъ ли этотъ обрядъ, или наводитъ грусть въ странѣ самаго безчеловѣчнаго рабства.

Когда воинственный духъ одушевлялъ еще преемниковъ Османа, они страстно любили охоту. Они содержали въ Сералѣ многочисленные чины Егермейстерской части, и сопутствуемые всѣмъ своимъ восточнымъ великолѣпіемъ, отправлялись на нѣсколько недѣль на охоту, простирая свои поѣздки иногда до самаго Адріа-

нополя. Были впрочемъ примѣры, что среди самыхъ увеселеній они чувствовали упреки совѣсти за смерть птицъ, и для своего успокоенія раздавали милостынями сумму соотвѣтствующую сдѣланной ими охотѣ. Теперь и въ Оттоманскомъ Дворѣ, какъ и во всѣхъ Европейскихъ Дворахъ, существуютъ еще Егермейстерскіе чины, единственно какъ памятники старинаго вкуса и великолѣпія. Въ областяхъ многіе Паши любятъ это развлеченіе. Въ Негрепонтѣ, еще въ бытность Турецкаго гарнизона, я былъ приглашенъ шамошнимъ Пашею на охоту оленей, со всѣми ея принадлежностями, со свитою болѣе ста пятидесяти человѣкъ, съ великолѣпіемъ, которое напоминало мнѣ блестящія увеселенія этаго рода, описанныя въ старинныхъ романахъ.

Но въ Бѣлградѣ наша охота была довольно скромная: за непмѣніемъ гончихъ мы должны были ограничиться стрѣляніемъ птицъ, и нѣсколько разъ наши выстрѣлы тревожили величественныхъ орловъ, которые отлетали къ скаламъ Чернаго Моря или къ Азіятскимъ лѣсамъ.

Мы проѣхали чрезъ Левендъ-Чифтликъ, живописную мызу, основанную въ царствованіе

Абдулъ-Хамида славнымъ Газы-Гасанъ-Пашею. Здѣсь давалъ этотъ вельможа великолѣпные праздники своему Султану. Селимъ основалъ потомъ здѣсь казармы для регулярнаго войска, которыя были сожжены и срыты до основанія Янычарами при паденіи Селима.

Два или три чифтлика менѣе примѣчательныхъ остались въ сторонѣ отъ нашей дороги. Нигдѣ можетъ быть въ цѣломъ мірѣ не найдете мѣстоположеній болѣе выгодныхъ, болѣе живописныхъ для сельскихъ жилищъ. Въ нихъ недостаетъ только морскаго горизонта. Роскошные пейзажи скрылись за завѣсою горъ отъ Босфора, и развѣ случайно, взъѣхавъ на возвышеніе, откроете свѣтлую его полосу промежъ двухъ разступившихся горъ на прибережьѣ. За то изгибы почвы, мѣстами скала увѣнчанная деревьями, опоясанная самымъ разнообразнымъ горизонтомъ, долина потонувшая въ тѣни и въ зелени, лѣсокъ раскинутый по уступу горъ, воздухъ упитанный тонкими ароматами горнаго прозябенія, — все это гармонически соединено великою художницею Природою, въ ожиданіи чтобы человѣкъ развелъ сады и покрылъ бы жатвами и сель-

скими жилищами эту великолѣпную пустыню.

Константинополь кромѣ своихъ Босфорскихъ предмѣстій окруженъ большею частію пустынею, которая напоминаетъ печальную полосу полей, окружающую другую столицу древняго міра. Здѣсь также рыщутъ опасные кондотьери, и каждый разъ въ эпоху внутреннихъ смятеній Стамбула окрестности кипятъ разбоемъ.

Чифтликъ Турецкаго Полковника отстоитъ на два часа ѣзды отъ Бѣлграда. Онъ основанъ у ручейка, который спускается съ горы миніатюрнымъ каскадомъ, приводитъ въ движеніе мельницу, потомъ орошаетъ прекрасный садъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ бьетъ фонтаномъ и оживляетъ собою весь этотъ пейзажъ.

Хозяинъ былъ въ отсутствіи; въ ожиданіи его мы пошли смотрѣть сельскія работы. Жатва была уже снята; поселяне молотили хлѣбъ на току. Для этого они употребляютъ не цепы, но деревянный шесъ съ зубчатыми кремнями плотно вонкнутыми въ нижнюю его сторону для растиранія колосьевъ. Двѣ лошади съ завязанными глазами были запряжены въ

эти сани особеннаго рода, и поселянинъ стоя погонялъ ихъ во весь опоръ, и чертилъ спирали по всему пространству тока, покрытаго высокимъ слоемъ колосьевъ. На нихъ для увеличенія тяжести была каменная плита, и сидѣли дѣти хозяина со своею нянькою, можетъ быть также вмѣсто балласта, можетъ быть только для того чтобы кататься по пшеницѣ, которая хрустѣла подъ кремнями, точно снѣгъ подъ полозьями. Это средство молотить хлѣбъ показалось мнѣ весьма удобнымъ, и кромѣ скорости работы имѣетъ и ту выгоду, что растираетъ довольно мелко солому, которая здѣсь служитъ для корма лошадей. Особеннаго вниманія заслуживаетъ пріуготовленіе самаго тока; онъ не мощенъ каменными плитами, какъ это большею частію бываетъ въ Греціи и въ Турціи: поверхность его цвѣта темнокоричневаго, совершенно гладкая, даже блестящая какъ вощеный паркетъ; это весьма крѣпкій цементъ, который употребляется въ Греціи и въ Италіи для черепицъ покрывающихъ домы, нѣсколько наклонныхъ для стока воды, но представляющихъ прекрасную прогулку для хозяекъ домосѣдокъ, и имѣющихъ видъ цвѣтника надъ

домомъ, когда на нихъ уставлены горшки со цвѣтами. Цементъ этотъ дѣлается изъ стертаго кирпича, особенно весьма стараго, съ нѣкоторымъ количествомъ извести и съ вареннымъ масломъ. Онъ бываетъ чрезвычайно проченъ подъ проливными дождями и подъ солнцемъ Греціи; его даже употребляютъ въ домахъ вмѣсто паркета. Любопытные могутъ видѣть подобные полы, хотя уже старые, въ нашей Академіи Художествъ. Впрочемъ рѣдко бываютъ полы столь тщательной отдѣлки; поселяне сказали намъ, что это одно изъ улучшеній недавно введенныхъ помѣщикомъ; въ другихъ мѣстахъ только выжигаютъ и укатываютъ землю.

Въ сосѣднемъ полѣ поселяне и поселянки собирали снопы. Малолѣтніе мальчики и дѣвушки, съ вѣнцами изъ колосьевъ на головѣ, брали дѣятельное участіе въ этихъ работахъ. Одни они веселились; мы всегда привыкли соединять въ воображеніи сельскія работы съ пѣснію и съ веселіемъ; но въ Турціи рѣдко случалось мнѣ видѣть чтобы веселіе въ нихъ предсѣдало, чтобы пѣсня разливала среди нихъ новую жизнь. Пастухи въ Греціи и въ Турціи сохранили свой древній поэтическій бытъ; по

прежнему сами складываютъ пѣсни, и всегда поютъ съ аккомпаниментомъ своихъ монотонныхъ аккордовъ. Славянскія племена, поселившіяся между племенъ Греціи, Албаніи и Ѳракіи, нашли въ нихъ полное сочувствіе къ своей меланхолической музыкѣ, и она продлилась въ опрасляхъ Балкана, какъ въ опрасляхъ Пинда, вмѣстѣ съ пастушескою жизнію и съ волею, вѣрною спутницею пастуховъ. Надъ земледѣльцемъ въ Турціи болѣе тяготитъ рабство нежели надъ пастухомъ, и Муза пѣсней покинула служеніе Церерѣ, чтобы сродниться съ Паномъ. Земледѣліе потеряло ту поэзію, которою облекала его благоговѣйная древность; только осенній праздникъ Вакха и теперь какъ въ древности сопровождается пѣснями и веселіемъ.

Агрономическія мои познанія слишкомъ ограничены, и я не могъ собрать большихъ свѣдѣній о состояніи земледѣлія въ окрестностяхъ Турецкой столицы; но кажется, что никакое преобразованіе доселѣ въ него не введено въ эпу лихорадочную эпоху преобразованій. Едва ли не остается оно въ той же степени развитія, въ какой засталъ его Константинъ Великій, когда основалъ въ этой странѣ свою столицу.

Ѳракія, хотя одаренная самою плодородною почвою, всегда была бѣдна хлѣбомъ (*). Мы видѣли плугъ въ той первобытной простотѣ, въ какой описалъ его Гезіодъ, какимъ можетъ быть принялъ его Триптолемъ изъ рукъ богини земледѣлія, когда она послала его, на колесницѣ упряженной драконами, совершить древнѣйшее изъ всѣхъ ученыхъ путешествій по землѣ, и посѣять на ней съ первыми сѣменами хлѣба первыя сѣмена гражданства.

Въ большихъ и богатыхъ имѣніяхъ употребляется для первоначальнаго вспахиванія земли плугъ болѣе усовершенствованный, въ который запрягаются четыре, даже пять и шесть паръ быковъ и буйволовъ вмѣстѣ. Также быками и буйволами бороняютъ потомъ поле, и первый посѣвъ предъ весною бываетъ обыкновенно ленъ; по снятіи льна сѣется пшеница, потомъ на второй годъ ячмень и овесъ, а на третій годъ поле остается невспаханнымъ. Рожь здѣсь сѣет-

(*) Десятитысячный корпусъ Ксенофонта весьма неохотно покидалъ Малую Азію, предвидя какихъ трудовъ будетъ ему стоить прокормиться въ походѣ черезъ Ѳракію. Семь вѣковъ спустя, при Императорѣ Аркадіи, бунтовщикъ Гайласъ также не находилъ во Ѳракіи средствъ для пропитанія своихъ варваровъ, и силился прорваться въ Малую Азію.

ся въ небольшомъ количествѣ; ржанаго хлѣба здѣсь не дѣлаютъ, но она входитъ въ составъ другихъ хлѣбовъ. Пшеница, которая составляетъ главное основаніе хлѣбной системы, бываетъ весьма посредственныхъ качествъ, и вообще, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, хлѣбъ въ Султанской столицѣ чрезвычайно дуренъ. Хорошій хлѣбъ употребляется почти исключительно Европейцами, и дѣлается изъ муки или пшеницы привозимой изъ нашихъ Черноморскихъ портовъ. Турки употребляютъ какіе то маленькіе, весьма плоскіе и весьма дурно спеченные хлѣбы, на подобіе нашихъ Малороссійскихъ *поленницъ*. Простой народъ, здѣсь какъ и въ Греціи, дѣлаетъ свой хлѣбъ изъ пшеничной муки, вмѣстѣ съ ячменною и овсяною, даже съ примѣсью разныхъ бобовъ. Все это чрезвычайно непріятно на вкусъ и тяжело для желудка. Въ Сералѣ, для Султана, для гарема и для вельможъ, готовится особеннаго рода хлѣбъ, называемый *хасъ-экмекъ* (*), но и этотъ немно-

(*) *Хасъ*, эпитетъ придаваемый всему, что служитъ собственно для Султана; Хасъ-джогадаръ называются офицеры состоящіе при его особѣ, и разсылаемые съ повелѣніями отъ него; хасъ-одалыкъ — одалыки раздѣляющія его ложе.

гимъ лучше обыкновеннаго. Турки вообще мало ѣдятъ хлѣба, но оказываютъ къ нему благоговѣйное почтеніе. Садясь за столъ они цѣлуютъ хлѣбъ, что у нихъ замѣняютъ предобѣденную молитву, или онивѣдываютъ его прежде всякаго другаго блюда. Законъ запрещаетъ имъ бросать или топтать малѣйшую его крохy. Нѣсколько разъ случалось мнѣ видѣть, какъ важные Мусульмане брали съ земли случайно найденный ломтикъ, цѣловали его, и прятали въ карманъ, чтобы предохранить отъ осквернения это »благословенное знаменіе обилія земли и неба,« какъ называетъ его Пророкъ.

Снабженіе хлѣбомъ столицы искони составляло одну изъ первыхъ заботъ Оттоманскаго Правительства; оно сдѣлалось дѣломъ государственнымъ, и Султанская политика поспѣшила, что болѣе всего народъ расположенъ къ буйству при голодномъ желудкѣ. Было необходимо кормить, и кормить за дешевую цѣну столичную толпу, и для этаго придумали мѣры, можетъ быть спасительныя въ своемъ основаніи, но обратившіяся со временемъ въ самую разорительную для цѣлой Имперіи систему хлѣбной продажи. Благодаря Провидѣнію, дав-

шему въ удѣлъ Турціи самыя плодородныя въ мірѣ земли, почти никогда страна эта не подвергается ужасамъ голода. Но чѣмъ щедрѣе была къ ней Природа, тѣмъ свирѣпѣе терзаетъ ее племя, которому она достлалась во владѣніе, обращая съ каждымъ днемъ въ пустыни ея цвѣтущія поля, и нарушая святыя права поселянина. Магометъ обѣщаетъ земледѣльцу »награду отъ Бога за труды;« но какимъ образомъ награждаются въ большей части Турецкихъ областей труды земледѣльца?... На этотъ предметъ еще мало обратили вниманіе путешественники и писатели, подарившіе насъ въ послѣднее время, сотнями волюмовъ о Турціи. Систематическія вѣковыя притѣсненія нѣсколькихъ милліоновъ народа менѣе поражаютъ насъ, нежели бурныя эпохи мятежей и казней. Каждый изъ насъ, посѣщая Турцію, преимущественно обращаетъ вниманіе на порывы ея деспотизма, пугающіе воображеніе, на дикую борьбу политическихъ партій, на лихорадочныя усилія человѣка съ желѣзною волею, преобразующаго обширную державу. Это весьма естественно и простительно для путешественника, сообщающаго своимъ читателямъ тѣ впечатлѣнія, которыя

самъ получилъ въ своемъ странствіи, которыхъ онъ, можетъ быть, преимущественно искалъ. Но это еще не даетъ ему права говорить, что нигдѣ въ мірѣ простой народъ не подлежитъ болѣе умѣреннымъ податямъ какъ въ Турціи; а мы найдемъ это не въ однихъ разсказахъ путешественниковъ, но даже въ ученыхъ твореніяхъ о Турціи.

Представлю здѣсь нѣкоторыя подробности о снабженіи хлѣбомъ столицы, любопытныя подробности, ускользнувшія отъ новѣйшихъ наблюдателей, и изъ которыхъ читатель можетъ судить и объ остальныхъ отрасляхъ правительственнаго и финансоваго образованія столь огромной державы. Многія изъ нихъ сообщены мнѣ почтеннымъ и образованнымъ Русскимъ негоціантомъ, котораго домъ уже цѣлое столѣтіе занимается хлѣбною торговлею въ Турціи, и который, по роду своихъ занятій, лучшій судія въ этомъ дѣлѣ, и точнѣе объ немъ увѣдомленъ, нежели всякій теоретикъ.

При Солиманѣ-Законодателѣ, Солиманѣ Грозномъ, какъ назвали его Турки, и Солиманѣ Великолѣпномъ, какъ его называютъ Евро-

пейскіе историки, умножившееся число народонаселенія въ столицѣ причинило недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Султанъ приказалъ ученымъ мужамъ, занимавшимся при немъ составленіемъ Оттоманскаго Уложенія, и почерпавшимъ многое изъ Юстиніанова Законодательства, справиться о томъ, какимъ образомъ древній Римъ и Византія, при несмѣтномъ количествѣ своего народонаселенія, снабжали себя продовольствіями. Ему донесли, что Римъ, еще во времена республики, обязалъ Сицилію и Карѳагенъ доставлять ежегодно значительное количество хлѣба; что во времена Императоровъ многія другія области посили эту повинность; что первые Императоры Византіи обязывали плодороднѣйшія области своей Имперіи доставлять въ столицу избытокъ своихъ произведеній, и имѣли у себя особенную правительственную отрасль для этаго предмета. Солиманъ рѣшился принять систему Императоровъ своихъ предшественниковъ, и тогда же постановилъ, чтобы всѣ плодородныя области доставляли въ Константинополь избытокъ своихъ продовольствій, а чтобы поставщики не терпѣли остановокъ и замедленій въ своей прода-

жѣ, учредилась особенная канцелярія *Унъ-капанъ*, подвѣдомая Стамбулъ-Кадисы, первостатейному Улемѣ, главному Константинопольскому судіи и блюстителю точности вѣсовъ и мѣръ. Въ ней казна закупала по установленной таксѣ все количество хлѣба, остававшагося въ излишествѣ послѣ вольной продажи. Казна имѣла свои магазины, въ которые откладывался такимъ образомъ значительный запасъ хлѣба, обезпечивавшій столицу отъ голода.

Что могло быть благоразумнѣе подобнаго постановленія въ его началѣ, но что произошло въ послѣдствіи? Злоупотребленія вкравшіяся въ новое управленіе, заставили жителей областей уклоняться отъ привоза своихъ произведеній. Они искали предлоговъ то въ войнѣ, то въ опасностяхъ мореплаванія и пиратства, и предпочитали продавать на мѣстѣ свой хлѣбъ Венеціанцамъ и Генуэзцамъ, и не имѣть дѣла съ Кадіемъ. Стамбулъ голодалъ. Новый Султанскій фирманъ опредѣлилъ количество хлѣба, какое всякая область, соразмѣрно своему плодородію, должна была поставлять въ казну, по цѣнѣ однажды на всегда установленной. Въ Константинополѣ учредилось званіе *Хубабатъ-Назири*,

чиновника завѣдывающаго живностями, отъ котораго посылались во всѣ области коммиссары, съ титломъ *Истираджи* и *Мубаляджи* для взиманія опредѣленнаго количества хлѣба; они платили по двадцати *паръ* того времени, что составляетъ около двухъ рублей на наши деньги, за кило, мѣру равную пятой части нашей четверти; поселяне обязывались только доставлять хлѣбъ въ ближайшій портъ. На содержаніе новыхъ чиновниковъ опредѣлилось обращать въ ихъ пользу десятую часть заготовленныхъ такимъ образомъ припасовъ. Назначенная правительствомъ цѣна была выгодная для земледѣльцевъ, освобожденныхъ отъ ежегодныхъ поѣздокъ въ столицу. Послѣдовавшія измѣненія въ курсѣ монеты (*), и еще болѣе новыя злоупотребленія со стороны казенныхъ коммиссаровъ обратили эту мѣру въ самый тяжкій налогъ для областей, въ язву для земледѣлія въ цѣлой Имперіи. Махмудъ, желая облегчить этотъ косвенный налогъ, назначилъ вмѣсто старой цѣны два съ половиною піастра, или сто *паръ* за

(*) Можетъ быть нужно напомнить читателю, что нынѣшній курсъ піастра двадцать двѣ копѣйки; слѣдовательно пара сороковая часть піастра — полушка съ небольшимъ.

кило, но и это составляетъ не болѣе четвертой части существующихъ въ Турецкихъ областяхъ среднихъ цѣнъ на пшеницу. Такъ какъ въ Турціи каждая область пользуется неоцѣненною при подобномъ правительствѣ привиллегіею имѣть собственную систему налоговъ, которые раскладываются совѣтомъ *ходжа-баши*, или старшинъ, на каждый округъ, на каждое селеніе, на каждаго поселянина, а правительство знаетъ только, что такая-то область должна поставить столько-то деньгами или натурою, и не подвергаетъ непосредственнымъ отъ себя насиліямъ земледѣльцевъ, то всякій хозяинъ, зная сколько приходится на его долю внести въ казну хлѣба, торгуется съ казеннымъ коммиссаромъ, и получая отъ него по два съ половиною піастра на кило, самъ платитъ даже выше настоящей цѣны, т. е. по десяти и одинадцати піастровъ, чтобы только продать свободно свой хлѣбъ. Коммиссаръ въ этой сдѣлкѣ имѣетъ также свои выгоды: онъ закупаетъ съ воли для столицы самую дурную и испорченную пшеницу по семи и восьми піастровъ, и такимъ образомъ, кромѣ законно принадлежащей ему десятой доли со всего сбора, имѣетъ по два и по

при піастра барыша на каждое кило, и кормить столицу самымъ дурнымъ хлѣбомъ.

Валахія и Молдавія, до послѣдняго ихъ преобразованія, болѣе всѣхъ другихъ областей терпѣли отъ этой системы. Извѣстно, что онѣ по договорамъ Турецкому правительству платили весьма умѣренную подать, извѣстно также въ какомъ жалостномъ состояніи пребывалъ въ нихъ народъ, при необыкновенномъ плодородіи своей земли. Кромѣ двойной язвы, своихъ и фанарьотскихъ бояръ, онѣ еще болѣе страдали отъ ежегодныхъ посѣщеній коммиссаровъ Порты съ фирманами о покупкѣ для снабженія столицы не одного только хлѣба но и всякихъ живностей »на основаніи цѣнъ послѣдней покупки.« Эти цѣны восходили можетъ быть до первыхъ годовъ покоренія княжествъ, и при всѣхъ измѣненіяхъ монеты и торговыхъ цѣнъ, оставались тѣже. Коммиссары не только брали хлѣбъ, домашній скотъ, дворовыхъ птицъ, всякіе припасы, платя пятую долю и еще менѣе противу существующихъ цѣнъ, но даже обязывали поселянъ доставлять отнятое у нихъ добро въ Браиловъ или въ Галацъ, или въ другой Дунайскій портъ. Цѣна по которой Мубаяджи платили въ кня-

жествахъ пшеницу, составляла до послѣдней войны около рубля двадцати копѣекъ за четверть, между тѣмъ, какъ въ сосѣдней Бессарабіи въ самые обильные годы пшеница продавалась, съ доставленіемъ въ нашу гавань Измаилъ, по 10 и 11 рублей. Присоедините къ этому тысячу другихъ насильственныхъ мѣръ, неразлучныхъ съ посѣщеніемъ, или лучше сказать съ нашествіемъ Турецкихъ коммиссаровъ, и тогда только можете пояснить себѣ невѣрные успѣхи въ благосостояніи Дунайскихъ Княжествъ, съ того времени какъ мѣры приняты нашимъ Правительствомъ, и такъ щастливо приведенныя въ исполненіе достойнымъ вельможею, коему была ввѣрена судьба полутора милліона мирнаго народа, обезпечили собственность поселянъ отъ патентованныхъ грабителей, посылавшихся изъ Стамбула.

Турецкое правительство остается вѣрнымъ своей системѣ — снабжать столицу, хотя бы для этаго нужно разорить двадцать областей. Самыя справедливыя жалобы областей не могутъ встревожить Султановъ столько, сколько малѣйшій ропотъ народа въ столицѣ, которой мятежи рѣшаютъ судьбу Имперіи и

престола. Можетъ быть это было прежде необходимымъ слѣдствіемъ военной системы Имперіи, и однимъ изъ Янычарскихъ золъ; утѣшительно надѣяться, что оно искоренится въ новой системѣ, къ которой проложилъ кровавый путь мечь Махмуда; но оно истощило жизненныя силы многихъ народонаселеній, и преобразованія въ областяхъ, при всей доброй волѣ Махмуда, которому самые его порицатели не могутъ отказать въ сильной и благонамѣренной волѣ, представляютъ несравненно болѣе затрудненій, нежели всѣ другія отрасли преобразованій, происходящихъ въ его глазахъ. Въ Турціи чиновники правительства такъ привыкли грабить, что всѣ они, отъ перваго государственнаго сановника до аги, правителя какого нибудь селенія, образовали цѣлую систему грабительства; сами они грабятъ другъ друга, но все существенное зло падаетъ на бѣдныхъ раіевъ занятыхъ земледѣліемъ. До сей поры кажется никому и въ голову не приходило, что Султанскія преобразованія клонятся къ утвержденію благосостоянія самаго низшаго класса народа, составляющаго основный элементъ государственнаго тѣла. Дай Богъ по

крайней мѣрѣ, чтобы самъ Султанъ не упускалъ изъ виду, что его держава, какъ и всякая держава, болѣе опирается на плугъ нежели на штыкъ, что преобразовать армію еще не значитъ преобразовать царство, что если столица сыта и молчитъ — царство живетъ не одною столицею, что легче унять пароксизмъ праздной столичной толпы, нежели излечить медлительную чахотку народной злобы. Дай Богъ, чтобы послѣдняя его война съ возмутившимся вассаломъ, не нашедшимъ никакого сопротивленія со стороны народа въ смѣломъ походѣ до самаго сердца Имперіи, была урокомъ не потерянным.

Столичные Мубаяджи употребляли тысячу средствъ чтобы грабить казну; они подмѣшивали къ хлѣбу соли, песку и крошеной соломы, обмакивали его на корабляхъ морскою водою, чтобы онъ распухъ, и тѣмъ утаевали въ мѣрѣ значительное количество. Были примѣры, что правительство строго наказывало подобныя злоупотребленія; но съ другой стороны было также общепринятымъ правиломъ, что въ одну или двѣ поѣздки коммиссаръ долженъ обезпечить себѣ состояніе на всю жизнь.

Притомъ онъ дѣлится барышами съ Хубабашъ-Назири, завѣдывашелемъ припасовъ въ столицѣ, и съ Стамбульскимъ кадіемъ, который имѣетъ при себѣ Наибовъ, для постояннаго смотра за снабженіемъ столицы, и самъ, какъ достойный жрецъ Мусульманской Немезиды, береть взятки, и сѣчетъ булочниковъ по пятамъ не менѣе самаго Сераскира.

Попечительность правительства о прокормленіи столицы сдѣлалась, какъ мы видѣли, язвою для земледѣлія, и обратила хлѣбъ въ монополію, прибыльную для нѣсколькихъ Улемъ и нѣсколькихъ коммиссаровъ, и доставляющую въ казну около двадцати милліоновъ піастровъ ежегоднаго дохода, безъ сомнѣнія, значительнаго для Султана при нынѣшнемъ разстройствѣ его финансовъ, но подобнаго тѣмъ лекарствамъ, которыя вливаются въ больное тѣло для его поддержанія, но оставляютъ по себѣ отраву опаснѣйшую самой болѣзни.

Канцелярія хлѣбной монополіи называемая у Турокъ Унъ-Капанъ, находится на берегу моря между Сераемъ и Фанари. Огромные магазины для пшеницы построены въ Касимъ-Паша, близь адмиралтейства. Какъ только при-

везется изъ областей указный запасъ хлѣба, Хубабашъ-Назири сзываетъ всѣхъ столичныхъ хлѣбниковъ, и назначаетъ каждому сколько взять изъ казенныхъ магазиновъ, и по какой цѣнѣ; цѣна эта, разумѣется, несравненно выше той, по которой можно купить прекрасную Черноморскую пшеницу, но никто не вправѣ покупать пшеницу съ вольной продажи, прежде нежели заблагоразсудитъ Хубабашъ-Назири закрыть свои магазины.

Доколѣ практаны наши съ Портою не обезпечили свободы нашей Черноморской торговли, Султанъ считалъ себя вправѣ останавливать суда идущія изъ нашихъ гаваней съ грузомъ пшеницы, сгружать ихъ въ казенные магазины, и платить по какой заблагоразсудится цѣнѣ, или совсѣмъ не платить. Иногда правительство заключало съ купцами торгъ, опредѣляло цѣну, по видимому довольно сходную, но со срокомъ для платежа; между тѣмъ къ тому сроку чеканилась новая монета, по номинальной цѣнѣ равная прежней, а по качеству мешалла десятью или пятнадцатью процентами ниже. Эти и другія подобныя насилія кончились тѣмъ, что кромѣ военной контрибуціи

Турція заплатила по Адріанопольскому трактату нѣсколько милліоновъ рублей за убытки перепесенные нашею торговлею, и обязалась впередъ уважать Русскую собственность, если не уважаетъ собственности своихъ подданныхъ.

Въ послѣднюю войну нашу съ Портою, при послѣдовавшемъ запрещеніи на вывозъ за границу хлѣба изъ Черноморскихъ портовъ, сдѣлавшійся въ Константинополѣ голодъ подалъ поводъ къ новой разорительной для земледѣльцевъ мѣрѣ. Вышелъ фирманъ, коимъ запрещался вывозъ хлѣба изъ Оттоманскихъ портовъ, даже изъ одной Турецкой области въ другую, до закупки, которую правительство предполагало сдѣлать для снабженія столицы. Правительство предоставляло себѣ купить нужное количество хлѣба »по существующимъ въ торговлѣ цѣнамъ.« Такъ было сказано въ фирманѣ, чтобы отличить этотъ хлѣбъ отъ того которой закупается по казенной цѣнѣ, т. е. по два съ половиною піастра, и который составляетъ, какъ мы видѣли тягчайшій налогъ. Новая покупка, казалось, не имѣла въ себѣ ничего предосудительнаго для земледѣлія и торговли;

но »существующія въ торговлѣ цѣны,« были назначены въ Константинополѣ по девяти піастровъ за кило, между тѣмъ какъ пшеница продавалась по двѣнадцати. Такимъ образомъ послѣ обыкновенной подати земледѣлія, десятой доли всего урожая, послѣ количества хлѣба забираемаго въ казну за четвертую часть настоящей его цѣны, постановлена, подъ видомъ вольной торговой сдѣлки, новая подать, состоящая въ насильственной покупкѣ хлѣба двадцатью пятью процентами ниже торговыхъ цѣнъ. Это было названо *рагыджь*, т. е. биржевая цѣна, или prezzo corrente, какъ выражается Европейская торговля. Можно было по крайней мѣрѣ надѣяться, что это только временная, вынужденная войною и обстоятельствами мѣра. Но Султанъ нашелъ въ ней свои выгоды, и продолжаетъ ее доселѣ, назначая ежегодно въ Константинополѣ »существующія въ торговлѣ цѣны« двадцатью пятью процентами ниже тѣхъ цѣнъ, по которымъ самъ продаетъ пшеницу изъ казенныхъ магазиновъ. Эта система открыла новый источникъ обогащенія для областныхъ Пашей, коимъ поручается заготовленіе хлѣба, и для стаи алчныхъ коммиссаровъ, посылаемыхъ

изъ Стамбула, а для земледѣлія новую язву. Областные паши подъ предлогомъ рагыджа останавливаютъ всякую продажу хлѣба, кладутъ казенную печать на амбары поселянъ, часто не выдаютъ имъ даже достаточнаго количества на собственное пропитаніе, и подъ рукою сами продаютъ хлѣбъ въ приморскихъ городахъ. Прибавьте еще злоупотребленія при мѣрѣ и при выдачѣ денегъ, и всѣ затрудненія, неизбѣжныя при всякой сдѣлкѣ съ коммиссарами Порты и съ Пашами, и вы не удивитесь, что въ областяхъ нерѣдко народъ съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о Янычарахъ, которые имѣя и народъ и престолъ подъ своею опекою, не позволяли никакихъ новыхъ налоговъ. Вотъ еще весьма любопытная черта Турецкаго правительства: когда дошли до Султана жалобы притѣсненныхъ поселянъ, онъ для ихъ облегченія приказалъ мѣрять впередъ хлѣбъ и выдавать деньги исправнѣе; а поселяне за это благодѣяніе обязаны платить коммиссарамъ десять процентовъ на то количество хлѣба, которое покупаетъ казна, называя свое насиліе вольною покупкою.

Если вникнемъ такимъ образомъ въ бытъ земледѣльца въ Турецкихъ областяхъ и въ обла-

стяхъ отторгнутыхъ отъ Турціи, этимъ достаточно пояснится ихъ крайняя бѣдность, и то что въ странахъ, гдѣ земледѣліе процвѣтаетъ уже нѣсколько тысячь лѣтъ, люди должны нерѣдко питаться жолудями. Пора кажется оставить обычную поговорку, что люди избалованы климатомъ, что живительное солнце юга убиваетъ въ нихъ дѣятельность и располагаетъ человѣка къ лѣни. Если Турки, поселившись на югѣ, сдѣлались самымъ лѣнивымъ въ мірѣ народомъ — это скорѣе можно назвать слѣдствіемъ завоеванія, давшаго имъ средства питаться чужими руками, чѣмъ слѣдствіемъ климата. При Мусульманскихъ своихъ понятіяхъ о правахъ покореннаго народа, нѣтъ сомнѣнія, что они также хорошо умѣли бы лѣниться на сѣверѣ, и судя по потребностямъ климата выдумали бы новаго рода кейфъ подъ самымъ полюсомъ. Самъ Монтескье повлекся за общимъ мнѣніемъ, оклеветалъ солнце юга, и приписалъ благотворной его теплотѣ всѣ несчастія южныхъ народовъ; какъ будто бы для поддержанія дѣятельности человѣка нужно двадцать градусовъ морозу; какъ будто бы жизненныя его силы и развитіе его способностей измѣ-

ряются по термометру его отечества; какъ будтобы мы не видимъ на каждой страницѣ всемірной исторіи одинъ и тотъ же народъ переходящимъ отъ бурной дѣятельности первыхъ завоевателей міра Египтянъ Сезострисовыхъ въ мертвое безстрастіе Фелаховъ Мехмедъ-Алія, отъ Персовъ Кира до Персовъ Ксеркса, отъ Аѳинянъ Марѳонскаго поля, до Аѳинянъ управляемыхъ чернымъ евнухомъ, отъ Римлянъ Кесаря до Римлянъ Папы, отъ Турокъ Магомета II до Турокъ Махмуда II. Изслѣдуйте въ этомъ лабиринтѣ вѣчныхъ измѣненій вліяніе солнца на развитіе народной дѣятельности, и опредѣлите, если возможно, градусы дѣйствія тепла и холода на нашу дѣятельность физическую и умственную. Можетъ быть, вмѣсто того чтобы залетать такъ высоко и спрашивать у солнца причинъ этихъ безпрестанныхъ измѣненій, будетъ гораздо проще и вѣрнѣе спрашивать ихъ у нашихъ земныхъ свѣтилъ, у тѣхъ законодателей, которыхъ геній даетъ на нѣсколько вѣковъ направленіе земнымъ племенамъ, указываетъ имъ путь, по коему, какъ планеты, они должны совершать свое непремѣнное теченіе до урочнаго переворота.

Кромѣ хлѣбнаго налога, болѣе или менѣе общаго для всѣхъ областей, каждая изъ нихъ имѣетъ особенные свои налоги, прямые и косвенные, и ихъ система до такой степени запутана, что никакая статистика не можетъ дать о нихъ яснаго понятія. Въ эпоху завоеванія Султаны, стараясь согласить выгоды областей съ собственными своими выгодами, посылали въ каждую изъ нихъ коммиссаровъ закупать предметы нужные для содержанія Двора, войска и флота, по цѣнамъ однажды на всегда утвержденнымъ. Естественнымъ образомъ во всемъ вкрались тѣже злоупотребленія, какія мы видѣли уже говоря о хлѣбѣ, и каждый предметъ сдѣлался новымъ налогомъ, взимаемымъ силою за безцѣнокъ или вовсе безъ денегъ, потому что незначительныя суммы, отпускаемыя отъ Султанской казны, расхищаются обыкновенно коммиссарами, и никогда почти не попадаютъ въ карманъ областныхъ хозяевъ. Одна область должна доставлять селитру для пороховыхъ заводовъ, другая желѣзо и чугунъ, третія простыя сукна, которыя раздавались прежде Янычарамъ, а теперь идутъ на обмундировку войска, четвертая полотно на Янычарскія

чалмы или на рубашки регулярныхъ солдатъ и на паруса во флотъ и т. д. Если промышленность области приняла другое направленіе, если предметъ, который первоначально въ ней покупался, теперь вовсе не производится, или крайне вздорожалъ, правительству до этаго дѣла нѣтъ; область должна поставить положенное количество по положенной цѣнѣ. За селитру напримѣръ правительство платитъ по четыре съ половиною копѣйки за фунтъ, а тѣ области которыя должны ее поставлять, которыя можетъ быть лѣтъ триста тому назадъ изобиловали ею, сами теперь ее покупаютъ для поставки въ казну по четыре или по пяти піастровъ за оку, что составляетъ около тридцати копѣекъ за фунтъ. Разорилась ли отъ войны какая нибудь область, опустѣла ли отъ чумы, или разбѣжалась половина жителей отъ угнѣтеній какого нибудь Паши — тѣмъ хуже для оставшихся; они должны выплатить всѣ повинности, и итогъ податей взимаемыхъ правительствомъ не терпитъ никакого убытка, начиная отъ поголовнаго сбора до поставки въ казну разныхъ матеріаловъ.

Въ настоящее время въ Турціи поселянинъ

имѣющій собственное поле и обрабопывающій его самъ, получаетъ изъ всего произведенія своей земли не болѣе сорока на сто. Если напримѣръ одинъ мужикъ, при помощи жены и дѣшей, собралъ сто окъ (пуда фунтовъ) хлопчатой бумаги, онъ долженъ заплашить поземельную пошлину, седьмую часть, слишкомъ четырнадцать окъ; зашѣмъ двѣ областному архіерею, одну приходскому священнику и одну сторожу, копорый содержится опъ селенія, — всего восемнадцать окъ; изъ оспальныхъ восьмидесяти двухъ онъ долженъ ровно половину отправишь въ городъ, въ руки примашовъ, копорые изъ этого сбора удовлетворяютъ комиссаровъ правишельства, чтобы только они не входили въ непосредственныя сношенія съ поселянами.

Скоповодство обложено шакже пошлиною, какой нѣшъ кажется ни въ одномъ государспвѣ: десятая часть всякаго спада ежегодно собираепся правишельспвомъ, а со всего скопа плашишся шакже поголовная пошлина. Замѣшимъ при эпомъ, что сборщикъ подашей самъ выбираешъ въ спадѣ лучшій скошъ. Нѣкоторыя области обязаны кромѣ шого поспавлять

въ казну опредѣленное число барановъ ежегодно, на томъ же основаніи какъ и хлѣбъ, закупаемый для столицы.

Поголовная подать, коею обложены Греки, при нынѣшней бѣдности и упадкѣ промышлености въ областяхъ, вовсе не такъ легка какъ объ этомъ думаютъ, и преобразованія, введенныя въ эту отрасль государственныхъ доходовъ, вмѣсто того, чтобы облегчить этотъ налогъ, сдѣлали его еще болѣе тягостнымъ для народа. Извѣстно, что подданные Султановъ не мусульманскаго закона обложены поголовною податью *харадж*; это ежегодный выкупъ за сохраненіе своей жизни, которая съ минуты завоеванія принадлежитъ безспорно побѣдителю. На билетахъ, которые выдаются отъ казны въ родѣ квитанціи на полученіе этой подати, уравнивающей всѣ покоренные народы съ состояніемъ невольниковъ на востокѣ, написано, что такой-то *раія* »за выкупъ своей головы на одинъ годъ внесъ столько-то драммъ (*) серебра.« Здѣсь пишется не коли-

(*) Въ окѣ, равняющейся тремъ фунтамъ, считается четыреста драммъ. Замѣтимъ впрочемъ, что вѣсы и мѣры не во всей Турціи одинаковы.

чество вносимыхъ денегъ монетою, по вѣсовое количество серебра, какъ будто бы при первоначальномъ учрежденіи этой подати Султаны предвидѣли будущій упадокъ своей монеты, и хотѣли обезпечить полный взносъ подушнаго налога, между тѣмъ какъ правительство, испортивши до нельзя свою монету, платитъ по старымъ цѣнамъ забираемыя у поддапныхъ произведенія. Таможенныя пошлины и поземельные налоги постановлены не количествомъ металла, но по столько-то со стана количество или на цѣну предметовъ. Такимъ образомъ все благопріятствуетъ системѣ правительства портить съ каждымъ годомъ свою монету; а о государственномъ кредитѣ Порта столько же заботится сколько и о томъ, что постоянная порча металла вселяетъ недовѣрчивость въ торговлю и запутываетъ всѣ частные обороты.

Поголовная подать раздѣлена на три класса: при теперешнемъ курсѣ піастра (22 копѣйки) люди съ состояніемъ должны платить восемьдесятъ піастровъ, земледѣльцы и мелкіе хозяева сорокъ, а люди бѣдные двацать піастровъ. Сборъ дѣлается слѣдующимъ образомъ: въ пер-

вый мѣсяцъ Оттоманскаго года, *мухаремъ*, сборщики съ запасомъ квитанцій въ карманѣ бродятъ по улицамъ столицы, спрашиваютъ у всѣхъ встрѣчаемыхъ раіевъ квитанцій за два истекшіе года, и раздаютъ имъ новыя за наступившій годъ. Эти три квитанціи, розовая, желтая и бѣлая, за три года, должны всегда находиться въ карманѣ раіевъ, потому что сборщикъ имѣетъ право всегда ихъ спрашивать, и если не окажутся въ готовности, заставитъ взять новыя. Если сборщикъ замѣтитъ, что раія по наружности кажется достойнымъ высшаго разряда подати, нежели какую платилъ за прошедшій годъ, или если изъ канцеляріи завѣдывающей хараджами, выдали ему болѣе квитанцій высшаго разряда, онъ тутъ же принуждаетъ его внести вдвое, подъ предлогомъ что онъ разбогатѣлъ. По закону только человѣкъ, могущій трудомъ вырабатывать свой хлѣбъ, подлежитъ этой подати; дряхлые старики, дѣти, больные и сумасшедшіе, свободны отъ нея; духовенство также не платитъ хараджа. Но такъ какъ законъ не опредѣляетъ положительнымъ образомъ возраста, въ который должно начать платить, и притомъ не у

всякаго на лицѣ написанъ возрастъ, то нерѣдко случались недоразумѣнія и споры. Правительство, чтобы дать сборщикамъ удобное и скорое средство опредѣлять безспорно возрастъ молодыхъ людей, въ который должно уже платить хараджъ, думало сперва дать имъ мѣру законнаго роста человѣка въ шринадцать лѣтъ; по зрѣломъ размышленіи оказалось, что многіе и въ тридцать лѣтъ не достигаютъ законнаго роста, и что вообще ростъ дурная мѣра для опредѣленія лѣтъ; и такъ было рѣшено дать сборщикамъ мѣру толщины шринадцатилѣтней шеи; а если иной мальчикъ въ десять лѣтъ одаренъ отъ природы шеею толще указной мѣры — это доказываетъ здоровое его сложеніе, и тѣмъ налагаетъ на него обязанность заранѣе платить за выкупъ своей головы. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ забавныхъ сценъ съ мальчиками, которыхъ останавливали сборщики на улицахъ, чтобы мѣрять имъ шеи и брать съ нихъ деньги. Еще забавнѣе видѣть уловки употребляемыя многими раіями для избѣжанія платежа: въ эпоху раздачи квитанцій иной надѣнетъ на голову, при обыкновенномъ своемъ костюмѣ, круглую шляпу, и выдаетъ се-

бя за франка. Подозрительный сборщикъ приступаетъ къ нему; тотъ кланяется по-европейски, отвѣчаетъ на его вопросы buon giorno signor mio, и говоритъ цѣлыя тирады изъ несладныхъ звуковъ, будтобы объясняясь на какомъ-то франкскомъ языкѣ, и не понимая, что у него спрашиваютъ хараджа. Часто это сходитъ съ рукъ, потому что Турки привыкли почитать Френкъ-гяуромъ, невѣрнымъ Франкомъ, всякаго кто носитъ на головѣ шляпу; но если обманъ откроется, самозванному Францу вытянутъ ноги въ *фалакка*, и вмѣстѣ съ хараджемъ дадутъ ему сотню палочныхъ ударовъ (*).

Въ областяхъ сборъ поголовной подати производился доселѣ на томъ же основаніи какъ и всѣ другіе налоги. Въ эпоху завоеванія было опредѣлено сколько область должна заплатить поголовной подати, сообразно съ ея народонаселеніемъ. Совѣту областныхъ старшинъ предо-

(*) Для столь обыкновеннаго въ Турціи наказанія виновнаго опрокидываютъ навзничь, продѣваютъ его ноги въ веревку, которая дугою виситъ отъ двухъ концевъ крѣпкой палки, потомъ намашываютъ веревку, покуда ноги прижмутся къ палкѣ, и между тѣмъ какъ двое держутъ палку за два конца, третій бьетъ по пятамъ. Палка съ веревкою называется фалакка.

ставлялось распредѣлить число квитанцій по всѣмъ округамъ и деревнямъ, и такъ какъ во всемъ этомъ слѣдовали прежнимъ примѣрамъ, то если послѣ моровой язвы оставалась половина только народонаселенія въ какомъ нибудь округѣ, остальная половина должна была платить за умершихъ, потому что какъ я уже сказалъ, султанская казна не терпитъ убытковъ. Статистика была неизвѣстна Туркамъ до послѣднихъ преобразованій, и налоги собирались всегда исправно, безъ всякихъ свѣдѣній о числѣ жителей и о средствахъ ихъ существования. Махмудъ въ порывѣ европеизма рѣшился сдѣлать статистическую опись своему государству; учредилъ коммиссію, и велѣлъ областнымъ пашамъ доставить ей всѣ нужныя свѣдѣнія, и сдѣлать опись жителямъ. Эта новизна, какъ и должно было ожидать, подала поводъ къ большимъ безпорядкамъ, насиліямъ и бунтамъ. Турки боялись, что ихъ записываютъ для рекрутскаго набора; Христіане подозрѣвали, что имъ готовится новый налогъ. Какъ бы то ни было воля Султана должна исполнится, или по крайней мѣрѣ, всякій кто получилъ отъ него порученіе долженъ въ извѣстное время до-

нести, что оно выполнено. Султана увѣрили, что статистическая коммиссія сдѣлала свое дѣло. Въ это время посѣтилъ Константинополь ученый Французъ Боальконтъ, съ порученіемъ отъ своего правительства собрать точныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Турціи, и по возможности содѣйствовать Турецкому правительству въ возрожденіи Турціи. Онъ имѣлъ долгія совѣщанія съ Турецкими министрами обо всемъ что Султанъ перенимаетъ у Европейцевъ, и прослылъ у нихъ »свѣтиломъ Франгистана.« Онъ подалъ Дивану мысль перемѣнить систему поголовной подати. Статистика по увѣренію министровъ была уже готова; слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы посылать въ каждую область столько квитанцій сколько посылалось прежде, казалось справедливѣе опредѣлить число квитанцій по числу жителей; при столь попечительномъ и благодѣтельномъ правительствѣ число жителей должно постоянно умножаться, и сборъ поголовной подати несомнѣнно увеличится. По логикѣ Европейскаго теоретика это казалось ясно какъ день, и притомъ болѣе согласно съ правосудіемъ, потому что каждая область должна платить именно

столько сколько въ ней жителей. Что же вышло съ этимъ нововведеніемъ? — Турецкому министерству представился случай увеличить государственный доходъ; безъ этаго зачѣмъ ломать голову надъ статистикою? По по описямъ оказалось, что во всѣхъ почти областяхъ сборъ хараджа уменьшался, потому что число жителей, которые по своей религіи и по своему возрасту должны были платить поголовную подать, несоотвѣтствовало числу квитанцій, посылавшихся по старой системѣ изъ Стамбула. Турки въ подобныхъ случаяхъ легки и скоры на выдумки; они любятъ по примѣру Великаго Искендера (Александра), столь извѣстнаго имъ по преданіямъ Востока, не распутывать но разрѣзать гордійскіе узлы, которыми опутано все ихъ государственное управленіе. Вмѣсто того чтобы опредѣлить число квитанцій по числу жителей подлежащихъ поголовной подати, они безъ различія возраста наложили подать на всѣхъ, и прибавили еще двадцать на сто, говоря что во многихъ областяхъ не всѣ жители были показаны, многіе скрылись во время описи, многіе были въ отлучкѣ. Къ тому же они увеличили количество высшихъ раз-

рядовъ хараджа, полагая, что жители разбогатѣли. Столь насильственная мѣра могла подать поводъ къ безпорядкамъ въ областяхъ; но когда дѣло идетъ объ одномъ христіанскомъ народонаселеніи, Порта имѣетъ вѣрное средство приводить въ исполненіе самыя насильственныя мѣры. Средство это — церковь, которая цѣною безпрекословнаго повиновенія покупаетъ покровительство свѣтской власти, и поддерживаетъ свои старинныя права. Расписаніе поголовной подати по областямъ было сообщено Патріарху, вмѣстѣ съ приказаніемъ благодарить отъ имени всего христіанскаго народа за эту новую и великую милость. Ему было предоставлено разослать положенное количество квитанцій къ архіереямъ каждой области, чтобы они посредствомъ духовной власти собрали подать съ народа. Читатель можетъ судить сколько претерпѣли низшіе классы народа въ областяхъ отъ этаго нововведенія, которое по теоріи ученаго Француза должно было имѣть самыя благодѣтельныя слѣдствія.

ГЛАВА IV.

Молодой помѣщикъ. — Таинственная хозяйка и зубная боль. — Рецептъ. — Садъ. — Фрукты. — Искусство Хіосскаго садовника. — Странное сочетаніе должностей. — Каймакъ и гіуртъ. — Стадо; его дисциплина. — Ночлегъ у Турка и поговорка Санхо-Пансы. — Гостинецъ. — Куркуруза; ея важность и способъ ее готовить и кушать.

Воспоминанія о жалостномъ состояніи земледѣльческаго класса въ Турціи завлекли меня далеко отъ моего расказа и далеко отъ Турецкаго чифтлика. По крайней мѣрѣ за то былъ я благодаренъ Махмуду, что въ окрестностяхъ его столицы меня не поражали тѣ грустныя картины нищеты и насилія, какія представляются путешественнику въ пашалыкахъ, тѣмъ ужаснѣе чѣмъ онѣ болѣе удалены отъ центра Имперіи. Здѣсь надъ всѣми одинаково лежитъ скиптръ Султана; но азіятскій деспотизмъ тѣмъ тяжелѣе становится, чѣмъ далѣе онъ простираетъ свою руку, и каждый Паша, Бей, Ага, вся эта сволочь мелкихъ тирановъ, копо-

рые правятъ судьбами простаго народа, тѣмъ свободнѣе предается своимъ хищническимъ прихотямъ, чѣмъ слабѣе голосъ народной жалобы можетъ дойти до Султанскаго слуха.

Недолго ждали мы хозяина; онъ къ намъ явился, уже не лихимъ наѣздникомъ, какъ мы его встрѣтили наканунѣ, но въ своемъ помѣщичьемъ костюмѣ. Вмѣсто простаго военнаго феса съ шелковою кистію на головѣ, онъ носилъ красивую чалму изъ персидской шали; вмѣсто узкаго казакина желтую полушубку изъ горностая, и шелковый *эндери*, кафтанъ, подвязанный поясомъ; вмѣсто французскаго сапога со шпорою, желтые сафьяные сапоги. Мы могли сравнить модное щегольство Турецкаго офицера съ старинным щегольствомъ національнаго костюма, и признаюсь, какъ мы ни пристрастны ко всему европейскому, но въ этомъ случаѣ всѣ преимущества были на сторонѣ Турецкой національности, и даже особа Полковника много выиграла въ этой перемѣнѣ. Чалма придавала какую-то пріятную важность его азіятскому лицу, и подъ пышными и разноцвѣтными ея складками физіономія его казалась умнѣе и привѣтнѣе. Я болѣе чѣмъ когда

либо убѣдился въ томъ, что ничего нѣтъ хуже Турецкаго Феса для головнаго убора, особенно такъ какъ его стали носить при Махмудѣ. Онъ вообще придаетъ лицу выраженіе глупости, а къ этому присоединяется еще видъ свирѣпой суровости, когда онъ спускается до самихъ бровей, такъ какъ его носитъ Султанъ и регулярное войско. Это родъ забрала всегда опущеннаго на нижнюю часть лба, какъ будто для того, чтобы закрывать отъ подозрительнаго азіятскаго взгляда благороднѣйшую часть лица, на которой отражаются тайныя мысли и чувства волнующія душу. (*)

(*) По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя узнаемъ, что Султанъ ввелъ новое преобразованіе въ головный уборъ своихъ народовъ: Фесъ у Турокъ остается по прежнему; но подвластные народы раіи должны имѣть вышитую изъ чернаго снурка надъ правымъ вискомъ турецкую букву Р, означающую качество раіевъ; Молдоване, Валахи, Сербы и Самосцы, какъ состоящіе на особыхъ правахъ — начальную букву ихъ страны; привиллегированные подданные берата, о которыхъ мы говорили въ статьѣ о торговлѣ — золотую лилію. Греки принадлежащіе Греческому Королевству носятъ свою кокарду. Такимъ образомъ съ перваго взгляда можно узнать отечество каждаго, такъ какъ прежде это узнавалось по чалмѣ или по шапкѣ; а въ Турціи это необходимо, чтобы правовѣрный ошибкою не призвалъ благословенія Аллаха на голову гяура, и

Молодой эфенди съ радушіемъ принялъ насъ въ своемъ чифтликѣ, и предложилъ намъ осмотрѣть все его сельское хозяйство; но оттоманскій этикетъ требовалъ начать съ начала, а въ Турціи начало всего есть трубка и кофе. При нашей усталости, и по жаркому часу дня, мы нашли этотъ этикетъ весьма умѣстнымъ, и даже пользуясь правомъ общей репутаціи невѣжества, которую заслужили Европейцы на Востокѣ, мы замѣтили нашему хозяину, что вмѣсто національной чалмы, Султану Махмуду лучше бы было преобразовать турецкія чашки, и сдѣлать ихъ нѣсколько щедрѣе; каведжи получилъ приказаніе подать вторыя чашки кофе. Мы сидѣли на коврахъ подъ навѣсомъ каштановаго дерева, котораго густыя вѣтви заслоняли домъ; эфенди оставилъ насъ на минуту однихъ; промежъ вѣтвей послышался громкій женскій хохотъ. Вещь, которая покажется обыкновенною во всякомъ другомъ мѣстѣ, имѣетъ силу воспламенять воображеніе въ странѣ Восточнаго романтизма. Всякій изъ насъ былъ готовъ видѣть въ простомъ дере-

не привѣтствовалъ его завѣтнымъ словомъ селямалейкюмъ, которое по закону должно говорить только правовѣрному.

вянномъ домѣ заколдованный замокъ, съ затворницами, со стражами, съ цѣлыми рыцарскими романами. Не намъ было суждено сдѣлаться героями этихъ романовъ; когда мы изъ любопытства покинули тѣнистый пріютъ, чтобы осмотрѣть мѣстности, снова послышался хохотъ, но досадная рѣшетка опустилась на полурастворенное окно, и болѣе не поднималась. Мы не могли обратиться къ гостепріимному эфендію съ нескромнымъ вопросомъ о томъ, что скрывалось за рѣшетками. Онъ обѣщался показать намъ свое хозяйство, а зарѣшетчатыя тайны не входятъ въ составъ сельскаго хозяйства. Нашъ Андрико съ тонкою проницательностію Левантскаго слуги соединялъ основательное знаніе Турецкой семейной политики; онъ уже завелъ тѣсную дружбу со всею дворнею эфендія, и чрезъ нѣсколько минутъ явился съ предложеніемъ кому угодно изъ насъ войти въ гаремъ въ качествѣ доктора, потому что у кадыни сдѣлалась сильная зубная боль, какъ только она узнала, что между франками посѣтителями чифтлика былъ и одинъ докторъ. Нашъ спутникъ докторъ Г*** досадовалъ на нескромность Андрика, потому что уже предви-

дѣлъ необходимость щупать пульсы у здоровыхъ людей. Онъ не хотѣлъ изъ нашей прогулки сдѣлать медицинское путешествіе по деревнямъ и мызамъ; а въ Турціи уже такъ заведено, что если въ какой нибудь деревнѣ узнаютъ, что пріѣхалъ франкскій докторъ, вся деревня, больные и здоровые къ нему явятся за совѣтами. Когда нарушилось инкогнито нашего доктора, онъ долженъ былъ осмотрѣть языки всей Турецкой и Греческой дворни; онъ усердно давалъ совѣты и предписывалъ гигіэническія правила больнымъ и здоровымъ. Но одинъ старый конюхъ, хотя и здоровѣе лошади, съ которою провелъ всю жизнь, настоятельно просилъ, чтобы ему предписали какой нибудь рецептъ. Когда мы спрашивали на что ему рецептъ, онъ, съ вольнодумствомъ весьма рѣдкимъ въ Туркѣ, объявилъ намъ, что не совсѣмъ вѣритъ въ талисманъ, писанный рукою какого-то имама-чудодѣя, и хранимый въ складкахъ его чалмы; онъ хотѣлъ замѣнить его талисманомъ писанымъ рукою франкскаго хекима. Одинъ изъ его пріятелей имѣлъ однажды счастіе получить подобный талисманъ, и хотя ему совѣтовали сполочь его въ ступкѣ и выпить въ стаканѣ

воды, но онъ предпочелъ зашить его въ свою чалму, и не только выздоровѣлъ, но даже съ того времени не знаетъ никакихъ болѣзней. Докторъ, склонясь на убѣжденія Турка, въ головѣ котораго странная вѣра въ медицину франковъ, пересиливала вѣру въ имамовъ, написалъ ему симпатическій рецептъ изъ словъ »Нѣтъ бога кромѣ Бога« на латинскомъ языкѣ, и этимъ осчастливилъ своего паціента.

Визитъ въ гаремъ былъ не новостію для нашего доктора; онъ видѣлъ въ немъ хорошенькую невольницу, которая съ нетерпѣніемъ ожидала счастія сдѣлаться матерью, при чемъ была ейобѣщана свобода и законный бракъ съ эфендіемъ.

Эфенди повелъ насъ въ свой садъ; вкусъ къ цвѣтникамъ и красивымъ аллеямъ соединялся здѣсь съ экономическимъ расчетомъ хозяина. За миртовою аллеею, кругомъ лавровыхъ деревъ и розовыхъ кустовъ, были огороды съ капустою и огурцами; въ другомъ мѣстѣ кукуруза и горохъ составляли лабиринтъ изъ узенькихъ дорожекъ. Значительное пространство было покрыто розовыми кустами; каждая весна приносила эфендію свою благоуханную жатву для годовой провизіи вареній и шербетовъ.

Горная флора осыпала своими дарами скалу, закрывавшую садъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ; на ней собирались фіалки, изъ которыхъ Турки дѣлаютъ варенiе весьма уважаемое знатоками и весьма дорогое; въ большомъ изобилiи росла также клубника, не весьма крупная, но необыкновенно вкусная и ароматическая. Земляники здѣсь нѣтъ; она замѣняется полевою клубникою. Ущелины скалы заросли лавровыми розами, крыжевникомъ и множествомъ живописныхъ кустарниковъ, которыхъ имени я не знаю, но которые даютъ прекрасныя ягоды. Эти дикiя красоты природы почти не удостоивались вниманiя нашего хозяина; онъ досадовалъ даже на любопытство доктора, который вздумалъ дѣлать ботаническiя изслѣдованiя надъ самородными растѣнiями горъ. Онъ спѣшилъ показать намъ свой фруктовый садъ, окруженный высокимъ заборомъ и никому недоступный. Въ самомъ дѣлѣ это была самая занимательная часть его мызы, и нашъ мусульманскiй гастрономъ съ отеческою любовiю пекся о своихъ фруктовыхъ деревьяхъ. Персики и сливы были его любимые фрукты. Даже въ Малой Азiи, которая славится своими персиками, я

не видалъ этаго плода пышнѣе и душистѣе; онъ здѣсь роспетъ на воздухѣ, и наши Петербургскіе персики имѣютъ съ нимъ столько же сродства сколько огурецъ съ арбузомъ. Сливъ было до двадцати родовъ; онѣ щеголяли всѣми цвѣтами радуги отъ фіолетоваго до яркожелтаго. Вишни, черешни, шелковицы, яблони, груши, миндальныя деревья — плебеяне въ царствѣ Помоны, росли отдѣльными семьями. Фиговыя деревья не были удостоены чести здѣсь присутствовать, потому что они вовсе не нуждаются въ присмотрѣ садовника, и даютъ слишкомъ густую тѣнь, которая неумѣстна въ фруктовомъ саду. Апельсины, лимоны, померанцы и цедры (cedrat) росли отдѣльно въ оранжереяхъ предъ домомъ, или въ бочкахъ, которыя зимою укрывались въ оранжереи; дуновеніе Черноморскихъ нордовъ опасно и здѣсь для этихъ нѣжныхъ деревъ. Они и здѣсь служатъ болѣе для красы, и ихъ плоды рѣдко бываютъ сочны и совершенно зрѣлы. Мы особенно любовались померанцовымъ деревомъ, на которомъ вмѣстѣ росли пять или шесть родовъ фруктовъ: апельсины, горькіе и сладкіе померанцы, лимоны обыкновенные и лимоны сладкіе, и особенный

родъ маленькихъ померанцовъ употребляемыхъ только для вареній. Садовникъ эфендія былъ Грекъ изъ Хіоса; жители этаго острова славятся въ Леванть искусствомъ своимъ въ садоводствѣ, и преимущественно по части померанцовой породы. Цѣлый ихъ островъ до послѣднихъ несчастій былъ покрытъ апельсинными и лимонными рощами. Садовникъ Турка самъ когда-то имѣлъ свои сады, а война заставила его обрабатывать чужіе. По крайней мѣрѣ Турокъ давалъ ему хорошую плату, и сталъ въ особенности уважать его и дорожить имъ, когда въ продолженіе одного года искусными прививаніями онъ успѣлъ соединить столько фруктовъ на одномъ деревѣ. Для Азіатца, пресыщеннаго всѣмъ, даже роскошью Природы, ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ дѣлать что нибудь на перекоръ ей, сообщать ей свои причуды. Нельзя не удивляться тому, что Турки, при всей своей любви къ цвѣтамъ и къ деревьямъ, при всемъ томъ, что жители окрестностей Константинополя отъ вельможи до бѣдняка, живущаго можетъ быть милостынями мечети, имѣютъ свои сады, не только не сдѣлали никакихъ успѣховъ въ садоводствѣ, но даже весьма мало сами имъ зани-

маются. Всѣ хорошіе садовники Константинополя, какъ въ Серальскихъ садахъ такъ и въ садахъ частныхъ людей — Малоазійскіе или Архипелажскіе Греки. Серальскіе Бостанджи, которые составляли до послѣднихъ преобразованій внутреннюю стражу Сераля, и были первоначально учреждены собственно для смотрѣнія за садами и лѣсами, сдѣлались впослѣдствіи воинымъ корпусомъ, и хотя продолжали завѣдывать садами разныхъ дворцевъ Султана, но только въ качествѣ сторожей, а садовниками были Греки. По всегдашней системѣ Турецкихъ противуположностей, въ особѣ командира этаго корпуса Бостанджи-баши, одного изъ первыхъ сановниковъ Сераля, и котораго пользовался, одинъ изъ всѣхъ окружающихъ Султана, завидною привиллегіею носить бороду, соединялось, вмѣстѣ съ поэтическимъ званіемъ министра садовъ, другое званіе болѣе существенное— главнаго начальника палачей, и содержателя тюремъ, въ коихъ производились пытки.....

Мы имѣли въ этотъ день обѣдъ роскошный: къ нашимъ запаснымъ блюдамъ присоединили мы произведеніе нашей охоты — дичь жареную на вертелѣ, пилавъ, приготовленный на кухнѣ

эфендія, разныхъ родовъ молошное и фрукты, которыми мы набили карманы въ нашей прогулкѣ по саду. Мы не могли нахвалиться превосходствомъ двухъ родовъ молошнаго, исключительно принадлежащихъ Турціи — каймакомъ и гяуртомъ. Каймакъ есть родъ сливокъ до того густыхъ, что ихъ рѣжутъ ножемъ, какъ свѣжее масло. Болгарскіе пастухи славятся искусствомъ своимъ въ его приготовленіи; но вкусъ его зависитъ отъ качества пажитей, потому что въ Бессарабіи, гдѣ также его дѣлаютъ, онъ бываетъ притворно сладокъ, и не можетъ сравниться съ Ѳракійскимъ. Турки, большіе охотники до сластей, ѣдятъ каймакъ съ медомъ или съ сахаромъ. Гяуртъ имѣетъ большое сходство съ нашимъ кислымъ молокомъ или простоквашею, но не столь жиренъ, и болѣе густъ и киселъ; его приготовляютъ въ небольшихъ глиняныхъ чашахъ, и въ окрестностяхъ столицы онъ составляетъ главную отрасль молошной промышленности, потому что простой народъ весьма много его употребляетъ въ пищу. Турки любятъ его мѣшать съ пилавомъ, отъ чего дѣлается особеннаго рода молошная каша. Яуртъ и каймакъ и наши похвалы напо-

мнили эфендію, что онъ не показывалъ намъ еще лучшаго достоянія своей мызы — стада барановъ.

Рогъ пастуховъ элегически раздался на ближнихъ горахъ, среди вечерняго нашего кейфа. Мы вышли на встрѣчу возвращавшемуся стаду. Нѣсколько сотъ барановъ спускались съ ближняго холма въ долину прилежащую къ чифлику, гдѣ мѣсто окруженное деревяннымъ заборомъ служило имъ убѣжищемъ въ продолженіе ночи. Эти стойла называются здѣсь *мандра*. Стадо признавало своимъ предводителемъ стараго барана, который шелъ впереди всѣхъ, съ колокольчикомъ привязаннымъ къ шеѣ. Нѣсколько Болгаръ пастуховъ провожали шествіе, вмѣстѣ съ собаками, которыя собою не видны, но цѣнятся весьма дорого, и доселѣ заслуживаютъ древнюю славу Ѳракійскихъ пастушескихъ псовъ. Стадо остановилось предъ входомъ въ мандру, гдѣ пастухи приготовили кадки для доенія молока. Мы долго любовались порядкомъ, съ какимъ происходила эта операція: два пастуха сидѣли у входа съ ушатами, и пріученныя овцы попарно къ нимъ подходили, становились для доенія предъ каждымъ

изъ нихъ, и потомъ входили во внутренность мандры, уступая другимъ свое мѣсто. Стадо большею частію состояло изъ Караманійскихъ барановъ, которые отличаются неимовѣрною шириною хвостовъ. Животное видимо страдаетъ отъ своей жирной ноши, и съ трудомъ передвигаетъ ноги. Чудовищный хвостъ нерѣдко бываетъ толщиною въ одинъ футъ вверху, всрединѣ съуживается, а внизу опять разширяется и виситъ до земли. Хвосты эти доставляютъ значительный запасъ жира для Турецкой кухни, въ которой коровье масло не употребляются; жирные турецкіе соусы и пилавы дѣлаются изъ сала, частію получаемаго на мѣстѣ, частію доставляемаго изъ нашихъ Черноморскихъ портовъ, того самаго которое покупаютъ у насъ Англичане для своихъ машинъ.

Жалкое состояніе земледѣлія въ окрестностяхъ Константинополя благопріятствуетъ скотоводству.— Поля и горы покрыты превосходными пажитями, по коимъ рогатый скотъ пасется обыкновенно круглый годъ; самыя лошади должны нѣсколько мѣсяцевъ въ году побыть на подножномъ кормѣ; но косить сѣно здѣсь вовсе нѣтъ обыкновенія. Въ стойлахъ и для

лошадей и для рогатаго скота заготовляется только запасъ крошенной соломы. Большихъ стадъ быковъ здѣсь нельзя видѣть; быки служатъ только для земледѣлія, и рѣдко ихъ рѣжутъ; притомъ ихъ мясо здѣсь не уважается, и развѣ Европейцы, упрямо сохраняющіе вкусы своего отечества, предпочитаютъ его отличной Ѳракійской и Малоазійской баранинѣ. Стада барановъ весьма многочисленны въ окрестностяхъ Константинополя; притомъ всѣ области Европейской и Азіятской Турціи, богатыя скотоводствомъ, посылаютъ ежегодно въ дань столицѣ стада барановъ. Во всей Имперіи строго запрещено рѣзать молодыхъ ягнятъ весною до исхода Апрѣля. Это запрещеніе не имѣетъ силы между горными клефтами, которые въ своихъ бивакахъ, подобно Гомеровымъ героямъ, жарятъ на деревянномъ вертелѣ молодыхъ барановъ; но въ городахъ подвергнется пенѣ неосторожный раія, который захочетъ попраздновать свою пасху по народному обычаю жареннымъ бараномъ.

Ночь провели мы на мягкихъ диванахъ гостепріимнаго эфендія, припоминая умную поговорку Санхо-Пансы, что сонъ прекрасная вы-

думка, потому что гдѣ ни спишь, даже подъ кровомъ невѣрнаго, все какъ дома спится. Первые лучи солнца проглянули къ намъ сквозь живую рѣшетку зелени, которая предъ окнами *мусафиръ-одасы*, гостиной, замѣняла лѣтнія занавѣсы. Не знаю разбудили ли они хозяина въ его таинственномъ гаремѣ, но мы чрезъ полчаса были уже на коняхъ, окруженные слугами, которые протягивали руку за обычнымъ бахчишемъ. Мы дали имъ нѣсколько мелкихъ золотыхъ монетъ, хотя и узнали, что наканунѣ они расхитили весь остатокъ нашей провизіи и нашп вина, а мы предполагали провести еще день въ горахъ. Съ эфендіемъ мы поплатились потомъ за гостепріимство полудюжиною шампанскаго, потому что съ перваго взгляда можно было видѣть въ немъ усерднаго поборника нововведеній, и врага предразсудковъ. Англичане хотѣли прибавить къ »проклятому пешкешу« (*) отличный окорокъ, какъ будто на-

(*) Нѣсколько разъ мы уже упомпнали о *пешкешѣ* и *бахчишѣ*; значеніе этихъ двухъ словъ долженъ выпвердить всякій Европеецъ посѣщающій Турцію. Я говорилъ уже, что ни одинъ визитъ не обойдется безъ денежной подачи слугамъ, соразмѣрной важности господина; это бахчишъ. Пешкешъ есть

рочно привезенный изъ Великобританіи для соблазна правовѣрныхъ; но мы не допустили, опа-

подарокъ посылаемый отъ лица къ лицу, въ знакъ ли пріязни, или за оказанную услугу, или, если имѣете дѣло съ правительствомъ, для облегченія путей. Въ послѣднемъ случаѣ у насъ назвали бы это взяткою; но Турецкія понятія о чести весьма различны отъ нашихъ, и взяточникъ Турокъ безъ обиняковъ сознается, что онъ за такое-то дѣло получилъ столько-то; Система лихоимства въ полной силѣ отъ первыхъ вельможъ до послѣднихъ чиновниковъ. Пешкеши играютъ весьма важную роль въ Турецкомъ этикетѣ; въ извѣстные праздники Султанъ посылаетъ подарки своимъ кадынямъ и своимъ вельможамъ, и получаетъ самъ отъ послѣднихъ подарки, коихъ цѣнность должна соотвѣтствовать мѣсту занимаемому каждымъ изъ нихъ, и большею частію постановлена старинымъ придворнымъ этикетомъ Часто подарки эти бываютъ наличныя деньги въ кошелькахъ или въ мѣшкахъ, или просто завернутыя въ бумагу. Многіе областные Паши завели у себя строгій этикетъ, чтобы никто не смѣлъ представиться къ нимъ безъ денежнаго подарка, установленнаго по шаксѣ для людей всякаго званія, и не рѣдко требуютъ этаго и отъ Европейцевъ. Извѣстно что умершій Персидскій Шахъ принялъ весьма грубо одного Европейскаго посланника, который при своемъ представленіи ничего не поднесъ; секретарь поладилъ потомъ дѣло пятьюдесятью червонцами доставленными казначею Шаха отъ имени посланника, но безъ его вѣдома. Славный Али-Паша обратилъ обычай пешкеша въ явный грабежъ; кромѣ того, что къ нему никто не смѣлъ явишься безъ подарковъ, онъ нѣсколько разъ, по случаю ли пожара истребившаго флигель его дворца, или послѣ пора-

саясь, чтобы нашъ эфенди не принялъ это за явную насмѣшку надъ бородою его дѣдовъ и надъ бородою самаго Пророка. Турки, при всемъ своемъ стремленіи перенимать всѣ вкусы Европейцевъ, сохраняютъ еще религіозное отвращеніе къ свининѣ, и кажется что этотъ догматъ, вмѣстѣ съ догматомъ многоженства, свящѣе всѣхъ другихъ законовъ Магомета въ глазахъ народа.

На обратномъ пути мы долго бродили по горамъ, и осмотрѣли разныя мѣстоположенія. Мы были безъ провизій, а аппетитъ съ каждымъ часомъ увеличивался отъ ѣзды и отъ горнаго воздуха. Онъ обратился въ голодъ, когда мы

женія его войскъ Сульотами, или по случаю другаго несчастія, объявлялъ, что Аллахъ на него разгнѣванъ, что онъ бѣднѣе всякаго нищаго, и приглашалъ народъ дать ему милостыню. Къ нимъ изъ людей къ нему приверженныхъ и извѣстныхъ своею бѣдностію онъ самъ подъ рукою доставлялъ значительныя суммы, чтобы они публично поднесли. Это заставляло другихъ давать также своему грабителю богатую милостыню, и если бы кто явился съ маленькою суммою, Али-Паша прогонялъ его съ гнѣвомъ, упрекая въ нелюбви къ себѣ, и указывая ему примѣръ усердія бѣдныхъ людей, которые приносятъ послѣднее. Онъ самъ въ нищенскомъ почти нарядѣ сидѣлъ на дряномъ диванѣ и собиралъ подаянія.

остановились для отдыха въ бѣдной хижинѣ земледѣльца. Кромѣ черстваго хлѣба ничего нельзя было достать въ этой глуши. Но въ книгѣ предопредѣленія не было написано, что мы умремъ голодною смертію среди плодородныхъ полей Ѳракійскихъ. Нашъ безцѣнный Андрико окинулъ окрестность проницательнымъ взглядомъ полководца, который ищетъ средствъ существованія для своего отряда, и не пренебрегаетъ ни одною изъ выгодъ представляемыхъ страною; онъ торжественно объявилъ намъ, что черезъ нѣсколько минутъ будетъ отличный завтракъ. Мы съ покорною довѣрчивостію положились на его изобрѣтательный умъ, и стали ожидать развязки нашей голодной драмы. Онъ между тѣмъ приказалъ раскладывать огонь, и пошелъ въ огородъ; чрезъ нѣсколько минутъ возвратился онъ съ запасомъ кукурузы, окутанной блѣдножелтыми листами, подъ коими тайно созрѣваютъ сочныя зерна. Огромный, полуразбитый горшокъ былъ налитъ водою и поставленъ на огонь; до двадцати колосьевъ кукурузы, безъ всякихъ другихъ приготовленій были туда брошены, и живое пламя охватившее горшокъ вскипятило въ немъ

воду. Расторопный слуга предложилъ намъ заняться также дѣломъ, пока будутъ вариться наши колосья. Онъ научилъ насъ печь у огня кукурузу, чтобы приготовить второе блюдо нашего завтрака; для печенія кукурузы есть два средства: или снявши верхній слой листовъ, только съ внутренними и нѣжными листами поставить ее въ горячую золу, и отъ времени до времени осматривать, чтобы листы не сгорѣли, и не проникла зола въ зерна; или совершенно снять покровы, которыми такъ тщательно окутала природа одно изъ лучшихъ своихъ произведеній, эту жемчужину огородовъ, оставивши только сучки, длиною въ два или три дюйма, за которые должно потомъ держать, разставить колосья вертикально предъ огнемъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, и медленно поворачивать, чтобы вся поверхность зеренъ одинаково подвергалась дѣйствію пламени; это можно наблюдать по бурому отливу, покрывающему золотистожелтыя зерна. При желудочномъ эгоизмѣ каждаго изъ насъ, все это казалось намъ пріятнѣйшимъ занятіемъ, хотя огонь, у котораго мы пекли кукурузу, жарилъ въ тоже время и наши лица. За наши труды

мы были вполнѣ вознаграждены шакимъ завтракомъ, какого я не промѣняю на самыя затѣйливыя выдумки Французскаго кухмистера.

Большей части моихъ читателей извѣстна, можетъ быть, только по наслышкѣ кукуруза, или Турецкое пшено, какъ иногда у насъ ее называютъ. Весьма сожалѣю, что словами не выражается вкусъ, и еще менѣе сообщается то удовольствіе, которое доставляетъ кукуруза въ различныхъ видахъ ея приготовленій, даже органу избалованному отъ изысканностей нашей кухни. Но не излишнимъ будетъ дать нѣкоторыя наставленія, какъ ее ѣсть; потому что колосъ длиною почти въ одинъ футъ, толщиною въ полтора дюйма въ діаметрѣ, плотно покрытый крупными зернами, печеный или вареный, и поданный за столомъ между жаркимъ и пирожнымъ, въ домѣ Малороссійскаго помѣщика, можетъ привести васъ въ большое затрудненіе, если гостепріимные хозяева вздумаютъ позабавиться вашею неопытностію, и подадутъ вамъ первому, и станутъ ожидать, какъ вы возьмете съ блюда и какъ примитесь ѣсть. Мой расказъ долженъ принять здѣсь тонъ дидактическій, сообразный важности моего предмета.

Вилки, салфетки, тарелки, и все столовой снадобье — вещь совершенно лишняя, когда идетъ дѣло о кукурузѣ. Мы видѣли уже съ какою патріархальною простотою приготовляется она на кухнѣ; еще проще процесъ ея за столомъ: возьмите сперва колосъ лѣвою рукою за сучокъ, который, какъ я уже сказалъ, долженъ сохраниться при печеніи; потомъ правою возьмите ножикомъ масло, и натрите слегка остреемъ по горячему колосу, чтобы только легкій слой масла остался на поверхности зеренъ. Древніе Евреи, которые до того уважали кукурузу, что приносили въ жертву Саваоѳу первые колосья собранные съ огородовъ, употребляли для ея приправы не коровье но деревянное масло, какъ видно изъ книги Левитовъ. Ученые полагаютъ, что въ ихъ климатѣ, коровье масло, если и было оно имъ извѣстно, портилось отъ жаровъ, особенно въ пору кукурузы. Американцы, которые гордятся своимъ свинымъ саломъ, бѣлымъ, полупрозрачнымъ и твердымъ, сообщаютъ горячей кукурузѣ превосходный вкусъ, натирая ее кускомъ сыраго сала. Не худо бы нашимъ Малороссіянамъ, имѣющимъ полное право со-

перничать съ Американцами добротою своего свинаго сала, обратишь вниманіе на это обстоятельство, могущее сдѣлать важное улучшеніе по этой части. Впрочемъ обычай Американцевъ сдѣлался мнѣ извѣстнымъ весьма недавно, по выходѣ въ свѣтъ книги ученаго Англійскаго путешественника, доктора Коббета, и жалѣю, что въ бытность мою въ Малороссіи не приходило мнѣ въ голову сдѣлать подобный опытъ надъ *пшеничкою*, какъ называютъ Малороссіяне кукурузу. Что же касается до деревяннаго масла, то или оно перемѣнилось въ наше время, или нашъ органъ вкуса различенъ отъ древняго Езрейскаго, потому что оно никуда не годится, и только портитъ благородный колосъ. Послѣ масла посолите весьма немного вашу кукурузу, соблюдая чтобы соль осыпала поровну ея поверхность — и будьте увѣрены, что вы держите въ рукахъ самую вкусную, самую здоровую пищу, какая только дарована человѣку щедрою Природою юга. Вспомните притомъ, что этимъ гастрономическимъ сокровищемъ вы обязаны не темной наукѣ кухмистера; оно можетъ быть вами сорвано съ огорода, вами испечено, приправлено; въ немъ

нѣтъ никакого подлога, никакихъ веществъ неизвѣстныхъ вамъ, и отъ которыхъ можетъ быть вы бы получили отвращеніе, какъ нерѣдко случается, если вздумаете украдкою заглянуть въ лабораторію соусовъ, которыми щеголяютъ наши утонченные обѣды. Но я чуть было не забылъ послѣдняго и важнѣйшаго наставленія: о томъ какъ должно ѣсть кукурузу. Первое условіе для этаго удовольствія — имѣть въ исправности передніе зубы; если бы эти зубы ни для чего болѣе не служили намъ въ жизни, то одна опасность отказаться навсегда отъ кукурузы, должна заставить всякаго ихъ беречь. И такъ если вы надѣетесь на ваши зубы, возьмите колосъ двумя руками за два конца, и начните зубами срывать съ него зерна, соблюдая чтобы всякое зерно было сорвано со своего корня, и чтобы не взять въ зубы внутренняго древянистаго вещества, въ которое они довольно глубоко вопились. Съ котораго конца начать бороздить зубами колосъ, зависитъ уже отъ васъ; замѣтьте только, что нижняя его часть болѣе зрѣла, и зерна содержатъ вещество нѣсколько мучное и пищу болѣе сытную; чѣмъ выше вы поднимаетесь тѣмъ зерна становятся

пѣжнѣе и мягче: они налипы молокомъ, которое еще не обратилось въ муку, такъ какъ въ незрѣлыхъ колосьяхъ всѣхъ хлѣбныхъ растѣній. Впрочемъ эта незрѣлость не должна нисколько васъ безпокоить. По окончаніи одного колоса примишесь тѣмъ же порядкомъ за другой, за третій, и если природа одарила васъ хорошимъ аппетитомъ, можете безъ зазрѣнія совѣсти повторить тоже пять или шесть разъ, потому что это самая легкая и здоровая пища, которая не надоѣстъ, если даже будете одною ею питаться, иногда вареною, иногда печеною, для перемѣны, во все время пока она свѣжа. Благодѣтельная природа, чтобы для насъ продлить удовольствіе питаться свѣжею кукурузою, одарила наши огороды нѣсколькими ея родами; одна поспѣваетъ ранѣе, другая позже, такъ что расчетливый хозяинъ можетъ имѣть у себя свѣжую кукурузу отъ Іюля до Октября. Этимъ отличается она отъ всѣхъ хлѣбныхъ и зерписныхъ растѣній, которыя поспѣваютъ урожаями.

Кукуруза не подается болѣе за столомъ, когда придетъ въ совершенную зрѣлость; она поступаетъ въ разрядъ хлѣбныхъ зеренъ, обра-

щается въ муку, и входитъ въ составъ хлѣба употребляемаго въ простомъ народѣ. Въ Дунайскихъ Княжествахъ она составляетъ главный элементъ народной пищи; изъ нея варятъ родъ каши, называемой *мамалигою*, коею питаются круглый годъ два милліона нашихъ сосѣдей. Это весьма сытная и здоровая пища, и даже весьма вкусная, если она приготовлена съ нѣкоторымъ стараніемъ. Въ Италіи изъ кукурузныхъ крупъ дѣлается *полента*, занимающая непосредственное мѣсто послѣ макароновъ въ народной Италіянской кухнѣ, и *ньокки*, родъ нашихъ Малороссійскихъ галушекъ, но и для вкуса и для желудка предпочтительнѣе галушекъ. Америка за табакъ, сообщенный ею Турціи, и за картофель, ненавидимый Турками, получила кукурузу, и многіе милліоны жителей Новаго Свѣта питаются ею. Въ пору ея урожая Американцы подаютъ ее даже вмѣсто хлѣба за столомъ и за чаемъ. Ею кормятъ и лошадей, особенно въ сильные жары, когда предстоитъ трудная и поспѣшная ѣзда. Нельзя не сожалѣть о томъ, что доселѣ такъ мало обращаютъ вниманія на это полезное растѣніе въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія,

что оно вкуснѣе и питательнѣе картофеля, который даже не полюбился народу, а воздѣлываніе его представляетъ болѣе удобствъ и выгодъ нежели всякое другое хлѣбное или огородное растѣніе. Оно приноситъ впятеро болѣе пропиву пшеницы и ржи; также хорошо поспѣваетъ на сухой почвѣ и на почвѣ слишкомъ жирной, притомъ гораздо скорѣе другихъ хлѣбовъ, и менѣе ихъ опасается засухи, града, саранчи, червей, и всѣхъ нещастій, коимъ подвержены урожаи. Его простникъ можетъ служить для топки въ Новороссійскомъ краѣ бѣднымъ лѣсами, и его листымогутъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣнить солому; въ Турціи и въ Испаніи изъ этихъ листовъ дѣлаются превосходные шіофяки. Говорятъ даже, есть надежда извлечь изъ него и другую весьма важную выгоду: внутренняя часть колоса, или кочерыги содержитъ въ себѣ много сахарнаго вещества, и можетъ быть этому неоцѣненному доселѣ простнику предстоитъ слава замѣнить на нашемъ материкѣ благородный простникъ Колоній.

ГЛАВА V.

Утро на горахъ. — Шайка разбойниковъ. — Несчастіе придворнаго аптекаря. — Казни Черногорцевъ. — Оазисъ. — Пожаръ въ Стамбулѣ. — Вельможи на пожарѣ. — Зажигатели. — Политика Сераскира. — Всесожженіе Янычаръ. — Пожары политическіе и смѣлость Турчанки. — Зажигательныя рѣчи. — Тандуры и другія причины пожара. — Арапы и Алхимикъ. — Запрещеніе строить каменные домы. — Гіавгиры. — Музыканты и пожарные сторожа. — Торги. — Турчанки на пожарѣ. — Таборъ. — Философія погорѣлаго Турка. — Строевые лѣса и новый законъ. — Бодрость Махмуда.

Въ прекрасное Іюльское утро я отправился изъ Буюкдере въ Константинополь на арабскомъ жеребцѣ, въ сопровожденіи Турка сюруджи. Я выѣхалъ въ часъ разсвѣта, чтобы съ высоты Буюкдерскихъ горъ насладиться картиною восходящаго солнца, и подышать свѣжестію горъ. Съ вечернею молитвою Мусульманъ вѣшеръ засыпаетъ на всю ночь; въ раннее утро море стелется какъ зеркало, по коему жаркое дыханіе дѣвушки навело матовую дымку; оно тускло отражаетъ случайное облако, посылае-

мое отъ Чернаго Моря на югъ, чтобы освѣжить раскаленные берега Пропонтиды.

Съ высоты горъ откроются вашимъ взорамъ глубокія пустыни двухъ морей; на нихъ можетъ быть бѣлѣютъ паруса — но эти недвижныя пятна не придаютъ никакой жизни свинцовому горизонту, и лежатъ на немъ, будто лоскутья распадшагося облака. Съ первою желтизною востока обрисовываются на Азіятскомъ берегу Олгасійскія горы, будто сгущенный туманъ, обрубленный въ силюэты странныхъ формъ; но когда подуетъ съ запада первое дыханіе утра на встрѣчу свѣтлому гостю, когда Босфоръ покроется лентами подвижной чешуи, и вся природа покраснѣетъ отъ первыхъ лучей, какъ невѣста отъ перваго поцѣлуя жениха, и разыграются кругомъ васъ тѣни и свѣтъ среди безконечныхъ изгибовъ горъ, когда отъ каждаго пригорка, отъ каждаго куста, отъ васъ самихъ пробѣжитъ колоссальная тѣнь, и вашъ конь со скалы позолоченной солнцемъ спустится въ долину еще спящую въ полусумракѣ — вы убѣдитесь, что нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не дано въ высшей степени наслаждаться красотами природы; ваше воображеніе сохра-

нитъ въ другомъ климатѣ ея восхитительныя картины, будто свѣтлыя воспоминанія прошедшихъ радостей.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Буюкдерской долины пейзажи измѣняются; мѣстами проглядываютъ пригорки, уже не тѣ, которые на берегу Босфора покрылись роскошнымъ прозябеніемъ, но едва обсыпанные изумрудною пылью зелени, съ рѣдкими кустарниками. Нѣтъ никакого жилья; кругомъ дико и пусто. Дорога между Буюкдере и Перою лѣтомъ считается безопасною; мой сюруджи для красы только продѣлъ въ поясъ длинный ятаганъ и пару пистолетовъ оправленныхъ въ серебро, и, чтобы придать себѣ болѣе важности, съ турецкимъ молодечествомъ отъ времени до времени поднималъ тяжелую отъ сна голову, осматривался кругомъ, и потомъ пускался скакать впередъ во весь опоръ, не говоря ни слова.

Но въ зимнія вьюги, которыя нерѣдко въ этомъ благословенномъ климатѣ напоминаютъ сѣверныя мятелицы, не совѣтую путешественнику проѣхать по этой дорогѣ безъ вооруженной стражи. Не говоря уже о разбояхъ, которыми кишатъ окрестности Константинополя

въ эпоху внутреннихъ смятеній столицы, самые сторожи садовъ и загородныхъ домовъ нерѣдко рыскаютъ по горамъ, и исключительно поджидаютъ неосторожнаго Франка, потому что простой народъ привыкъ думать, что у Франковъ карманы лучше набиты нежели у Турокъ и раіевъ. Черногорцы, которые здѣсь называются Харвапами, и которые служатъ садовниками и сторожами Босфорскихъ домовъ, особенно прославились въ послѣдніе годы подобными подвигами. Всегда они слыли людьми честными; но наконецъ ихъ попуталъ лукавый. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду происходили безпрерывныя кражи, и кражи весьма значительныя, но нельзя было отыскать никакихъ слѣдовъ. Только было видно, что это дѣло большой шайки, которая имѣла средства входить въ домы и грабить не какъ нибудь, не на скорую руку, но систематически, со всею тактикою воровскаго ремесла. Легкость постройки домовъ позволяла продѣлывать весьма скоро и безъ шума отверстія въ стѣнахъ, и близость моря давала средства увозить цѣлые грузы каиковъ. Въ Бешикъ-таши подлѣ Султанскаго дворца жилъ съ своимъ семействомъ серальскій аптекарь Ар-

мянинъ Киворкъ, весьма любимый Султаномъ, и недавно получившій отъ него значительныя суммы и дорогіе подарки. Разбойники имѣли своихъ шпіоновъ. Около двадцати человѣкъ входятъ въ темную ночь въ домъ стараго Армянина, и недовольные тѣмъ что нашли въ сундукахъ, пытаютъ его, и обираютъ его дочиста. Насилія не ограничились этимъ; пострадали жена и молодыя дѣвушки, дочери аптекаря. Старикъ на другое утро, полуживой отъ пытокъ, бросился въ ноги Султану и разсказалъ свои несчастія. Махмудъ пришелъ въ одинъ изъ тѣхъ припадковъ гнѣва, которые не одинъ разъ привели Сераль въ трепетъ. Онъ самъ тогда жилъ въ Бешикъ-таши, и такое злодѣйство совершилось у самаго его дворца. Сераскиръ, Капитанъ-Паша, Халиль-Паша, Ахметъ-Паша, всѣ вельможи, всѣ любимцы были призваны и получили строжайшее приказаніе, чтобы разбойники были найдены во что бы то ни стало. Подобное повелѣніе не могло не исполниться; на третій день открыта шайка, состоявшая изъ ста человѣкъ Харватовъ. Ихъ предали пыткѣ; главнымъ изъ нихъ облили головы расплавленнымъ свинцемъ, и въ этомъ состояніи одинъ

былъ привезенъ въ Буюкдере, и въ саду того дома въ которомъ онъ служилъ, указалъ мѣсто гдѣ хранилась подъ легкимъ слоемъ земли главная казна шайки въ нѣсколько милліоновъ піастровъ. Многіе Харваты скрылись; другіе долго не сдавались, и успѣли убить многихъ солдатъ, пока наконецъ ихъ разстрѣляли. На одномъ изъ убитыхъ, мужчинѣ аплетическаго роста, было найдено около 4,000 голландскихъ червонцевъ, зашитыхъ въ коженный поясъ, котораго онъ никогда не скидывалъ. Попавшіеся въ руки правосудія живыми были повѣшены вдоль всего Европейскаго берега Босфора, въ тѣхъ самыхъ предмѣстіяхъ, которыя были театромъ ихъ ночныхъ похожденій.

Въ самомъ уединенномъ мѣстѣ на горахъ нѣсколько молодыхъ деревъ составили вѣнецъ изъ зелени кругомъ краснваго кіоска и мраморнаго фонтана. На мраморѣ вырѣзаны двѣ надписи: одна на Латинскомъ и на Турецкомъ, другая на Греческомъ и Итальянскомъ языкѣ. Первая изъ нихъ: Ora labitur, fundatoris memoria manet; »время проходитъ, но не проходитъ память строителя:« эта громкая и классическая надпись довольно странна на скромномъ фонта-

нѣ и въ глуши. Другая болѣе понравилась мнѣ своею свѣжестію и простотою: I passagieri benevoli sono pregati di dare aqua à questi alberi; »просятъ благосклоннаго путника полить эти деревья.« Я исполнилъ поэтическій завѣтъ строителя. Одинокій фонтанъ и кіоскъ и семья молодыхъ ивъ, на вершинѣ пустынной горы, составили живописный памятникъ, воздвигнутый въ оттоманской землѣ и совершенно въ оттоманскомъ вкусѣ, не Мусульманиномъ а Христіанкою. Не одинъ разъ встрѣтите въ пустынныхъ дорогахъ Турціи фонтаны построенные правовѣрными, съ надписью, которая свидѣтельствуетъ, что такой-то рабъ божій построилъ фонтанъ, чтобы путникъ, утоляя жажду, благословлялъ его память. Строительница этаго фонтана — баронесса Оттенфельсъ, жена недавно бывшаго въ Константинополѣ Австрійскаго Интернунція. И правовѣрные и Христіане будутъ благословлять ея память, потому что кіоскъ, построенный при фонтанѣ, представляетъ единственное убѣжище на этой дорогѣ и отъ солнечныхъ жаровъ и отъ зимнихъ ненастій, и что еще важнѣе, охраняетъ дорогу отъ разбоевъ.

Я искалъ глазами моего сюруджи; онъ уже успѣлъ разбудить Турка, сторожа и одинокаго жителя этаго оазиса, и вмѣстѣ съ нимъ совершалъ у фонтана утреннее умовеніе, готовясь къ молитвѣ. Когда османлы кончили свои обряды, сторожъ, старый боснанджи, пришелъ ко мнѣ съ селямалекомъ, съ закуренною трубкою и съ предложеніемъ отдохнуть на мягкомъ диванѣ въ самомъ кіоскѣ и выпить утреннюю чашку кофе. Внутренность кіоска проста и опрятна; во всѣ стороны продѣланы окна; въ одномъ изъ угловъ симметрически расположились нѣсколько кофейниковъ кругомъ очага, гдѣ подъ пепломъ хранится огонь, неугасимый какъ огонь Весты, чтобы во всякое время дня и ночи кофе было готово.

Турокъ получилъ за угощеніе свой бахчишъ, и пожелалъ мнѣ щастливаго пути. Поднявшись на другое возвышеніе въ цѣпи горъ, составляющихъ продолговатый полуостровъ между Босфоромъ и Золотымъ Рогомъ, я завидѣлъ широкій Стамбулъ, уже освѣщенный солнцемъ. Сюруджи присталько всматривался въ дымное облако, которое шаталось на одномъ изъ его холмовъ, и обратясь ко мнѣ съ большимъ хладно-

кровіемъ сказалъ: *Стамбулда янгынъ варъ*, »въ Стамбулѣ пожаръ.« Кто слышалъ это слово въ Константинополѣ, когда ночный сторожъ стучитъ желѣзомъ по мосиновой и гробовымъ голосомъ будитъ свой кварталъ, никогда не потеряетъ дикаго его впечатлѣнія. Зловѣщее слово навело на меня черныя воспоминанія тѣхъ лѣтъ, когда оно пробуждало меня въ испугѣ. Вскорѣ я разглядѣлъ игру пламени подъ облаками дыма, на разстояніи десяти верстъ отъ насъ. Пожаръ только что начинался, потому что въ нѣсколько минутъ уже были замѣтны его успѣхи. Пламя, какъ конская грива, развѣвалось вѣтромъ среди темныхъ зданій. Я поскакалъ туда, чтобы видѣть распоряженія Турецкой полиціи, которая на пожарахъ выказываетъ всю свою дѣятельность. При томъ смутительное состояніе Константинополя, и волненіе умовъ послѣ войны съ Египтомъ заставляли подозрѣвать, нѣтъ ли политической причины пожару, не готовится ли кровавая сцена при пожарномъ освѣщеніи. Я любопытствовалъ видѣть все это поближе; говорятъ, ничто такъ не заставляетъ забывать опасность, какъ любопытство. Во всякомъ случаѣ, если бы Туркамъ пришла охота

рѣзашься, я могъ бы не подвергаясь опасности смотрѣть на нихъ съ ближней высоты.

Послѣ двухчасовой ѣзды я проѣхалъ долину Прѣсныхъ Водъ, развалины Влахернскаго замка, и чрезъ Эгри-Капысы прибылъ въ самое мѣсто пожара, который тогда подступалъ къ Фатиге-Джамисы, массивной мечети, называемой именемъ Магомета II, »Завоевателя.« На дворѣ мечети стоялъ старый Сераскиръ Хозрефъ-паша въ кругу всѣхъ Министровъ, вельможъ и многочисленной свиты офицеровъ; всѣ они суетились, всѣ распоряжались работами. Уже нѣсколько домовъ было сломано, для открытія свободнаго пространства, въ коемъ была бы возможность унять силу огня. Но ближняя улица съ двухъ сторонъ горѣла; по ней пламя лилось рѣкою, и самые смѣлые Тулумбаджи (пожарная команда) отказывались дѣйствовать. Болѣе пятисотъ домовъ уже сдѣлались жертвою пламени, и еще столько же горѣло вмѣстѣ; цѣлый кварталъ какъ костеръ былъ обхваченъ съ трехъ сторонъ огнемъ.

Здѣсь произошли въ моихъ глазахъ сцены, придавшія новый ужасъ этой картинѣ. Къ Сераскиру привели трехъ человѣкъ пойманныхъ въ

зажигательствѣ. Подожгли ли они до разсвѣта, или пользуясь случаемъ пожара, и желая болѣе его распространить къ центру города, поджигали въ другомъ мѣстѣ — я ничего не могъ понять въ краткомъ допросѣ, который самъ Сераскиръ дѣлалъ. На нихъ были найдены горючія вещества, и употребляемые Стамбульскими зажигателями пакеты съ фитилемъ, которые бросаются во внутренность пустыхъ покоевъ для зажигательства. Они съ связанными руками и ногами лежали предъ Сераскиромъ, и съ ревомъ отчаянія проспли пощады, увѣряя въ своей невинности. Знакомый Турецкій офицеръ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: знаю ли я что съ ними будетъ? — Догадываюсь, отвѣчалъ я ему, судя по хладнокровію Сераскира и по его пріемамъ. — А знаете ли въ чемъ ихъ вина? — Вѣроятно въ зажигательствѣ.—А можетъ быть, шепнулъ онъ мнѣ на ухо, нужно бросить въ огонь двухъ трехъ невинныхъ рабовъ божіихъ, чтобы навести страхъ на другихъ охотниковъ къ зажигательству, и сдѣлать удовлетвореніе жителямъ квартала, остающимся безъ пріюта. Вѣдь его Благополучіе, Сераскиръ-паша, умнѣйшій человѣкъ! — Я часто слышалъ подобныя

черты Турецкаго правосудія, и Сераскиръ нѣсколько разъ уже имѣлъ случай выказывать самыми зашѣйливыми мѣрами всю тонкость своего государственнаго ума; но меня привела въ содроганіе мысль, что жертвами его политики, можетъ статься, въ самомъ дѣлѣ были люди невинные.

Между тѣмъ Сераскиръ посылалъ во всѣ стороны адъютантовъ съ приказаніями, и видя, что толпа народа кругомъ возрастала, велѣлъ своимъ чаушамъ разогнать ее палками, и привести на всякій случай два баталіона регулярнаго войска. Потомъ, какъ бы внимая жалобнымъ воплямъ обвиненныхъ, приказалъ разорвать на нихъ рукава, чтобы посмотрѣть были ли на ихъ рукахъ знаки Янычарскихъ *орта*. Роковые знаки были найдены на двухъ изъ нихъ; Сераскиръ спалъ имъ дѣлать каламбуры, изъ которыхъ я понялъ только, что имъ вѣроятно было холодно съ того времени какъ не стало *оджака*, и они среди лѣта вздумали грѣться у пожарища. — »Погрѣю же я васъ, мои пріятели.« Безжалостная острота Сераскира основывалась на томъ, что оджакъ по-турецки значитъ очагъ или каминъ, и этимъ име-

немъ называли также Янычары свою общину, свой союзъ. Дѣти Хаджи Бекташа поняли, что судьба ихъ рѣшена; несчастіе возвратило имъ гордость и твердость Янычарскую; вмѣсто вопля и жалобъ они начали изрыгать проклятія на Сераскира и на Султана, и съ фанатизмомъ призывать имя Аллаха и его Пророка. — »Въ огонь ихъ!« закричалъ Хозрефъ, и чрезъ минуту несчастные крѣпко связанные были отведены къ дому, который еще горѣлъ, и брошены въ пламя. Послѣдніе ихъ крики не дошли до насъ, среди треска распадавшихся зданій, шипѣнія пламени и вѣтра. Третьяго Сераскиръ велѣлъ отвести въ тюрьму, и пыткою выѣдать, не было ли сообщниковъ въ зажигательствѣ. Извѣстно что въ Константинополѣ иногда открываются цѣлыя шайки этихъ злодѣевъ; они служатъ органами для выраженія неудовольствія народа или какой-нибудь партіи, и фанатизмъ ихъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Были примѣры, что многіе изъ нихъ, преслѣдуемые полиціею, бросались сами въ пламя произведеннаго ими пожара. Открывались и другаго рода злодѣянія: иногда пожарная команда участвуетъ въ заговорѣ, и мнѣ ска-

зывали, что не одинъ разъ вмѣсто воды изъ пожарныхъ трубъ льется масло и другія горючія жидкости. Это весьма обыкновенно, когда пожаръ служитъ выраженіемъ нѣмой злобы народа на правительство, на министровъ, его негодованія на внутреннюю или внѣшнюю политику Дивана. Во время Наполеонова похода въ Египетъ, когда Селимъ не хотѣлъ объявить войну Франціи, три ночи сряду были въ Константинополѣ большіе пожары; народъ опасался, чтобы священные города Мекка и Медина не подпали власти невѣрныхъ, и досадовалъ на Селима, который не ополчался за вѣру. Извѣстно, что женщина изъ простаго народа, встрѣтивъ Селима на улицѣ послѣ втораго пожара, и узнавши его несмотря на Султанское инкогнито, *теттиль*, закричала — »Чего ты ждешь Падишахъ, и не велишь рѣзать невѣрныхъ; или ты хочешь, чтобы мы всѣ сгорѣли?—Это открыло глаза Селиму, и показало ему причину пожаровъ. На другой же день Верховный Визирь Иззетъ-Мехмедъ-паша, который не хотѣлъ согласиться на войну съ Франціею и на союзъ предлагаемый Англіею, былъ смѣненъ, равно какъ и Муфти, который не да-

валъ одобрительной фетвы на открытіе войны; а безъ духовнаго одобренія этаго главы законниковъ ни война ни миръ не могутъ казаться законными въ глазахъ правовѣрныхъ. Былъ назначенъ другой Муфти, съ тѣмъ условіемъ, чтобы первая его фетва объявляла Французовъ врагами Исламизма, и тогда уже принялъ Селимъ противу нихъ самыя рѣшительныя мѣры. Ихъ повѣренный въ дѣлахъ республиканецъ Руфенъ отведенъ въ Семибашенный Замокъ; болѣе тысячи Французовъ жившихъ въ Перѣ посажены въ Адмиралтейскій острогъ и въ Босфорскія крѣпости на четыре года, и это все отъ пожаровъ и отъ смѣлости Турчанки.

Паденіе Селима, возшествіе Махмуда, истребленіе Янычаръ — всѣ великія событія Турціи постоянно сопровождались пожарами, какъ всѣ праздники фейерверками, и хронологія Константинопольскихъ пожаровъ можетъ служить указателемъ политической исторіи Оттоманской державы, и термометромъ народнаго духа во всѣ царствованія. Одинъ Французскій писатель замѣчаетъ, что вѣроятно отъ Турокъ переняли его соотечественники метафору, называть возмутительныя рѣчи своихъ демагоговъ *зажига-*

тельными (discours incendiaires); но Турки понимаютъ дѣло въ буквальномъ смыслѣ, безъ метафоръ; рѣчей не говорятъ и не любятъ слушать, а просто зажигаютъ пожары въ знакъ неудовольствія и бунта. Въ нынѣшнюю эпоху Стамбула, когда рѣшалась борьба Султана съ Египетскимъ Пашею, когда потрясенная его держава была поддержана великодушнымъ заступничествомъ державы Христіанской, бѣдные жители столицы были обречены нѣсколькимъ послѣдовательнымъ иллюминаціямъ. Видѣнный мною пожаръ, былъ первымъ изъ четырехъ большихъ пожаровъ, истребившихъ въ 1833 году до 12,000 домовъ.

Первый взглядъ на столицу Султана убѣдитъ васъ въ томъ, что нѣтъ города, представляющаго болѣе раздолья, болѣе пищи пламени. Вообразите себѣ треугольникъ имѣющій до тридцати верстъ въ окружности, и биткомъ набитый деревянными домами въ два и три этажа, безъ дворовъ, безъ всякихъ промежутковъ, кромѣ кривыхъ улицъ, изъ коихъ многія такъ узки, что нѣтъ прохода, если идетъ вамъ на встрѣчу мулъ съ вьюкомъ капусты. Большой площади другой нѣтъ кромѣ Атмей-

дана; кругомъ мечетей оставлены только тѣсные дворы для немногихъ кипарисовъ, для гробницъ, для фонтановъ; каменныхъ зданій почти нѣтъ другихъ кромѣ мечетей, бань и базаровъ; а дома всѣ обшиты досками и выкрашены масленою краскою, какъ будто для того, чтобы удобнѣе могли горѣть. Вспомните, что при пожарѣ деревяннаго зданія раскаленные гвозди и иногда горящіе брусья летятъ далекими дугами на кровли другихъ домовъ, гдѣ выстроены деревянныя террасы и бесѣдки, чтобы женщины могли по вечерамъ дышать свободнымъ воздухомъ и сплетничать съ сосѣдками, или пускаться въ ночныя приключенія по кровлямъ и по чердакамъ; прибавьте къ этому, что для Константинопольскаго жителя верхъ удовольствія — засыпать ввечеру съ трубкою, а для дамъ и для мужчинъ лучшее препровожденіе времени — сидѣть кругомъ деревяннаго столика покрытаго одѣяломъ, грѣть ноги у жаровни подъ одѣяломъ, даже иногда въ пододѣяльныхъ шалостяхъ опрокидывать жаровню съ углями, и вкушать всю поэзію *тандура* (*) — вы удивитесь развѣ

(*) Тандуромъ называется столикъ со всѣмъ этимъ приборомъ.

тому, что въ Стамбулѣ иногда встрѣчаются домы существующіе тридцать или сорокъ лѣтъ. Этими только обстоятельствами можетъ объясниться то, что Европейскіе прожекторы, старающіеся въ послѣдніе годы просвѣтить Турцію и набить свои карманы введеніемъ всѣхъ возможныхъ проектовъ, не думаютъ объ основаніи страховаго отъ огня общества. По статистическимъ выкладкамъ ежегодныхъ пожаровъ, страховому обществу пришлось бы по крайней мѣрѣ каждые сорокъ лѣтъ платить цѣнность всѣхъ домовъ Константинополя, не считая чрезвычайныхъ платежей при всякомъ бунтѣ, при всякомъ капризѣ правовѣрнаго народа.

Впрочемъ не всѣ пожары въ Константинополѣ бываютъ слѣдствіемъ политики, или случайной неосторожности; иногда зажигаетъ ихъ частная месть: рабъ озлобленный на своего господина, жена мучимая ревностію; часто пламя пожара истребляетъ слѣды другаго преступленія. Невольники Арапы особенно славятся склонностію къ зажигательству; они сами дѣлаются жертвою пламени, чтобы только погубить ненавистнаго господина. Во время Греческой войны бригъ Идріотскаго капитана Цамадо возвращался въ

гавань съ богатымъ призомъ и съ Египтянами военнопленными. Между плѣнниками былъ старый Негръ, котораго Капитанъ выбралъ своимъ поваромъ. Однажды Капитанъ наказалъ его за неисправность; нѣсколько часовъ спустя бригъ взлетѣлъ на воздухъ съ двумя спами моряковъ и плѣнныхъ; одинъ только Идріотъ чудесно спасся, выброшенный на далекое разстояніе въ море вмѣстѣ съ койкою въ которой онъ спалъ. Возвратясь на свой островъ, онъ имѣлъ неосторожность разсказать родственникамъ погибшихъ моряковъ, что не могло быть другой причины этаго несчастія, кромѣ Негра, который вѣроятно спустился въ крюшкамару, когда всѣ спали и взорвалъ бригъ въ отомщеніе за побои. Это подало поводъ къ новому злодѣянію: озлобленная чернь бросилась на плѣнныхъ Турокъ, которые спокойно жили на островѣ, и пока успѣли примашы унять ея буйство, многіе Турки были приведены на взморье и безчеловѣчно зарѣзаны. Примашы поспѣшили потомъ освободить безъ выкупа всѣхъ своихъ плѣнныхъ, чтобы подобныя пятна не омрачили вновь народной войны ихъ отечества.

Кромѣ Араповъ поджигателей мы должны упомянуть о поджигателяхъ совершенно другаго рода. Кто бы повѣрилъ, что въ наше время существуютъ алхимики между другими почтенными сословіями Константинополя? Лишь пятнадцать лѣтъ назадъ въ Терапіи сдѣлался ужасный пожаръ отъ опытовъ алкимика надъ составленіемъ золота. Онъ былъ домашнимъ учителемъ въ богатомъ Греческомъ семействѣ, и производилъ свои опыты тайкомъ, ночью, вѣроятно опасаясь, чтобы правительство, узнавъ о цѣли его трудовъ, не приказало ему поспѣшить открытіемъ, или готовиться быть посаженнымъ на колъ. Спавня была оторвана вѣтромъ, и въ нѣсколько минутъ пламя разлилось по всему этажу. Дѣти, мать и отецъ спали въ третьемъ этажѣ; съ набережной народъ видѣлъ, что мать выбросила изъ окна нѣсколько тюфяковъ, и готовилась бросить на нихъ своего ребенка, потому что другаго средства къ спасенію не оставалось; но она испугалась высоты и закрыла окно. Среди пепелища нашли потомъ группу скелетовъ цѣлаго семейства, и дѣтей въ костяныхъ объятіяхъ отца и матери.

Послѣ подобныхъ несчастій естественнымъ

образомъ представляется вопросъ: отчего жители Константинополя не строятъ каменныхъ домовъ. — На это есть много причинъ, а главная та, что въ Турціи ничего нѣтъ труднѣе какъ отступить отъ дѣдовскаго обычая. Здѣсь боятся землетрясеній, хотя теперь землетрясенія весьма рѣдки и слабы; эта боязнь основана кажется на преданіи о древнихъ землетрясеніяхъ Константинополя, весьма частыхъ и гибельныхъ, особенно при первыхъ Императорахъ (*). Стѣны каменнаго зданія должны быть толсты, а въ этой тѣсности каменной домъ покажется тюрьмою людямъ привыкшимъ жить въ домахъ какъ въ клѣткахъ, продуваемыхъ со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, нѣсколько разъ вольнодумцы отступали отъ дѣдовскаго обычая и отъ воли Аллаха, и строили каменные домы; но едва зданія были окончены — какъ разъ подоспѣли сильные удары землетрясеній, и вольнодумцы были погребены въ развалинахъ своихъ жилищъ.

(*) Въ царствованіе Юстиніана Великаго были ужаснѣйшія изъ упоминаемыхъ въ Исторіи землетрясеній; множество городовъ погибли съ сотнями тысячъ жителей; въ Константинополѣ сорокъ дней сряду продолжалось сильное землетрясеніе.

Можетъ быть отъ этого и правительство запрещаетъ строить каменные домы, и нужно особенное разрѣшеніе дивана и огромные взносы въ карманъ чиновниковъ имѣющихъ смотрѣніе за зданіями, чтобы выстроить каменный домъ. На это впрочемъ полагаютъ и другую причину: подозрительное правительство опасается, чтобы жители въ случаѣ бунта не могли укрыться въ каменныхъ зданіяхъ какъ въ крѣпостяхъ. Только въ Перѣ, давно заразившейся духомъ гяуровъ, найдете много каменныхъ домовъ; но и это не спасаетъ ея отъ пожаровъ, и въ 1831 году она цѣликомъ сгорѣла. Извѣстно, что въ тогдашній пожаръ Англійскій Посолъ жаловался Сераскиру на оплошность начальника губштвахты, который не довольно усердно повелъ свою команду на пожаръ. На другой день первый предметъ, поразившій взоры Посла, когда онъ отпкрылъ окно своей спальни, былъ обезглавленный трупъ несчастнаго офицера, котораго вся вина состояла въ природной Турецкой лѣни или въ лишнемъ пріемѣ опіума. Посолъ опять жаловался на это варварство, и Сераскиръ уже не зналъ что сказать, и куда дѣваться отъ капризовъ гяура, которому

онъ этимъ сюрпризомъ надѣялся доставить большое удовольствіе.

Въ нѣкоторыхъ домахъ Стамбула построены небольшія каменныя отдѣленія съ весьма толстыми стѣнами, съ куполомъ, съ однимъ узкимъ желѣзнымъ окномъ и съ желѣзною дверью. Это *гіавгиры*; — они служатъ кладовыми; въ нихъ хранятся домашнія драгоцѣнности; въ случаѣ пожара окно и дверь застроиваются стѣною, и такимъ образомъ герметически закрытыя, они могутъ уцѣлѣть, когда все кругомъ сгоритъ. Гіавгиръ потомъ торчитъ одинокій среди кучь золы, какъ гробъ, съ зарытымъ въ немъ кладомъ. Послѣ пожаровъ нужны большія предосторожности для открытія гіавгировъ; имъ даютъ простыть нѣсколько недѣль, ихъ обливаютъ даже водою, или ждутъ дождей. Были случаи, что поспѣшность хозяина открыть ихъ, когда воздухъ внутри былъ еще раскаленъ, причиняла новый пожаръ отъ притока внѣшняго воздуха. Если даже во время пожара изъ щели проникъ огонь во внутренность зданія, все въ немъ истлѣло́, безъ пламени и безъ дыма. Можно себѣ вообразить положеніе несчастныхъ хозяевъ, когда они потерявши домъ, должны еще

цѣлый мѣсяцъ ждать, чтобы удостовѣриться, спасены ли богатства вверенныя гіавгиру, или отъ нихъ остался одинъ пепелъ. Многіе сходили съ ума въ этомъ ожиданіи.

Жюшеро де Сенъ-Денисъ замѣчаетъ, что въ большіе пожары, бывшіе въ Константинополѣ по случаю возшествія на престолъ Султана Махмуда, весь городъ неминуемо сгорѣлъ бы, если бы стремленіе пламени не было остановлено каменными массами мечетей и публичныхъ бань. Въ самомъ дѣлѣ безъ этихъ преградъ, къ коимъ еще можно прибавить водопроводъ Валента, находящійся среди города, Константинополь въ большіе пожары, особенно въ сухое лѣто, при свѣжемъ періодическомъ вѣтрѣ, представилъ бы видъ пространнаго костра. Но мечети и бани имѣютъ ту невыгоду въ пожары, что свинецъ, которымъ покрыты ихъ куполы, растапливается отъ пламени, и льется по улицамъ струями лавы. Должно было надѣяться, что наконецъ обратятъ вниманіе на этотъ предметъ, и въ числѣ прочихъ преобразованій будутъ преобразованы и свинцовые куполы; но еще недавно былъ напечатанъ въ Оттоманскомъ Монитерѣ новый фирманъ, опредѣляющій ко-

личество свинца, нужное на эпопъ предмепъ.

Мы еще не говорили о средствахъ предоспорожности отъ пожаровъ, и о томъ какъ Турки имѣютъ обыкновеніе ихъ тушить, если захопятъ.

Есть въ Галатѣ и въ Константинополѣ башни, съ коихъ ночью спорожа наблюдаютъ за пожарами. Эти спорожа, обыкновенно музыканты, *мехтеръ*, состоятъ подъ начальствомъ Оберъ-музыканта Оттоманской Имперіи, Мехтеръ-баши, имѣютъ у себя огромные Турецкіе барабаны, и какъ только завидятъ пламя, бьютъ шревогу и будятъ весь кварпалъ. По всѣмъ кварпаламъ ходятъ ночью спорожа *бехти*, въ родѣ Нѣмецкихъ нахтвехтеровъ, но вмѣсто Германской народной пѣсни, они только стучатъ по мостовой палкою оправленною въ желѣзо. Первый, который услышитъ бой барабана, кричитъ во все горло, обходя свой кварпалъ, *Стамбулда-янгынъ-варъ*, въ Стамбулѣ пожаръ! если горитъ въ самомъ Стамбулѣ, или *Галата-да-янгынъ-варъ* — если въ Галатѣ. Бехти ближняго кварпала дѣлаетъ тоже, какъ только до него дойдетъ голосъ товарища, и роко-

вая вѣсть въ самомъ скоромъ времени обходитъ и будитъ весь городъ, иногда даже и сосѣдей того дома, гдѣ занялся пожаръ. Всѣ министры, кромѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Кеая-бея, должны немедленно явишься на пожаръ; работами распоряжается Визирь или даже самъ Султанъ, потому что пожаръ здѣсь дѣло государственное. Каждый кварталъ имѣетъ своихъ водоносовъ, *сакка*, которые снабжаютъ жителей водою изъ публичныхъ фонтановъ въ продолговатыхъ кожаныхъ мѣхахъ. Всѣ они подъ смертною казнію должны прибѣжать на пожаръ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ города есть также пожарные депо, нѣсколько ручныхъ помпъ, потому что лошади и колеса не могутъ служить въ Стамбульскихъ улицахъ. *Тулумбаджи*, солдаты пожарной команды, узнаются по своимъ желѣзнымъ шапкамъ, хотя нельзя понять зачѣмъ металлическая шапка на головѣ человѣка, подверженнаго дѣйствію пламени. Начальникъ ихъ, Тулумбаджи-баши, носитъ шапку серебряную. Первоначальнымъ образованіемъ этой команды Стамбулъ обязанъ одному Французскому ренегату, а поводомъ къ тому были частые пожары въ царствованіе Ахме-

та III. (1703—1730 г.) При всѣхъ корпусахъ прежней военной системы Турціи состояли роты пожарной команды; лучшая изъ нихъ была Яныčарская. Махмудъ видя, что правовѣрные охотнѣе поджигали столицу чѣмъ тушили пожары, ввѣрилъ эту службу Армянамъ, самымъ неповоротливымъ изъ всѣхъ жителей Стамбула; много несчастныхъ случаевъ было отъ неопытности новой команды, но уже случилось столько большихъ пожаровъ въ послѣднее десятилѣтіе, что она успѣла усовершенствоваться.

Ничего нѣтъ ужаснѣе зрѣлища представляемаго Стамбуломъ въ пожары; барабаны шумятъ на башняхъ; бехчи стучатъ по мостовой и кричатъ гробовымъ голосомъ; пожарная команда съ ревомъ бѣжитъ и давитъ народъ на улицахъ; у окопъ показываются испуганныя головы женщинъ въ ночномъ безпорядкѣ; дѣти рыдаютъ; хозяева зовутъ носильщиковъ и сыплютъ имъ золото, чтобы спасти свои пожитки. Этимъ открывается драма Стамбульскаго пожара; подобныхъ явленій случилось мнѣ видѣть множество, въ разныя эпохи. Если смотрите сдалека на пожаръ, расположеніе города на холмахъ и на берегу моря

дѣлаетъ его чрезвычайно живописнымъ; воображеніе забудетъ ужасъ наводимый этимъ зрѣлищемъ и поражается его великолѣпіемъ и необъятностію. Не помню въ которомъ году горѣлъ кварталъ, въ которомъ продается деревянное масло; это было ночью; воздухъ и море были облиты огнемъ; врядъ ли можетъ быть великолѣпнѣе зрѣлище огнедышущей горы.

Пожаръ у Магометовой мечети не имѣлъ ничего живописнаго, но онъ изобиловалъ весьма любопытными эпизодами. Я любовался нѣсколько времени хладнокровіемъ Сераскира во всѣхъ его распоряженіяхъ, послѣ всесожженія двухъ Янычаръ; потомъ любопытство завлекло меня въ другую сторону, гдѣ ширина улицы позволяла помпамъ дѣйствовать съ бо́льшимъ успѣхомъ. Домы опустѣли; семейства бѣжали въ другіе кварталы, и Турчанки пользовались случаемъ выходить изъ своихъ гаремовъ въ утреннемъ нарядѣ, въ большемъ безпорядкѣ, безъ покрывалъ, съ плащами надѣтыми на изнанку. Во всей этой сумятохѣ не было большаго страха; мнѣ представилось болѣе забавныхъ картинъ нежели ужасныхъ, и по всему было замѣтно, что для Турчанокъ пожаръ — самое обыкновен-

ное происшествіе. Я охотно вѣрю, что многія изъ нихъ даже радовались случаю провесши нѣсколько дней на волѣ, покуда мужья найдутъ новое пристанище и новую тюрьму. Опытъ научилъ жителей этаго города сохранять свое мусульманское хладнокровіе въ пожары, и спасать свои пожитки. Притомъ Турки обыкновенно живутъ въ своихъ домахъ какъ на постоялыхъ дворахъ; мебели другой не нужно кромѣ диванovъ; и самые диваны не мебель, а тюфяки постланные по низенькой досчатой эстрадѣ кругомъ покоя; платье всегда уложено въ легкихъ коженыхъ сундукахъ, въ родѣ нашихъ чемодановъ; картины, зеркала, книги, всякаго рода вещи, чѣмъ Европеецъ уставляетъ свой домъ, будто магазинъ — ничего этаго не увидите въ Турецкомъ домѣ. Я встрѣтилъ почтенныхъ эфендіевъ, которые съ двумя чубуками въ рукахъ, съ кисетомъ привязаннымъ къ поясу, слѣдовали за носильщикомъ, на плечахъ котораго были всѣ ихъ богатства, отъ праздничной чалмы до стараго тюфяка.

Въ сторонѣ отъ пестрой процессіи эфендіевъ, Турчанокъ и носильщиковъ, я видѣлъ группу составленную изъ нѣсколькихъ пожи-

лыхъ Османлы и урядниковъ пожарной команды. Группа эта была крайне одушевлена разговоромъ въ полголоса, спорила, суетилась и глазѣла на пламя, съ судорожнымъ вниманіемъ слѣдя его успѣхи. Я подошелъ и подслушалъ странный разговоръ: это были хозяева домовъ, которые умоляли урядниковъ спасти ихъ домы отъ пламени, и предлагали имъ награду за труды и опасности. Тулумбаджи, оправляя свой обгорѣлый усъ, съ Армянскимъ хладнокровіемъ говорилъ имъ *олмазъ*, невозможно! Тутъ пошли торги; Турки переговорили между собою, и предложили командѣ *сорокъ мышковъ*, т. е. двадцать тысячь піастровъ, а тулумбаджи повторялъ имъ свое роковое *олмазъ*. Я не могъ слѣдовать за всѣми операціями этой пожарной биржи; положеніе хозяевъ возбудило во мнѣ самую глубокую жалость. Все дѣлалось на наличныя деньги; въ подобную минуту нѣтъ никому кредита; казалось, чѣмъ ближе подступало пламя къ домамъ, тѣмъ болѣе возвышались требованія команды, и было видно, что тѣ, которые работали у помпъ, по инстинкту понимали ходъ торговъ ихъ товарищей, и дѣйствовали вяло. Наконецъ хозяева, видя что

струя пламени захватывала карнизы домовъ, согласились на всѣ требованія Тулумбаджи; принесли мѣшокъ; высыпали въ него изъ своихъ кармановъ нѣсколько горстей золота, и отошли въ сторону, ждать исполненія судебъ. Тогда дѣло приняло другой оборотъ: Тулумбаджи выказали все свое искусство. Пять или шесть человѣкъ съ крюками и топорами бросились на послѣдній домъ объятый пламенемъ; товарищи между тѣмъ навели на нихъ помпы и обливали ихъ постоянным дождемъ. Другіе были заняты сшиваніемъ множества старыхъ ковровъ, изъ которыхъ приготовили огромный занавѣсъ, или щитъ. Въ нѣсколько минутъ горѣвшій домъ былъ растасканъ, и всѣ усилія обратились тогда на пустое пространство, имъ оставленное, чтобы тушъ переселить пламя. Занавѣсъ изъ ковровъ покрылъ бокъ ближняго дома, который начиналъ уже трещать отъ дѣйствія жара. Часть помпъ немедленно обратилась на коверъ, и продолжала его обливать; среди брызговъ воды отъ него выходили облака паровъ. Остальныя помпы были наведены на самое пламя; дуги пламени по направленію вѣтра встрѣчались высоко на воздухѣ съ дугами воды, и ихъ

борьба представляла что-то фантастическое, напоминающее драконовъ и чудовищъ восточныхъ сказокъ.

Около четверти часа продолжались упорныя усилія Тулумбаджи, доколѣ они пріостановили дальнѣйшіе успѣхи пламени съ той стороны, которая наиболѣе подвергалась опасности, находясь подъ вѣтромъ. Когда свалились послѣднія стѣны горѣвшихъ домовъ, нашимъ взорамъ открылось обширное пространство, по которому еще дымились и горѣли кое-гдѣ обломки домовъ, среди кучь золы и угля. Еще около часа работали помпы, и обливали все это мѣсто для предохраненія окружныхъ домовъ отъ новаго пожара, могущаго произойти при первомъ дуновеніи вѣтра отъ горѣвшихъ бревенъ. Всего сгорѣло въ продолженіе трехчасоваго пожара безъ сильнаго вѣтра, около тысячи двухсотъ домовъ, и кромѣ весьма немногихъ каменныхъ фундаментовъ, отъ цѣлаго квартала никакихъ слѣдовъ не осталось. Впрочемъ эта нагота пожарнаго пепелища не наводитъ того суроваго впечатлѣнія, которое окружаетъ погорѣлые кварталы въ нашихъ городахъ; по крайней мѣрѣ здѣсь не торчатъ черныя развалины

стѣнъ, одинокихъ и одичалыхъ среди многолюднаго города.

Спертый воздухъ былъ раскаленъ отъ золы, отъ каменной массы мечети, разогрѣтой пожаромъ, и отъ лучей солнца, которое поднималось къ зениту. Я выѣхалъ изъ ближнихъ крѣпостныхъ воротъ, Эгри-капысы, на кладбище, гдѣ искали пріюта среди гробовъ семействъ оставленныя безъ другаго пріюта. Изъ ковровъ, изъ платковъ, изъ спараго платья, развѣшеннаго между деревьями, сдѣлали кое-какъ палатки, и нѣсколько сотъ семей расположились лагеремъ, прося у усопшихъ гостепріимства, въ ожиданіи чтобы родственники, живущіе въ другихъ кварталахъ, пришли предложить имъ гостепріимство у себя. Въ Константинополѣ нѣтъ ни подписокъ въ пользу погорѣвшихъ, ни баловъ, ни концертовъ филантропическихъ.

Моимъ глазамъ открылась галлерея самыхъ оригинальныхъ картинъ. Кладбище представляло какую-то смѣсь цыганскаго табора съ ярморкою. Здѣсь Турчанка въ покрывалахъ, съ люлькою и съ грудным ребенкомъ; тамъ мастеровой съ неполнымъ комплектомъ своихъ

инспрументовъ; далѣе Турецкій кіашибъ (писецъ или секретарь) вооруженный мѣдною чернилицею, которая продѣвается въ поясъ, точно кинжалъ. *Леблебиджи, мухалебиджи, секерджи, халваджи* — всѣ эти продавцы разныхъ сластей, составляющіе кочевое народонаселеніе Стамбульскихъ кварталовъ, бродили здѣсь среди погорѣлыхъ, или сами можетъ быть были выгнаны пожаромъ изъ своего квартала, и расположились на кладбищѣ со всею своею промышленностію — съ огромнымъ подносомъ на головѣ, и продолжали по прежнему манить мальчишекъ сладкимъ товаромъ. Все это шумѣло, суетилось; а въ сторонѣ нѣсколько Турокъ важной наружности, пожилыхъ лѣтъ, въ старинномъ платьѣ, довершали странный эффектъ картины, представляя своимъ неизмѣннымъ спокойствіемъ самую разительную противуположность съ суетящеюся толпою народа. Это были истинные Турецкіе Философы, твердые стоики, точно такіе и послѣ пожара, какими видалъ я ихъ въ кофейныхъ домахъ, и также занятые лучшимъ въ мірѣ другомъ — вѣрною трубкою. Они, спасаясь отъ пожара, вѣроятно успѣли закурить трубку у пламени соб-

спвеннаго дома, предоставляя остальное Аллаху и его Пророку.

Я подъѣхалъ къ тому изъ нихъ, котораго спокойное равнодушіе наиболѣе подстрекнуло мое любопытство.

— Вашъ домъ сгорѣлъ достопочтенный эфенди, сказалъ я ему съ учтивымъ привѣтствіемъ.

— Керимъ-Аллахъ, Богъ милосердъ, отвѣчалъ онъ пуская изъ ноздрей струи дыма.

— Видно въ *кысметѣ*, въ предопредѣленіи, такъ стояло.

Одна только эта утѣшительная фраза не оскорбитъ правовѣрнаго слуха въ подобныхъ обстоятельствахъ. Мой Турокъ былъ доволенъ, и пригласилъ меня сѣсть на коврѣ и раздѣлить съ нимъ удовольствіе трубки табаку, котораго благовонный дымъ заставлялъ его забывать весь дымъ пожара. Кругомъ насъ разыгралось на солнцѣ цѣлое облако изъ нашихъ трубокъ, а облако пожарное уже катилось по далекому небу.

Изъ немногихъ словъ, добытыхъ мною у философа, я узналъ только то, что скромный домикъ, сгорѣвшій по волѣ Аллаха и кысмета, составлялъ все его состояніе. Ближняя мечеть уже

лѣтъ двадцать его кормила; родныхъ у него не было послѣ чумы 1812 года, и потому мечеть была наслѣдницею дома, записаннаго въ ея вакуфахъ. Онъ надѣялся что мечеть дастъ ему средства вновь выстроить домъ, и позволитъ ему въ немъ окончить свои дни, и будетъ его кормить по прежнему. Въ самомъ дѣлѣ ему не о чемъ было тужить и безпокоиться; теперь когда у него ничего сгараемаго не оставалось, пускай себѣ горитъ весь міръ, если это такъ стоитъ въ кысметѣ, а онъ подобно Люцеру могъ говорить: ничего не боюсь, потому что ничего у меня нѣтъ, nihil timeo, quia nihil habeo. Онъ не зналъ латинской поговорки, и потому довольствовался своею правовѣрною поговоркою: *Аллахъ-верды, Аллахъ-алды*, Богъ далъ, Богъ отнялъ.

Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ афоризмовъ о неизбѣжности того, что предвѣчно написано въ скрижаляхъ судебъ, афоризмовъ составляющихъ и теперь какъ и въ древности основаніе Восточной премудрости, послѣ нѣсколькихъ насмѣшекъ надъ усиліями человѣка, надъ изобрѣтеніемъ пожарныхъ трубъ и другихъ средствъ, которыя въ глазахъ фанатика, вос-

палевнаго видомъ пожара, казались тяжкими грѣхами, потому что они служили только оружіями для борьбы съ всесильною судьбою, я распростился съ Философомъ Эгри-капыйскаго кладбища и поскакалъ въ Стамбулъ.

Недѣлю спустя мнѣ случилось ѣхать чрезъ погорѣвшій кварталъ; мѣстами лежали еще груды развалинъ и золы, но уже начинались постройки, и вообще каждаго дома мѣсто было обведено заборомъ. Я увѣренъ что два мѣсяца спустя никакихъ слѣдовъ не оставалось, и что старый кварталъ былъ только обновленъ, будто волшебствомъ. Эта легкость, эта скорость, въ такой флегматической странѣ какова Турція, всякаго удивитъ. Люди привыкшіе къ пожарамъ по неволѣ пріучились строиться съ большою скоростію. За то и способъ строенія Константинопольскихъ домовъ весьма любопытенъ: когда по четыремъ угламъ поставятъ вертикально на фундаментъ брусья весьма умѣренной толщины во всю высоту дома, и обозначатъ рамами двери и окна — наводится по всему остальному пространству весьма рѣдкая канва изъ старыхъ брусковъ, надъ нею обшивка изъ тоненькихъ дощечекъ, промежутки кан-

вы набиваются цементомъ, составленнымъ нерѣдко изъ золы сгорѣвшаго зданія съ известкою, съ пескомъ, съ толченымъ кирпичемъ, къ коимъ для большей крѣпости прибавляютъ иногда значительное количество соломы или пачесей отъ льна и пеньки, снаружи наводится штукатурка — и домъ въ три этажа почти готовъ, и вы его не узнаете, когда чистая маслеиная краска покроетъ его тою чудесною свѣжестію, которая плѣняетъ взоры въ Турецкой архитектурѣ. И не думайте чтобы только бѣдныхъ людей домы были выстроены такимъ образомъ. Великолѣпныя зданія Босфорской набереж-ной, обширныя казармы регулярныхъ войскъ, даже султанскіе дворцы, съ своею ослѣпительною позолотою, строятся точно также, будто на одно лѣто. За то и житель этого благословеннаго климата всю зиму зябнетъ въ своемъ углу, продуваемый со всѣхъ сторонъ сквознымъ вѣтромъ, и дома всегда окутанъ двумя или тремя шубами, и ложась спать почти не раздѣвается. Есть даже домы въ три этажа, между коими можно имѣть непосредственныя сношенія сквозь щели половъ и потолковъ. Но здѣсь никогда почти два семейства

не живутъ въ одномъ домѣ; каждый строитъ домъ для себя, и здѣшніе нравы не позволяютъ давать въ своемъ домѣ кварширы въ наймы. Не знаю какова была архитектура частныхъ домовъ въ Константинополѣ при Императорахъ; но кажется что въ этомъ городѣ домы никогда не отличались прочностію постройки. Извѣстно, что всѣ зданія, воздвигнутыя Константиномъ при перенесеніи сюда столицы, чрезъ нѣсколько времени распались, потому что поспѣшность построекъ дѣлала ихъ весьма непрочными. Поспѣшность и легкость постройки остались до нашего времени характеристическою чертою города Святаго Константина.

Константинопольскіе домы обходятся не дорого. Обширные лѣса Черноморскихъ береговъ постоянно снабжаютъ столицу прекраснымъ строевымъ лѣсомъ, и Турки увѣрены, что эти лѣса никогда не истощатся, хотя бы Стамбулъ горѣлъ каждый годъ. Лѣса составляютъ казенную собственность; но при финансовой безпечности правительства, можно сказать, что они не составляютъ ни чьей собственности, подобно дикимъ лѣсамъ новаго свѣта. Жители поселенные въ сосѣдствѣ лѣсовъ промышляютъ

единственно ихъ рубкою, каждый по своему выбору и произволу. Они рубятъ строевые лѣса, спускаютъ ихъ до морскаго берега, и продаютъ купцамъ, не платя даже никакой пошлины правительству. Легко себѣ представить, какъ безжалостно истребляются превосходные лѣса, коими одарила богатая Малоазійская природа эти берега, предназначенные для великой морской державы. Въ послѣднее время правительство, по случаю оказавшагося недостатка въ лѣсахъ для морскихъ построекъ, обратило наконецъ свое вниманіе на этотъ важный предметъ. Мысль оградить строевые лѣса отъ злоупотребленій вольной рубки принадлежитъ Ахменъ-Пашѣ, который умѣлъ воспользоваться немногими мѣсяцами, проведенными имъ въ Россіи во время своего посольства, и теперь старается ввести въ свое отечество, по мѣрѣ возможности, нѣкоторыя необходимыя преобразованія по части политической экономіи. Искоренить зло запрещеніемъ рубить лѣса было невозможно, потому что многія тысячи бѣдныхъ семей лишились бы единственнаго пропитанія. На сей разъ проектъ представленный Ахметъ-Пашею, и одобренный Султаномъ, состоитъ

съ тѣмъ, чтобы сдѣлать топографическую опись лѣсистыхъ горъ, въ ближнихъ отъ столицы округахъ Хаджи-Эли и Боли, съ указаніемъ мѣстныхъ средствъ для спуска лѣсовъ до морскаго берега, и послать флотскихъ инженеровъ для осмотра лѣсовъ, съ тѣмъ чтобы они выбрали деревья нужныя для Адмиралтейскихъ построекъ, настоящихъ и будущихъ, обозначали бы ихъ особеннымъ клеймомъ, и объявили бы жищелямъ, что всякое заклейменное дерево должно быть неприкосновеннымъ.

При всемъ разстройствѣ своихъ финансовъ Махмудъ славится своею любовью къ постройкамъ, и украсилъ Босфоръ многими дворцами. Казармы, построенныя имъ въ окрестностяхъ Стамбула, производятъ самый живописный эффектъ и по выбору мѣстоположенія, и по легкости и изяществу архитектуры. Историкъ Никитасъ укоряетъ Алексія Комнина за его страсть воздвигать новые дворцы въ ту эпоху когда Имперія отъ ветхости распадалась. Махмудъ силится всему дать у себя новую жизнь, и можетъ быть его постройки оживляютъ духъ унывающаго народа, и окружаютъ новымъ сіяніемъ въ его глазахъ призракъ сул-

танскаго величія. Можетъ быть это заставляло его, въ самыя критическія минуты его царствованія, когда наше войско подступало къ Константинополю, и потомъ когда Египтяне заняли Малую Азію, продолжать по прежнему свои увеселенія, подобно Голкондской царицѣ, которая пляшетъ когда хоръ приноситъ ей самыя печальныя вѣсти, или подобно Наполеону, который въ Москвѣ былъ занятъ составленіемъ театральнаго устава для Парижа.

ГЛАВА VI.

Воспоромахія. — Гора Гиганта. — Турчанки въ каретѣ. — Туалетъ быковъ. — Гробъ Гиганта. — Обсерваторія. — Луна Рамазана и дожди. — Бѣшенный лавръ. — Монастырь неусыпныхъ. — Султанъ въ новомъ Сералѣ. — Новый характеръ столицы. — Пристань быка. — Этимологія Босфора. — Скутари. — Булгурлу. — Востокъ и Западъ. — Халкидонъ. — Іоаннъ Златоустъ.

Случайно нашелъ я въ Константинополѣ у одного букиниста книгу подъ заглавіемъ »Воспоромахія,« поэму, которой содержаніе весьма затѣйливо: въ ней олицетворены Азія и Европа; эти двѣ красавицы поссорились; каждая сидитъ на берегу Босфора и поетъ поочередно свою пѣсню, и выхваляетъ каждая свои красы, почти Омиръ и Гезіодъ на древнихъ играхъ. Въ этой безконечной просопопеѣ соперницы стихотворствуютъ на Греческомъ языкѣ, но плавія дань разноплеменности своихъ береговъ, до того изуродовали этотъ гармоническій языкъ, что ихъ нельзя почти понять безъ помощи Турецкаго и Итальянскаго и еще кое-какихъ словарей. Примѣчанія достойно, что этотъ риѳмо-

ванный гермафродитъ есть плодъ воображенія какого-то »преславнѣйшаго и высокостепеннѣйшаго господина Сеніора Момарша, перваго драгомана Австрійской Миссіи при Высокой Портѣ.« (*). Въ Воспоромахіи есть и Музы и Одалыки, и Аполлонъ и дервиши, и Геликонъ и Сераль, и Данше и Босханджи-Баши, и сколько другихъ чудныхъ сочетаній, и какая смѣсь красокъ, и какіе смѣлые прыжки воображенія! Но при всемъ томъ я не могъ ее предпочесть плавной и гармонической поэмѣ, которую раскрывалъ предо мною Босфоръ; отложивши до другаго времени восьмистопные стихи Сеніора Момарша, я отправился вмѣстѣ съ моими спутниками Англичанами на Гиганшову Гору, и въ другія достопримѣчательныя мѣста Азіятскаго берега Босфора.

Какой путешественникъ не посѣщалъ »Двуглаваго Босфорскаго Великана?« Кто не поднимался на темную его вершину, съ суевѣрнымъ ли благоговѣніемъ дервиша, идущаго туда на поклоненіе, или съ поэтическимъ благоговѣніемъ

(*) Поэма эта сочинена въ XVII столѣтіи, и напечатана въ половинѣ XVIII въ Лейпцигѣ.

къ древности, или съ карандашемъ пейзажиста? Дорога упомительна. Двѣ дороги ведутъ на вершину горы: одна крутая прямо съ морскаго берега; это тропинка для пѣшеходовъ; другая гораздо дальше, чрезъ долину Хункяръ-Скелеси, между Токапомъ и бумажною фабрикою, основанною Селимомъ III. Мы предпочли послѣднюю, потому что по ней можно ѣздить на волахъ въ арабѣ; это болѣе согласовалось съ нашею полуденною лѣнію, и притомъ мы хотѣли послѣ верховой ѣзды на турецкихъ седлахъ и ѣзды въ каикахъ, испытать и ѣзду въ Турецкихъ колесницахъ. Послѣдняя хуже всѣхъ. Какъ ни привлекательна для путешественника новость, но сидѣть на жесткомъ и прямомъ деревѣ, на старомъ коврѣ, особенно съ непривычки Турецкаго сидѣнія на полу, и пациться медленнымъ шагомъ по самой дурной дорогѣ, съ опасностію переломать себѣ бока — это навсегда отбило у насъ охоту къ Турецкимъ колесницамъ. Надо впрочемъ отдать справедливость строителю въ томъ, что онъ не пожалѣлъ краски, позолоты и рѣзьбы для щегольскаго своего экипажа. Вообразите себѣ длинную въ четыре слишкомъ аршина сидѣйку,

поставленную безъ всякихъ ухищрений на четырехъ колесахъ, грубыхъ, тяжелыхъ но распещренныхъ самыми яркими красками. Кузовъ ничто иное какъ двѣ продольныя доски, и надъ ними высоко согнутыя въ дугу палки, на которыхъ набрасывается коверъ какъ палатка, для прикрытія отъ солнца. Съ задней стороны спинки нѣтъ; здѣсь привѣшивается деревянная лѣстница, которая служитъ подъемнымъ мостомъ, чтобы взбираться на этотъ кочевой сарай. Козелъ также нѣтъ; возница идетъ пѣшкомъ, и длинною рогатиною погоняетъ быковъ или буйволовъ упряженныхъ въ ярмо, точно такъ какъ въ плугѣ. Не только вся колесница покрыта рѣзьбою и расписана цвѣтами и полосами, красными, желтыми, голубыми, но и самые быки щеголяютъ своимъ турецкимъ уборомъ. Ихъ рога не рѣдко позолочены, какъ на ихъ предкахъ, которыхъ принесли въ гекатомбу Аргонавты на берегу Босфора. На головѣ висятъ у нихъ кисти и всякаго рода побрякушки; на лбу во всю его ширину зеркало съ золоченною каймою. Къ тому же ихъ содержатъ весьма опрятно, потому что они везутъ обыкновенно не какихъ нибудь немыхъ путешествующихъ Франковъ,

по знатныхъ дамъ Стамбульскихъ гаремовъ, которымъ можетъ быть дорогою вздумается посмотрѣться въ рогатый и зеркальный лобъ своихъ буйволовъ. Впрочемъ гораздо чаще гаремныя затворницы путешествуютъ въ окрестностяхъ Стамбула не въ арабахъ но въ *кочи*—экипажахъ аристократическихъ, упряженныхъ парою лошадей, болѣе похожихъ на наши каретны, крытыхъ снаружи краснымъ сукномъ, а внутри убранныхъ зеркалами и позолотою, но безъ рессоръ.

На дорогѣ другаго приключенія мы не имѣли, кромѣ встрѣчи въ самомъ узкомъ мѣстѣ косогора съ другою арабою, въ которой сидѣло многочисленное семейство, возвращавшееся отъ гроба Гиганта. Больное дитя спало на подушкахъ среди женщинъ, измученное отъ дороги; мать держала на рукахъ его блѣдную голову, чтобы не раскачивалась она отъ тряскаго экипажа. Легко можно было угадать, что мать нарочно ѣздила на поклоненіе къ гробу, чтобы вымолить исцѣленіе своего сына. Она безъ сомнѣнія подумала, что и мы предприняли этотъ трудный путь съ вѣрою въ чудодѣйную силу гроба; она бы не повѣрила, что пу-

шешественникъ имѣетъ другую религію, — кочевое и предпріимчивое любопытство, которое заставляетъ его охотно переносить всѣ труды.

Вершина Гигантовой Горы называлась у древнихъ »Геркулесовыми плечами.« Она увѣнчана купою деревъ, среди коихъ укрылся старый заборъ, убогія жилища двухъ дервишей отшельниковъ и Мусульманская часовня. За заборомъ находится одна изъ любопытнѣйшихъ древностей Босфора: ровная терасса на футъ вышиною отъ земли, въ двадцать футъ длиною и въ пять шириною, изъ весьма большихъ каменныхъ плитъ. Народное повѣріе, продлившееся до нашего времени отъ самой глубокой древности, почитаетъ этотъ памятникъ гробомъ. Но чей это гробъ, въ такомъ колоссальномъ размѣрѣ? Не похороненъ ли въ немъ одинъ изъ тѣхъ великановъ, о которыхъ всѣ народы сохраняютъ поэтическія и религіозныя воспоминанія, вмѣстѣ съ воспоминаніями своего младенческаго возраста? И какое мѣсто выбралъ Босфорскій Голіаѳъ для своего гроба! Цѣлая гора приклонила подъ нимъ свою гордую вершину, будто пьедесталъ чудно изваянный При-

родою. Отсюда взоры тонутъ въ горизонты двухъ морей; сѣверъ и югъ, Европа и Азія окружили его своими горизонтами, и Босфоръ смиренно протекаетъ подъ нимъ, и корабли бѣгутъ по бѣгущему морю, и въ продолженіе трехъ тысячь лѣтъ благоговѣніе племенъ его окружаетъ, и сколько племенъ прошли подъ нимъ, какъ корабли по Босфору, сколько царствъ основалось и разрушилось, сколько перемѣнъ претерпѣла можетъ быть сама Природа, и одинъ только онъ стоитъ неизмѣнный и суровый, какъ двойная эмблема смерти и безсмертія, оставленная первыми обитателями земли на этой облачной вершинѣ! Самые прочные изъ всѣхъ памятниковъ воздвигнутыхъ человѣкомъ на землѣ — памятники надгробные. Рушились олтари обветшалыхъ религій, распались храмы древнихъ боговъ, изящные памятники искусства и жизни древнихъ народовъ; но Египетъ сохранилъ свои царственныя гробницы, Греція могильныя пещеры Атридовъ, Троя могилы героевъ, и степи древней Скиѳіи свои могильные курганы. Въ Византіи, еще до Императоровъ, этотъ гробъ почитался памятникомъ глубочайшей древности. Греческія колоніи приписывали его

Амику, сыну Поссейдона и Геи, »Моря и Земли,« Вевриkійскому царю, одному изъ мужей »порожденныхъ озлобленною землею для борьбы противу Юпитера.« Въ то время царская власть давала право на разбой и на пиратство, и Вевриkійскій царь, славнѣйшій изъ атлетовъ своего вѣка, вмѣсто рыцарскаго гостепріимства къ пустынкамъ, вызывалъ на кулачный бой всѣхъ проѣзжающихъ чрезъ его владѣнія героевъ. Молодой Аргонавтъ Полидевкитъ (Поллюксъ) наказалъ неугомоннаго бойца, и проложилъ дорогу Греческимъ вождямъ чрезъ его царственный вертепъ. Можетъ быть Аргонавты воздвигли гробъ ему на этой высотѣ, какъ трофей на своемъ пути. Это миѳологическое преданіе, переходя изъ рода въ родъ между племенами населявшими Босфоръ, всегда измѣнялось согласно съ духомъ эпохи. Древніе иногда называли памятникъ, на которомъ основывалось преданіе, Геркулесовымъ ложемъ; Византійцы Гробомъ Великана; нынѣшніе Греки его называютъ Гробомъ Эллена, потому что въ ихъ воображеніи все великое соединилось съ воспоминаніемъ объ Элленахъ. Турки завладѣвши гробомъ присвоили его какому-то своему чудодѣю. Гробъ Босфор-

скаго пирата обратился въ Мусульманскую святыню, и оказываетъ каждый день чудеса исцѣленіемъ недуговъ. Больной идетъ сюда на поклоненіе, чтобы укрѣпиться новыми силами у гроба миѳологическаго силача.

Гробъ обсаженъ цвѣтами и кустарниками, на которыхъ во всякое время увидите множество старыхъ тряпокъ, привязанныхъ къ вѣтвямъ. Это обыкновенно лоскутья отъ бѣлья больныхъ, которые думаютъ передать деревьямъ вмѣстѣ съ лохмотьями и свою болѣзнь. Небольшой каменный столбъ поддерживаетъ чашу для куренія ароматовъ, когда дервиши молятся у гроба. Въ другомъ мѣстѣ стоитъ подносъ, на который благочестивые поклонники кладутъ свои приношенія, а путешественники свой *бахшишъ* дервишамъ. Какъ тотъ такъ и другой доходъ святыни должны быть весьма скудны, судя по бѣдности ея хранителей.

Гора Гиганта кромѣ своей святыни имѣетъ и другія права на вниманіе путешественника и на благоговеніе Мусульманъ; она служитъ Босфорскою обсерваторіею; съ ея поэтической вершины посылается вѣсть Стамбулу, когда покажется на небѣ молодой мѣсяцъ Рамазана,

которымъ начинается постъ, и мѣсяцы Шевалъ и Зильджи, въ которые празднуются единственные годичные праздники Мусульманъ. Когда приближается эта эпоха, и правовѣрный Стамбулъ ожидаетъ небесной гостьи, посылаются изъ Сераля на Гору Гиганта два ученика Великаго Астролога Халифаша, Мунеджимъ-баши, для освидѣтельствованія, что луна въ самомъ дѣлѣ показалась. Муэзины вмѣстѣ съ призывомъ къ молитвѣ передаютъ радостную вѣсть городу; палитъ заревая пушка, и начинается празднество. Если горизонтъ покрытъ туманомъ, и съ горы Гиганта не увидали луны, достаточно свидѣтельство одного правовѣрнаго, въ томъ что онъ гдѣ-то на небѣ увидѣлъ ея лоскушокъ, сквозь продравшееся облако. Но Босфорская луна иногда капризна какъ Султанша, (сама она состоитъ въ чинѣ Султанши, по тѣсному родству своему съ Махмудомъ) и запрячется на небѣ, строже чѣмъ земныя ея сестры въ гаремѣ. Если никто ея не увидитъ, опечаленный городъ обращается къ Оберъ-астрологу, завѣдывающему департаментомъ неба, и онъ уже, руководимый несомнѣнными правилами своей науки, торжественно объявляетъ, что

она точно есть на небѣ, хотя ея не видать, и потому можно безъ зазрѣнія совѣсти праздновать.

Съ Горы Гиганта равнымъ образомъ въ пору засухи дервиши осматриваютъ горизонтъ Чернаго Моря, и выжидаютъ облака, которое несетъ Стамбулу влажные дары Понта, и идетъ освѣжить жатвы полей и утолить жажду многолюдной столицы. Константинополь, не смотря на колоссальныя свои гидравлическія работы, нерѣдко терпитъ жажду, и въ продолжительныя засухи Бѣлградскія бенды не доставляютъ ему довольно воды. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ тогда городъ вѣстей съ Гигантовой Горы! Дервишъ вперилъ глаза въ горизонтъ, въ ту сторону откуда дуетъ вѣтеръ; онъ завидѣлъ сперва черную точку среди тумановъ; опытный его глазъ узналъ, что это зародышъ грозы, и можетъ быть прежде нежели поспѣетъ вѣсть въ Стамбулъ, гроза растянулась, налетѣла, и разлилась дождемъ на Босфорѣ, и вѣстникъ посланный отъ Дервиша, съ надеждою получить бахчишь, на пути промокъ до костей.

Мы спустились съ горы уже по другой дорогѣ, весьма крутой, и ведущей къ небольшой

долинѣ Омюръ-ери, гдѣ добывается камень, обращаемый въ известку тутъ же въ печахъ выдолбленныхъ въ самой горѣ.

У пристани ожидали насъ каики, и мы поплыли съ теченіемъ Босфора вдоль Азіятскаго берега, и осмотрѣли всю эту длинную галлерею пейзажей, развѣшанныхъ на супротивъ Европейскаго берега, то выступающихъ въ море, съ коричневыми домами, съ кіосками и садами, то убѣгающихъ во глубину своихъ долинъ.

Послѣ »Государевой Пристани, Хункяръ Скелесси,« имя которой уже три года гремитъ во всѣхъ журналахъ Европы, по случаю трактата нашего съ Портою, заключеннаго здѣсь въ нашемъ лагерѣ, лежитъ предмѣстіе Бейкози, на мѣстѣ древней столицы Вевриційскихъ царей. Здѣсь росло, по свидѣтельству Плинія и другихъ достовѣрныхъ писателей, прославленное лавровое дерево, которое было прозвано бѣшеннымъ, по странным своимъ свойствамъ: если вѣтвь отъ него случайно попадала на корабль, порождала такой духъ драки между матросами, что всѣ неистово дрались между собою, пока не выбрасывали ея въ море. Что бы поссорить

друзей стоило только бросить между них вѣ-
шочку бѣшеннаго лавра.

Смѣжное предмѣстіе названо »Султанскими садами, Султаніе-Бахчесы,« отъ великолѣп-ныхъ садовъ разведенныхъ здѣсь Солиманомъ II. Ниже по Босфору лежитъ »Фиговый посадъ, Инджиръ-кьой,« потомъ предмѣстіе Чибукли, въ которомъ видны развалины весьма достопа-мятнаго монастыря »Неусыпныхъ, *τῶν ακοιμή-των*,« основаннаго въ началѣ V вѣка, и въ ко-торомъ, по сказанію Византійскихъ историковъ, присна иноковъ, Грековъ, Латиновъ и Сиріянъ, должны были читать поочередно никогда не умолкающія молитвы на трехъ первыхъ языкахъ Христіанской Церкви (*). Послѣ предмѣстія Кандлиджи возвышаются устарѣлыя стѣны зам-ка Анадоли-Исари, построеннаго Магометомъ I, дѣдомъ Магомета Завоевателя, при Мануилѣ Палеологѣ.

Знали ли Турецкіе Султаны, дѣдъ и внукъ,

(*) Въ Церковной исторіи часто упоминается объ этомъ слав-номъ монастырѣ и о рукописяхъ его иноковъ, служащихъ однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ въ исторіи Восточной Церкви и въ исторіи Соборовъ.

когда каждый въ свою очередь укрѣплялъ на берегахъ Европы и Азіи цѣпь, которою сковали они Босфоръ и Имперію, что на этомъ самомъ мѣстѣ, за двѣ тысячи лѣтъ до нихъ, другой завоеватель павелъ мостъ для переправы въ Европу 700,000 войска?... На высокой скалѣ, на престолѣ сидѣлъ Дарій и любовался своими полчищами, которыя несли съ собою Азіятскія цѣпи, для независимыхъ племенъ Скиѳіи. На двухъ каменныхъ столбахъ, поставленныхъ имъ здѣсь, были вырѣзаны имена всѣхъ народовъ составлявшихъ его войско. Царь богатѣйшихъ въ мірѣ странъ завидовалъ степной волѣ Скиѳовъ; но попытки юга на порабощеніе бодрыхъ племенъ сѣвера были всегда неудачны.

За замкомъ Магомета укрылся самый роскошный изъ Босфорскихъ ландшафтовъ »Азіятскія Прѣсныя Воды.« И въ этой долинѣ, какъ и въ Прѣсныхъ Водахъ Европейскаго берега двѣ рѣчки Гьокъ-сою и Кючукъ-сою (древнія Арете и Азаріонъ) вьются по влажной зелени въ тѣни платановъ, и также на ихъ берегахъ расположились Мусульманскія семейства, и также любители природы и созерцательныхъ наслажденій проводятъ поэтическіе часы своего кейфа.

На ближней горѣ, въ Кандили, строился въ это время новый Султанскій кіоскъ, котораго мѣстоположеніе очаровательно. Гора эта славится своимъ здоровымъ воздухомъ, и Султанъ далъ своему кіоску имя совершенно въ духѣ Турецкой поэзіи: »Врачь-сюда-нейдетъ.«

Мы подъѣзжали къ новому Беглербейскому дворцу, гдѣ теперь Султанъ проводитъ лѣто. Наши гребцы оправились, осмотрѣли, все ли въ должномъ порядкѣ въ каикѣ, приняли видъ важнѣе и суровѣе, и стали грести дружнѣе и далѣе отъ берега. Восточный этикетъ не позволяетъ каикамъ подъѣзжать слишкомъ близко къ Сералю, такъ какъ не позволяетъ подданнымъ доступа къ своему Монарху. Но мы видѣли повелителя правовѣрныхъ у окна; онъ любовался своимъ Босфоромъ; нѣсколько головъ въ красныхъ фесахъ показывались еще въ темной рамѣ окна. Придворные ли это, Генералъ-адъютанты или рабы и евнухи — мы не могли узнать. Въ прежнее время только рабы и евнухи имѣли свободный доступъ къ Султану и занимали его досуги; самъ Визирь, намѣстникъ Султана и правитель Имперіи, не могъ иначе предстать предъ его лице, какъ въ часъ

опредѣленный строгимъ Серальскимъ этикетомъ. Теперь Султанъ любитъ бесѣду своихъ приближенныхъ вельможъ, бываетъ часто у нихъ, еще чаще зоветъ къ себѣ, и показывается публично вмѣстѣ съ ними. Но онъ все таки колеблется между своею старинною и своимъ новымъ бытомъ; является то Турецкимъ Султаномъ, то Европейскимъ государемъ. Внѣ Сераля жизнь его совершенно измѣнилась; даже новый Беглербейскій дворецъ принялъ внѣшній видъ Европейской Архитектуры, но все по прежнему въ окнахъ есть рѣшетки, и за ними продолжаетъ вести Султанъ свою прежнюю Азіятскую жизнь съ своими одалыками, съ своими евнухами бѣлыми и черными, съ своими ичоглanами. Въ этомъ какъ и во всемъ въ Турціи измѣнился *костюмъ*, измѣнена наружность, а внутренній сераль все тотъ же, какъ и старинный Турецкій человѣкъ въ своемъ новомъ костюмѣ, какъ и евнухи, которые нисколько не перемѣнились въ мундирахъ Европейскихъ офицеровъ и съ обнаженными саблями, галопируя по сторонамъ кареты Петербургскаго фасона, въ которой сидѣла Восточная принцесса Султанша Салиха въ день своего брака съ Халиль-Пашею. Махмудъ какъ будто за тѣмъ по-

селился на Азіятскомъ берегу, чтобы не завлечься слишкомъ далеко своими новыми Европейскими прихотями, чтобы подданные его не забыли, что онъ Халифъ Востока, и не вздумали бы не узнавать своего Султана въ красномъ фесѣ, замѣнившемъ на головѣ его великолѣпную чалму предковъ. Уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ живетъ и лѣтомъ и зимою въ предмѣстіяхъ по Европейскаго по Азіятскаго берега, и навсегда оставилъ свой древній Стамбульскій дворецъ. Ему послылъ дворецъ, въ которомъ протекла въ неволѣ его молодость, гдѣ пролилось столько Османовой крови, гдѣ палъ подъ кинжалами рабовъ любимый его дядя, гдѣ онъ самъ совершилъ братоубійство.... Сераль остался историческимъ воспоминаніемъ Султанскаго величія и прежней эпохи Турецкой Имперіи: это Константинопольскій Кремль, но онъ не наводитъ никакихъ благоговѣйныхъ воспоминаній. Когда Махмудъ мечемъ сбросилъ съ себя опеку Янычаръ, ему стало душно въ городѣ запертомъ въ высокихъ стѣнахъ. Столица Исламизма съ своими двумя стами мечетями, съ гробами Султановъ, со всѣми своими святынями, впала въ немилость. Въ ней остались только правительственныя мѣста,

базары, казармы и арсеналы, Сераскиръ начальникъ арміи и Шейкъ-исламъ духовный намѣстникъ Халифа, и чернь; но новая столица Имперіи убѣжала вдоль Босфорскаго берега по холмамъ и по долинамъ, и протянулась длинною полосою на нѣсколько миль, и обставила цвѣтущею рамою садовъ и зелеиыхъ пригорковъ и свѣжихъ долинъ свои новые дворцы, мечети и домы. Лучшая половина жителей переселилась на Босфоръ; это тотъ же городъ, не изъ кварталовъ, но изъ цѣпи предмѣстій, раздвоенный моремъ; городъ состоящій изъ одной улицы, но эта улица — Босфоръ, Босфоръ Невскій проспектъ новаго Константинополя. И эта улица гнется въ колѣца, то разширяется, то стягивается между двумя мысами, точно дама въ корсетѣ, и никакой архитекторъ не пойдетъ по ея мостовой изъ волнъ съ циркулемъ и съ астролябіею въ рукахъ, и не станетъ толкать локтями вправо и влѣво выдавшихся горъ, и застроивать стѣнами отверстія долинъ, чтобы выровнять по образцу нашихъ новыхъ городовъ эту улицу, проведенную такъ живописно Природою, лучшимъ изъ архитекторовъ.

За Беглербеемъ небольшой заливецъ носитъ

названіе Окюзъ-Лиманъ, т. е. Пристань Быка. У древнихъ мѣсто это именовалось Проливомъ Быка, и отъ него получилъ свое названіе Босфоръ, или Воспоросъ, что по-гречески значитъ »проливъ быка.« Если кто любопытствуетъ узнать происхожденіе этаго названія, долженъ развернуть любовную хронику Греческой Миѳологіи, и найдетъ въ ней, что Іо, Аргосская царевна, дочь Инаха, обратившая на себя вниманіе стараго волокиты Юпитера, была превращена ревнивою его половиною въ телицу, и осуждена бѣжать по всей землѣ, мучимая злымъ слѣпнемъ. Въ этомъ мѣстѣ переплыла она проливъ, и потомъ уже на берегу Нила успѣла умилостивить Юнону, получила свой прежній видъ, и была внесена въ Египетскій календарь, подъ именемъ Изиды и съ чиномъ первостатейной богини (*). Кромѣ своего имени четверono-

(*) Другая миѳологическая этимологія производитъ имя Босфора отъ того быка, который по внушенію оракула переплылъ въ этомъ мѣстѣ проливъ, чтобы показать Фригійцамъ путь изъ Азіи въ Европу. Равнымъ образомъ производятъ имя Босфора отъ того что жители этихъ береговъ въ глубокой древности дѣлали первые попытки мореплаванія впрягая быковъ въ плоты, и съ помощію ихъ переплывали проливъ. Какъ бы то ни было мы встрѣчаемъ тоже названіе и почти тѣ же сказа-

гая и рогатая любовница Юпитера оставила здѣсь и другія воспоминанія. Она паслась въ долинѣ Прѣсныхъ водъ на Европейскомъ берегу, и тамъ родила дочь Кероэсу, полубогиню, но со знаками на лбу, которые напоминали превращеніе ея матери. Отъ роговъ этой Кероэсы получилъ, говорятъ, Константинопольскій заливъ названіе Золотаго Рога, и отъ ея брака съ Нептуномъ родился основатель Византіи Визасъ, который, въ память дворянскаго своего происхожденія, принялъ гербомъ рога полумѣсяца, сохранившіеся доселѣ на Турецкихъ мечетяхъ, будто эмблема державы, которая могла существовать только постоянным приращеніемъ, постоянными завоеваніями, но которой не дано окрѣпнуть, съ той минуты когда завоеванія стали невозможны. Другіе толкуютъ, что это все иносказаніе, что рога Кероэсы не что иное какъ двѣ рѣчки Варвизесъ и Кидарисъ, имѣющіе точный очеркъ оленьихъ

нія въ проливѣ между Тавридою и островомъ Таманомъ, и даже самый Геллеспонтъ нерѣдко у древнихъ именуется Воспоромъ. Это заставило многихъ думать, что имя Босфоръ придавали древніе всѣмъ проливамъ, чрезъ которые могли бы переплыть быки.

роговъ, что бракъ съ Нептуномъ значитъ соединеніе рѣчекъ съ моремъ, отъ чего родился не Визасъ, но проливъ, подавшій поводъ къ основанію Византіи; но для насъ это все равно; замѣтимъ только, что на пристани Быка находятся теперь казенные хлѣбные магазины.

Предъ нами открывается Азіятскій городъ Скутари. Онъ назывался въ древности Золотымъ Городомъ, отъ того что сюда собирались подъ владычествомъ Персовъ всѣ подати съ Малой Азіи и всѣ пошлины съ торговыхъ Греческихъ колоній (*). Теперь онъ коричневый городъ по цвѣту своихъ зданій; впрочемъ въ немъ есть и бѣлыя мечети и бѣлые фонтаны подъ зеленымъ навѣсомъ, и базары и караван-сараи. Во всякое время найдете здѣсь безчисленныхъ верблюдовъ, которые съ караванами и съ купцами приходятъ изъ внутренности Малой Азіи; а въ эпоху отправленія отсюда въ Мекку каравана съ поклонниками и съ дарами отъ Халифа къ храму Кеабе, Скутари оживляется какимъ-то особеннымъ благочестіемъ, и

(*) Турки назвали его Скутари отъ бывшаго здѣсь дворца этаго имени.

тогда не совѣтую Франкамъ сюда заглядывать, потому что могутъ подвергнуться гнѣву фанатиковъ.

За Скутарскимъ кладбищемъ возвышается самая высокая изъ Босфорскихъ горъ, Булгурлу, послѣдняя отрасль Виѳнійскаго хребта (*). Какъ ни утомительна дорога на ея вершину, совѣтую всякому путешественнику туда подняться, потому что трудно найти точку болѣе богатую видами. Горизонтъ здѣсь слишкомъ обширенъ, чтобы можно было разглядѣть частныя красоты всякаго изъ пейзажей раскинутыхъ на немъ; но общность ихъ имѣетъ что то очаровательное. Вамъ откроется весь Босфоръ, какъ голубая лента связывающая два моря и очертывающая два материка, а столица Султановъ съ этой дали покажется вамъ Восточною кокеткою, которая улеглась на своихъ холмахъ какъ на диванѣ, будто шалью окуталась зеленью садовъ, и красится бѣлыми дворцами и мечетями, точно узорами изъ жемчуга въ азіятскомъ вкусѣ. Крѣпостныя стѣны со-

(*) По вычисленію Графа Андреосси она имѣетъ 240 метровъ высоты надъ моремъ.

ставляютъ рѣзкія складки ея царской драпировки, осторожно подобранной, чтобы не спала она въ море, которое съ любовью разлилось кругомъ, отъ развалинъ Влахернскаго дворца до развалинъ Семибашеннаго Замка.

Султанъ, Сераскиръ, Хекимъ-баши, Реисъ-эфенди, многіе другіе вельможи имѣютъ свои кіоски и бельведеры на этой горѣ. Для насъ кочевыхъ посѣтителей есть тѣнистая терасса, отличная вода, которой всегда пьетъ Султанъ, какъ самой здоровой изъ всѣхъ водъ Константинополя, и превосходные фрукты, между коими виноградъ едва ли не лучшій въ мірѣ (*).

Скутари разжалованный изъ цвѣтущаго города Греческихъ поселенцевъ въ предмѣстіе всемірной столицы, много терпѣлъ потомъ отъ своего блистательнаго сосѣдства. Нѣсколько разъ становились здѣсь лагеремъ Персы и Аравитяне въ своихъ походахъ противъ Константинополя. Сюда высадилось войско Венеціанскихъ и Французскихъ крестоносцевъ, когда они предприняли осаду Греческой столицы. Французскіе рыцари, которые такъ простодушно,

(*) Изъ множества родовъ Босфорскаго винограда въ особенности славятся такъ называемые *чаушъ* и *бармакъ-узюмъ*.

такъ благородно сознаются въ своихъ запис-
кахъ, что они были обданы страхомъ при ви-
дѣ высокихъ бастіоновъ Константинополя и
покрывавшаго ихъ войска въ блестящихъ доспѣ-
хахъ, поспѣшили въ беззащитный Скутари,
ограбили городъ и дворецъ, и этимъ первымъ
хмѣлемъ своей побѣды и надеждою другой бога-
тѣйшей добычи во дворцахъ Константинополя
оживили свою храбрость для переплытія Бос-
фора. Греческая древность оставила также это-
му мѣсту воспоминанія переправы десятитыс-
ячнаго корпуса поведеннаго Ксенофонтомъ об-
ратно изъ Персидскаго похода въ Грецію. До-
стойно примѣчанія, что Греки, которые такъ
нетерпѣливо спѣшили въ свое отечество, не-
охотно разставались однако съ Хрисополисомъ;
послѣ богатыхъ Малоазійскихъ областей, имъ
предстоялъ походъ чрезъ бѣдную Ѳракію. Они
въ этомъ городѣ продали своихъ плѣнниковъ и
добычу, которую каждый солдатъ успѣлъ на-
брать въ трудномъ походѣ на пространствѣ
нѣсколькихъ тысячь верстъ по непріятельскимъ
землямъ, въ этомъ удивительнѣйшемъ изъ под-
виговъ древней стратегіи, достойномъ своего
великаго генерала и историка.

Въ Турецкомъ Скупари я искалъ воспоминаній, дорогихъ для каждаго Христіанина. Въ поляхъ, прилежащихъ къ сѣверной сторонѣ города, было дано сраженіе, рѣшившее судьбу міра. Не одного скипетра Всемірной Имперіи домогались здѣсь два честолюбца: здѣсь политика соединилась съ религіею, и былъ совершенъ Божій судъ надъ двумя бойцами, кому владѣть міромъ: Лицинію ли, съ громами Капитолійскаго Юпитера, или Константину съ Крестомъ, воздвигнутымъ на Голгоѳѣ. Это море и эти берега, свидѣтели торжествъ Константина, были имъ выбраны для основанія Христіанской столицы, потому что Римъ былъ слишкомъ зараженъ развратомъ, слишкомъ упитанъ предразсудками своего язычества и своей военной славы, слишкомъ былъ гордъ воспоминаніями своихъ побѣдъ, своимъ Капитоліемъ, къ которому были прикованы цѣпи всѣхъ народовъ, своими храмами, тріумфальными врашами и театрами, чтобы сложить съ себя свою кровавую порфиру, промѣнять свою безпутную религію на религію, бывшую при вѣка предметомъ его поруганій, его звѣрскихъ забавъ, преслѣдованій и обвиненій, но которая торжествен-

но оправдалась своею мученическою твердостію въ страданіяхъ! — Римъ ожидалъ варваровъ и плѣна, чтобы очиститься отъ язычества крещеніемъ въ своей крови, и выстрадѣть страданіями свое Христіанское воспитаніе (*). Религія, преобразившая міръ, должна была воцариться въ новой столицѣ, создать ближе къ своей колюбели новую Державу и сдѣлаться душею новаго политическаго тѣла. Она вышла изъ катакомбъ послѣ сраженія при Хрисополисѣ, одѣлась въ блескъ и во власть послѣ трехвѣковыхъ испытаній, покрыла порфирою свои раны, замѣнила терновый вѣнецъ вѣнцемъ императорскимъ, и сама основала свою столицу, и въ ней воздвигла первый золотой крестъ, высоко и торжественно надъ куполами своихъ великолѣпныхъ храмовъ — трофеевъ, воздвигнутыхъ ею изъ обломковъ язычества, и ей, какъ

(*) Извѣстно, что Константинъ Великій встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ Сенатѣ, когда рѣшился перенести на Востокъ столицу Имперіи. Римляне негодовали; даже, когда сенаторы были перевезены въ Византію, они не хотѣли взять съ собою своихъ семействъ, и Константинъ нашелся принужденнымъ употребить хитрость, чтобы заставить семейства патриціевъ покинуть Италію.

своей царицѣ, принесли свою дань Искусства Греціи.

И въ этой столицѣ престояла Христовой Вѣрѣ новая борьба, уже не съ язычествомъ, но съ ересями, порожденными софистическимъ духомъ древней философіи и врожденнымъ стремленіемъ Греціи и Италіи къ идолопоклонству и грубому овеществленію чистѣйшихъ предметовъ Христіанскаго почитанія. Человѣкъ въ сихъ странахъ, гордыхъ своимъ древнимъ образованіемъ, долго, долго не хотѣлъ принять догматы Вѣры въ той простотѣ, съ которою проповѣдывалъ ихъ Божественный Учитель между рыбарями Галилеи. Сколько внутреннихъ смятеній, сколько гоненій, кровопролитій и богословскихъ войнъ должна была перенести новая столица Имперіи, сіе чистилище нашей Вѣры, отъ всего, что надменный умъ и буйныя страсти набрасывали въ религію сердца, въ религію, освобождающую сердце отъ грубыхъ земныхъ страстей! Богословская столица міра стала форумомъ, на которомъ гремѣли голоса духовныхъ ораторовъ, и ревностно и съ жаромъ защищались уставы Вѣры противъ софизма ересей. Но и въ этомъ замѣшенъ перстъ

Божественнаго Провидѣнія: самыя распри иконоборцевъ здѣсь были нужны, чтобы освободить религію отъ поэтическихъ воспоминаній язычества, и нужно было тысячилѣтнее, истинно чудесное сохраненіе этого шаткаго царства, чтобы упрочить чистоту нашихъ догматовъ Вѣры. Всѣ западные писатели оклеветали дряхлые вѣка Византійской Имперіи, и очернили ея Императоровъ. — Западъ Европы, сперва своимъ тяжелымъ рыцарскимъ мечемъ нанесъ смертельныя раны Греческой Имперіи, и открылъ проломы въ непобѣдимыхъ доселѣ стѣнахъ ея столицы, и подъ знаменіемъ креста проложилъ дорогу Мусульманскимъ завоевателямъ; потомъ излилъ на нее желчь исторической клеветы. Западъ забылъ, что дряхлымъ остаткамъ колосса, воздвигнутаго Константиномъ на Босфорѣ, онъ столько разъ былъ обязанъ спасеніемъ своимъ отъ варваровъ, что Императоры съ одной стороны не щадили крови и золота, этой крови ослабшихъ Державъ, чтобы слишкомъ тысячу лѣтъ безъ отдыха бороться со всѣми силами Азіи и Африки, а съ другой — разливали свѣтъ Христіанства на всѣ окружающія ихъ варварскія племена, укрѣпляли Церковь новыми столпами

и обращали въ мирныхъ поселещевъ и въ Христіанъ дикія орды Болгаръ, Даковъ, Албанцевъ, Босняковъ. — Я люблю старые образа Византійской живописи, въ которыхъ поборники Вѣры и Престола стоятъ въ царскомъ величіи, въ этомъ облаченіи, сохраненномъ нашею Церковью, съ Крестомъ и Евангеліемъ въ одной рукѣ, съ мечемъ въ другой. Есть еще другая заслуга Восточныхъ Императоровъ, которую тогда только вполнѣ оцѣнимъ, когда вникнемъ въ злоупотребленія папской власти на Западѣ, противу коей вопіетъ цѣлый шестнадцатый вѣкъ, показывая свои раны. Они первые умѣли назначить предѣлы духовной и свѣтской властей, и оградить нравы духовенства обузданіемъ свѣтскаго честолюбія, которое на Западѣ уже не скрывалось подъ иноческою рясою, но торжественно набрасывало на нее мірскую порфиру. Этимъ предохранили они весь Востокъ Европы, всю Восточную Церковь отъ Варѳоломеевскихъ Ночей, отъ Тридцатилѣтнихъ войнъ, отъ суевѣрія и безвѣрія Италіи и Франціи; этимъ приготовили они своему народу, для наступавшаго сиротства отъ царства, вѣрнаго и попечительнаго опекуна въ духовенствѣ, которое,

въ самой грубой эпохѣ своего народнаго упадка, умѣло сохранить все свое достоинство, пріобрѣсть уваженіе Мусульманскихъ завоевателей, и защитить не только церковныя, но и политическія права народа, прибѣгнувшаго къ нему съ надеждою и вѣрою. Мы должны благоговѣть предъ Божественнымъ Промысломъ, который послалъ плѣнъ и рабство на эту столицу, когда она, выполнивъ свое высокое предназначеніе, стала колебаться между православіемъ и папизмомъ, и когда между ея святителями нашлись недостойные, подписавшіе въ Ипаліи отреченіе отъ Вѣры своихъ отцевъ. Плѣнъ Востока освободилъ его племена отъ Папы, упрочилъ между ними узы религіи, прекратилъ навсегда богословскія распри, страданіями научилъ Христіанъ вѣровать и не умствовать о Вѣрѣ, положилъ на Востокѣ конецъ жизни древняго міра, продлившейся здѣсь, чрезъ весь варварскій средній вѣкъ Западной Европы, которая потеряла свою древность съ нашествіемъ варваровъ, и приготовилъ сіи долговѣчныя Восточныя племена къ великому дню возрожденія религіознаго и политическаго, къ этому дню, котораго восходъ былъ на Сѣверѣ! — Все, что мы говори-

ли, не есть случайная и частная черта одной Византійской Церкви, но черта, свойственная всему духовенству Восточнаго Христіанства. То же высокое явленіе мы видимъ въ Россіи, которой грядущая судьба была такъ рано упрочена вліяніемъ религіи, предуготовившей ее къ высокому званію представительницы Восточной Церкви и державной покровительницы политическаго существованія Восточныхъ племенъ. Всему Востоку предстояли тяжкіе опыты, необходимые для нравственнаго воспитанія его племенъ. На Югѣ ветхое царство медленно рушилось подъ ударами двадцати народовъ; на Сѣверѣ плѣнъ налетѣлъ грозою на юное Христіанское царство. И здѣсь и тамъ бывшіе народа спасено одною религіею; и здѣсь и тамъ духовенство выказало характеръ, достойный его высокаго званія, и его вліяніе было спасительно для политическаго быта народовъ, тѣмъ самымъ, что оно умѣло всегда держать себя въ сторонѣ отъ политическихъ дѣлъ. Императоры, въ Византіи, заблаговременно очертили кругъ церковной власти. Никогда Патріархи не правили судьбами народовъ; ни одно изъ Восточныхъ государствъ не имѣло своихъ Кардиналовъ

Ришелье и Мазариновъ: никогда церковная власть не навлекала на себя народной ненависти, не внушала того страха, которымъ необходимо окружаетъ себя иногда власть политическая. Достоинство Церкви было сохранено. Въ Россіи была эпоха, когда Князья долженствовали раболѣпствовать въ Магометанской Ордѣ. Между сими зловѣщими страницами нашей Исторіи, что можетъ быть священѣе и утѣшительнѣе тѣхъ страницъ, понятныхъ только чувству патріотизма и Христіанскаго благочестія, въ которыхъ видимъ наше духовенство, умѣвшее оградиться отъ политическихъ уничиженій, и внушить къ себѣ уваженіе самимъ Татарамъ! Во все продолженіе Татарскаго ига, истинная и благороднѣйшая жизнь Россіи была въ ея монастыряхъ; въ преданіяхъ келлій сохранилось ея прошедшее, въ урокахъ келлій приготовилось ея будущее. Греція, кромѣ монастырей, имѣла свои горы, и тѣ племена, которыя жили будто семьи орловъ на высотахъ, и тамъ передавали, поколѣніе поколѣнію, воспоминанія о потерянномъ царствѣ, и задумывали высокую думу возрожденія. Въ Россіи не было горъ куда бы спаслась ея независимость отъ потo-

ка, наводнившаго ея безконечныя равнины; все, что избѣгло Татарскаго осквернения, соединилось въ лаврахъ и монастыряхъ, какъ въ оазисахъ, и если княжескія поѣздки въ Орду представляютъ исторію иноплеменнаго ига въ Россіи, то внутреннюю жизнь Россіи, эту жизнь, которая таилась и бодрствовала въ сердцѣ молодаго израненнаго льва — мы видимъ въ ея духовенствѣ. Историки Западной Церкви превозносятъ своихъ Папъ и благословляютъ ихъ власть за то, что они нѣсколько разъ силою мирили Христіанскихъ Государей, и освобождали народы отъ войнъ; но за каждое благодѣтельное дѣйствіе Западной Церкви, сколько мы насчитаемъ Христіанскихъ войнъ, произведенныхъ единственно по папскому повелѣнію, или въ слѣдствіе папскихъ злоупотребленій! Можетъ быть, Христіанскій Римъ столько же пролилъ крови, сколько и языческій; самое проповѣданіе Божественнаго Слова становилось кровавымъ, когда оно проистекало отъ Ватикана, начиная отъ обращенія Саксонцевъ Карломъ Великимъ до обращенія Мексиканцевъ Испанскими бродягами. Не нужно уже и говорить о Крестовыхъ походахъ противу Христіанъ и Католиковъ. А

наша Церковь, какимъ образомъ умѣла она, вытерпѣть всѣ тяжкіе удары Магометанства, перенести всѣ бури вѣчно обуреваемаго Востока, и между тѣмъ, кротостію, достойною первыхъ учителей Христіанства, проповѣдовать Божественное Слово, обратить столько племенъ въ Христіанство безъ насилій, безъ кровопролитій, и сохранить свое благодѣтельное вліяніе между ними безъ Іезуитовъ, безъ всѣхъ этихъ многоименныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ и всегда политическихъ агентовъ Рима! Не потому ли, что ей были во всѣхъ отношеніяхъ ближе тѣ мѣста, гдѣ совершились первыя обращенія, что она живѣе сохраняла высокія воспоминанія своихъ первыхъ дней, святѣе соблюдала данные ей уставы?

Всѣ эти мысли навѣстятъ васъ между тѣмъ полемъ, гдѣ въ первый разъ засіяла побѣдная хоругвь религіи, и бѣднымъ селеніемъ Кадикьой, замѣнившимъ древній Халкидонъ, городъ четвертаго Вселенскаго Собора, который освободилъ Церковь отъ Несторіанской ереси (451 г.) и отъ Ѳиваидскихъ ученій, но въ то же время былъ предвѣстникомъ неминуемаго разрыва Церквей, Восточной и Западной.

Говорятъ, что Кади-кьои, »посадъ кадіи или судіи,« получилъ это названіе отъ Турокъ въ память бывшаго здѣсь собора духовныхъ судей Христіанства; но кажется, Турки мало заботились о соборѣ V вѣка; можетъ быть они испортили своимъ выговоромъ греческое имя Халкидона, можетъ быть имѣли они въ этомъ селеніи какого нибудь прославленнаго кадія. Но путешественнику не до этимологій; я спѣшилъ искать остатковъ славнаго храма св. Евфиміи, одного изъ лучшихъ храмовъ Восточной Имперіи, и въ которомъ тринадцать разъ засѣдали шестьсотъ тридцать святителей и двадцать сенаторовъ и консуловъ въ четвертомъ Вселенскомъ Соборѣ. Но я не нашелъ ни одной развалины, ни одного слѣда древняго храма. Храмъ великомученицы замѣнилъ здѣсь при Константинѣ Венерино капище, одну изъ достопамятностей языческаго Халкидона. По завоеваніи Солиманъ II (*) разрушилъ его до основанія и

(*) Солиманъ Великолѣпный иногда называется первымъ иногда вторымъ по имени, потому что одни считаютъ, другіе не считаютъ въ числѣ Султановъ Солимана-Джелеби, сына Баязета I, который бѣжалъ отъ Тамерлана послѣ несчастной битвы при Ангорѣ, превозгласилъ себя Султаномъ

употребилъ всѣ его матеріалы на сооруженіе своей великолѣпной мечети. Когда я посѣтилъ эту мечеть, я удивлялся прекраснымъ ея мраморамъ, и въ особенности четыремъ колоннамъ изъ порфира въ шестьдесятъ футъ высоты; потомъ узналъ я, что весь этотъ мраморъ и прекрасныя колонны принадлежали первоначально Халкидонской Венерѣ, потомъ десять вѣковъ украшали храмъ Христіанской Великомученицы, чтобы достаться въ наслѣдство Магометанской мечети, вѣроятно также на срочное время.

Отъ всѣхъ своихъ древностей Халкидонъ сохранилъ только обломки своихъ гробовъ, развалины водопровода и ручей протекающій по болотному полю; это также развалина древней классической рѣки, Халкидона, давшаго свое имя Мегарской колоніи. Далекая колонія Греціи постоянно и дѣятельно принимала участіе въ дѣлахъ Греческихъ Республикъ. Греція, будто предчувствуя свое соединеніе съ Востокомъ, религіозное и политическое, никогда не отка-

въ Адріанополѣ въ 1402 году, но не могъ упрочиться на престолѣ, и восемь лѣтъ велъ междоусобную войну съ своими братьями.

зывалась отъ своихъ правъ на восточныя свои колоніи, и содержала для нихъ огромные флоты, между тѣмъ какъ всѣ западные берега Средиземнаго Моря, населенные Греками, уже заранѣе отшторглись отъ Греческаго міра, а потомъ нашествія варваровъ изгладили въ нихъ всякое воспоминаніе о древней родинѣ, всякую характеристическую черту ихъ происхожденія.

Фарнавазъ, Царь Иберійскій, Митридатъ Великій, Хозрой II, каждый въ свою очередь разрушалъ древній Халкидонъ, и каждый разъ онъ вновь строился изъ своихъ развалинъ, доколѣ не пришелъ въ совершенное забвеніе при Туркахъ, и сталъ однимъ изъ бѣднѣйшихъ посадовъ Константинополя. Въ древности онъ славился прекраснымъ своимъ воздухомъ; и этаго дара природы лишился онъ въ своемъ уничиженіи; нынѣшнее его мѣстоположеніе низменное, болотное; рѣка нанесла много илу, залѣнилась въ своемъ теченіи, и питаетъ воздухъ лихорадочною отравою.

По обѣимъ сторонамъ Византійскаго Халкидона лежали предмѣстія носившія имена Руфина и Эвтропія, вельможи и евнуха заслужившихъ безсмертіе своими злодѣйствами.

Но средп этихъ двухъ заклеймешныхъ именъ возвышается благочестивая память Златоуста — этаго колосса Восточной Церкви, въ которомъ соединились сила слова и сила характера со всѣми гражданскими и христіанскими добродѣтелями, чтобы обратить на святую его главу ненависть двора, управляемаго развратною Француженкою и Армянскимъ евнухомъ. Я посѣтилъ источникъ носящій имя Златоуста; надъ нимъ всегда теплится лампада, предъ иконою великаго Патріарха; народъ посвятилъ этотъ источникъ памяти Святаго, и благоговѣетъ предъ нимъ. Въ Халкидонѣ состоялся беззаконный соборъ, извѣстный въ Византійской Исторіи подъ именемъ Совѣта у Дуба, (*) въ коемъ приверженцы Эвдоксіи и Евтропія осудили Златоуста на ссылку, и отъ коего начались всѣ гоненія, кончившіяся только съ его изгнаническою смертію.

Двѣ великія эпохи Восточной Имперіи ознаменованы двумя развратными женщинами и ихъ ненасытною ненавистію къ двумъ величайшимъ изъ мужей, коими гордится церковная и поли-

(*) Кварпалъ, въ коемъ соединился Соборъ, назывался кварпаломъ Дуба.

тическая исторія Востока: Эвдоксія и Златоустъ, Ѳеодора и Велисарій. Ѳеодора любила мѣста напоминавшія ей достойную предшественницу, и строила дворцы на этомъ берегу; и теперь мѣстами видны развалины ея дворцевъ, и храмовъ построенныхъ ея мужемъ, самымъ ревностнымъ строителемъ храмовъ. Матеріалы всѣхъ зданій бывшихъ въ окрестностяхъ Халкидона послужили Мураду IV для построеннаго имъ здѣсь великолѣпнаго дворца, который существовалъ до 1794 года, потомъ, когда дворецъ пришелъ въ ветхость, были употреблены для мечети Селима III, для Сераль-скихъ садовъ и для казармъ регулярнаго войска. Мѣсто гдѣ былъ дворецъ Мурада, сѣвернѣе Халкидона, называется Харемié-скелесы, »при-станію гарема.«

Южная оконечность Босфора именовалась въ древности Мысомъ Юноны; Турки называютъ ее Фенеръ-Бахчесы, »садомъ фонаря,« отъ маяка, который горитъ здѣсь по ночамъ для кораблей входящихъ въ Босфоръ изъ Мраморнаго Моря. Это одинъ изъ лучшихъ пейзажей Босфора; море широко предъ нимъ раскрылось; мѣстами выступаетъ скала, точно мысъ

въ миньятюрѣ; мѣстами огромный платанъ очершилъ своею цвѣтущею главою куполъ мечети, и кругомъ его вмѣстѣ минаретовъ стоятъ тонкіе и недвижные кипарисы. Съ одной стороны гора Булгурлу раскинулась темнымъ шатромъ, съ вышитыми по немъ сельскими ландшафтами, съ другой, далеко между небомъ и моремъ, повисла вершина Олимпа Виѳійскаго, точно шатеръ сотканный изъ облаковъ. За выдавшимся берегомъ Скутари заслонена перспектива Босфора и Золотаго Рога, и виденъ только лоскутокъ стараго Стамбула, но это лоскутокъ пышной царской мантіи, потому что на немъ видите величественные куполы Св. Софіи и Султана Ахмета, и воздушную семью десяти минеретовъ, которые попеременно выказываются одинъ за другимъ, по мѣрѣ того какъ вашъ катеръ идетъ далѣе и далѣе въ открытое море. Въ этомъ разстояніи прозрачный и блестящій воздухъ юга придаетъ зданіямъ какой-то перламутровый отливъ, то блѣдно-розовый, то шуманно-фіолетовый. Низменный берегъ Европы представляетъ пустыню, въ которой раскинуты палатки Турецкаго лагеря, какъ палатки Бедуиновъ въ Сирійской степи. Но за нимъ го-

ризонтъ очерченъ Ѳракійскими горами, коихъ мужественныя отрасли блѣднѣе и блѣднѣе простяпули свои объятія въ Мраморное Море. Изъ за мыса Кадикьой выплываютъ одинъ за другимъ корабли подъ полными парусами; между ними скользитъ иногда тонкій каикъ, будто стрѣла по морю; но море покажется пустынным послѣ Босфора, такъ жизненно населеннаго стаями каиковъ. Развѣ общество Армянъ и Грековъ ѣдетъ на пикникъ на Княжескіе острова, чтобы далеко отъ мерканпильныхъ занятій и отъ душной столицы и отъ Турокъ, подышать вольнымъ воздухомъ Мраморнаго Моря, и неограниченною свободою этихъ острововъ, на которыхъ нѣтъ ни одного Турка, веселиться и повѣсничать одинъ сутки, какъ молодые люди украдкою отъ своихъ опекуновъ, и потомъ опять съ постными лицами и въ скромныхъ кафтанахъ, возвратиться подъ столичное ярмо.

ГЛАВА VII.

Библіотеки. — Религія и Наука. — Умъ и безуміе. — Упадокъ библіотекъ. — Ученый вельможа. — Мнѣнія Турецкаго офицера. — Списываніе книгъ. — Односторонность Турецкой словесности. — Султанская награда за ученый трудъ. — Новыя книги. —

Много слуховъ носится въ ученомъ мірѣ о Константинопольскихъ библіотекахъ. Не Турецкія книгохранилища возбуждаютъ это участіе Европы, но остатки древнихъ творений которыя могли сохраниться со временъ Имперіи (*). Вмѣсто того чтобы теряться въ догадкахъ и предположеніяхъ объ остаткахъ древности, мы бросимъ только бѣглый взглядъ на существующія въ Оттоманской столицѣ публичныя библіотеки, *китабъ-хане*, основанныя для пользы правовѣрныхъ.

У всѣхъ Магометанскихъ народовъ Наука неразлучна съ Религіею, и потому ихъ учили-

(*) Статья моя объ этомъ предметѣ была напечатана въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Январской книжкѣ 1836 г.

ща, академіи и библіотеки находятся вообще при храмахъ и составляютъ ихъ принадлежность.

Константинопольскія мечети основаны или Султанами и ихъ матерями, Валиде-Султаншами, или частными людьми. Всякій основатель мечети обязанъ снабдить ее первоначально достаточнымъ доходомъ для ея содержанія, а богатыя мечети окружены обыкновенно богадѣльнями, училищами, больницами и всѣмъ, что въ Исламизмѣ составляетъ высокую заслугу предъ Богомъ и человѣчествомъ, и что призываетъ благословенія правовѣрныхъ на главу основателя. Многіе стихи Корана проповѣдуютъ любовь къ Наукѣ и къ познаніямъ, не смотря на то, что фанатизмъ часто находилъ въ этой книгѣ пищу къ преслѣдованію всякаго просвѣщенія. Въ обширныхъ зданіяхъ, окружающихъ нѣкоторыя изъ Константинопольскихъ мечетей и заключающихъ разнаго рода заведенія въ пользу страждущаго человѣчества, имареты, въ коихъ ежедневно получаютъ пропитаніе многія тысячи неимущихъ семействъ, больницы, дома сумасшедшихъ, найдете и заведенія служащія для духовной пищи человѣка — училища для

бѣдныхъ дѣтей всего кварпала, академіи или *медрессе*, въ коихъ по нѣскольку десятковъ лѣтъ учатся молодые и старики Богословію и Законовѣдѣнію, приготовляясь вступить въ ученое сословіе Законниковъ, Улема, и библіотеки, открытыя Мусульманамъ, любителямъ чтенія. Это сближеніе нищеты и страданія съ Наукою невольно оставляетъ какое-то грустное впечатлѣніе; оно имѣетъ удивительную аналогію съ самымъ названіемъ, которое Турки даютъ своимъ Студентамъ: *софта* собственно значитъ *существо обгорѣлое*, и въ метафорическомъ смыслѣ, мученика, страдальца — и человѣка, посвятившаго свою жизнь ученію и Наукѣ. Когда вы увидите на одномъ дворѣ, при мечети Солиманіэ, носящей имя основателя своего Солимана II, первую академію Востока, въ коей получаются высшія ученыя степени Оттоманской Имперіи, и въ которую приходятъ экзаминоваться семидесятилѣтніе Оттоманскіе законовѣды — и домъ сумасшедшихъ — это, можетъ быть, заставитъ васъ улыбнуться, можетъ быть, также заставитъ васъ призадуматься; и то, что мы называемъ сумасшествіемъ, прекращеніемъ умственной дѣятель-

ности человѣка или совращеніемъ его ума съ истиннаго пути въ лабиринтъ сбивчивыхъ мечтаній, нашедшее послѣднее убѣжище въ сосѣдствѣ того мѣста, гдѣ умъ самовольно блуждаетъ въ силлогистическомъ лабиринтѣ Духовной Юриспруденціи Мусульманъ, представитъ вамъ загадочный вопросъ: гдѣ межевая черта, гдѣ непреложная грань между мечтаніями ума и мечтаніями безумія?

Мураджа Охсонъ считаетъ до тридцати пяти публичныхъ библіотекъ въ Константинополѣ; нельзя съ точностію опредѣлить ихъ число въ настоящее время; но кажется, что оно уменьшилось; нѣсколько разъ горѣли библіотеки въ большіе пожары послѣдняго тридцатилѣтія; многія хотя и существуютъ, но перестали быть публичными, по неимѣнію достаточныхъ средствъ для своего содержанія. Въ Оттоманскихъ земляхъ все относящееся до религіи должно по существу своему оставаться неизмѣннымъ; но мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности для объясненія закрытія многихъ библіотекъ.

Основатели ихъ обыкновенно даровали мечети собранное ими значительное количество

книгъ, которое пріумножалось потомъ книгами Оттоманскихъ библіофиловъ, завѣщаемыми въ библіотеки, и еще болѣе рукописными Кораномъ, которые приносились въ даръ отъ людей, списавшихъ эту священную книгу Исламизма по обѣту ли или для препровожденія времени: ибо для Мусульманина лучшее и самое богоугодное упражненіе въ свободные часы есть списываніе Корана, и многіе правовѣрные списали его по нѣсколько разъ, чтобы оставить такимъ образомъ память о себѣ въ разныхъ мечетяхъ, и заслуживать благословеніе шѣхъ, которые будутъ со временемъ пользоваться ихъ трудами. При самомъ основаніи библіотекъ были имъ присвоиваемы достаточные доходы вакуфовъ на содержаніе одного или многихъ библіотекарей. Содержаніе это ограничивалось въ старые годы нѣсколькими *аспрами* въ день; тогда аспра или сто двадцатая часть Турецкаго піастра, была почти въ двадцать разъ болѣе нынѣшней аспры, которая равняется шестой долѣ нашей мѣдной копѣйки. Если къ этому упадку монеты присоединимъ и прогрессивно-возрастающую дороговизну всѣхъ предметовъ первой потребности, и прогрессивно-распространяющуюся въ

среднемъ классѣ народа потребность неизвѣстныхъ прежде предметовъ роскоши, увидимъ, что та умѣренная сумма, которая была, лѣтъ сто тому назадъ, достаточна для прожитья скромнаго библіотекаря, теперь недостаточна для пріобрѣтенія табаку, которымъ онъ разгоняетъ свою скуку, сидя съ утра до вечера среди книгъ. А между тѣмъ содержаніе остается то же, что было прежде; особенныхъ суммъ на приращеніе библіотекъ не было назначено, потому что библіотеки, какъ мы уже видѣли, обогащались приношеніями. Такимъ образомъ въ тѣхъ библіотекахъ, гдѣ было назначено первоначально нѣсколько библіотекарей, чтобы онѣ были открыты Оттоманской публикѣ постоянно и ежедневно, содержаніе всѣхъ этихъ библіотекарей, вмѣстѣ взятое, едва достаточно теперь на содержаніе одного хилаго старика, который, посвятивъ себя храненію китабъ-хане, почитаетъ это пожертвованіемъ съ своей стороны и заслугою въ глазахъ правовѣрныхъ и предъ Пророкомъ. Во многихъ библіотекахъ со смертію библіотекарей не нашлось людей довольно усердныхъ къ славѣ Исламизма, чтобы за нѣсколько аспръ въ день посвятить себя

этой благочестивой должности, и потому библіотеки были закрыты и съ обыкновенною Турецкою безпечностію преданы совершенному забвенію.

Мечети: Султанъ-Солиманъ, Султанъ-Баязетъ, Нуръ-Османи, Султанъ-Селимъ, Султанъ-Магометъ, Шахзаде-Джамиссы, Эюбская и Софійская, по сказанію Охсона, имѣютъ богатѣйшія изъ Константинопольскихъ библіотекъ; но посѣщеніе эти библіотеки весьма трудно, потому что онѣ прилежатъ обыкновенно къ самому зданію мечети и въ нихъ иначе нельзя проникнуть, какъ чрезъ мечеть, которой входъ воспрещенъ иновѣрцамъ. Многіе думали, что въ библіотекѣ Софійской Мечети сохранились рукописи, найденныя, безъ сомнѣнія при обращеніи въ мечеть этого Византійскаго Собора; но библіотека эта основана не прежде, какъ при Махмудѣ I, и достовѣрно извѣстно, что въ ней нѣтъ ни одной Греческой рукописи: Вѣра Мусульманъ не позволила бы хранить въ своемъ храмѣ книги Христіанскаго богослуженія. Находящійся въ этой Библіотекѣ Коранъ, писанный рукою Халифа Османа I, служитъ предметомъ особеннаго почитанія Мусульманъ. До-

стопримѣчателенъ также Коранъ на Коптскомъ языкѣ, видѣнный Греческимъ Патріархомъ Константіемъ въ библіотекѣ мечети Султанъ-Магомета.

Есть въ Константинополѣ, кромѣ библіотекъ мечетей, еще нѣсколько другихъ, воздвигнутыхъ Султанами и вельможами для общей пользы. Отецъ нынѣ царствующаго Султана, Абдулъ-Хамидъ, въ 1779 году основалъ библіотеку, носящую его имя; онъ перенесъ въ нее много рукописей, хранившихся въ Сералѣ; всѣ онѣ на Арабскомъ, на Персидскомъ и на Турецкомъ языкахъ, и между ими наиболѣе заслуживаетъ примѣчаніе Коранъ, писанный тремя Халифами: Омаромъ, Османомъ и Аліемъ. Кіупурли-Ахмедъ-Паша, одинъ изъ великихъ людей этого семейства, давшаго Оттоманской Имперіи цѣлый рядъ героевъ и государственныхъ мужей, основалъ лучшую изъ Константинопольскихъ библіотекъ, какъ памятникъ любви къ наукамъ того, кто прославилъ Оттоманское оружіе въ Кандіи, въ Венгріи и подъ Каменцемъ-Подольскимъ. Могаммедъ-Паша, Верховный Визирь царствованія Османа III, прозванный Ученымъ, *Рагибъ*, и извѣстный по люб-

ви своей къ наукамъ, оставилъ также прекрасную библіотеку, извѣстную подъ именемъ библіотеки Рагибъ-Паши, и которая удобнѣе всѣхъ другихъ доступна любопытству Европейцевъ. Рагибъ-Паша самъ посвящалъ наукамъ свои досуги, и въ библіотекѣ его показываютъ нѣсколько томовъ его сочиненій: *Сефинеи-Рагибъ*, »корабль учености,« содержащій богословскія и философическія разсужденія, также томъ стихотвореній, собраніе нравоучительныхъ изреченій и письма о правительственныхъ дѣлахъ. Его современники Англичанинъ Потеръ и Баронъ Деттонъ превозносятъ его государственный умъ, хотя представляютъ его жестокимъ и честолюбивымъ эгоистомъ; а Шенье, отецъ поэта Андрея Шенье, бывшій въ его время Генеральнымъ Консуломъ Франціи въ Константинополѣ, въ книгѣ своей: Revolutions de l'Empire Othoman, называетъ этаго Визиря лучшимъ писателемъ Турціи въ его эпоху. Я не могу судить о другихъ литературныхъ его заслугахъ, кромѣ заслуги, оказанной имъ согражданамъ основаніемъ богатой библіотеки; что же касается до государственнаго его ума, лучшимъ его доказательствомъ есть то, что онъ принад-

лежитъ къ числу весьма немногихъ Визирей Оттоманской Имперіи, сохранившихъ до глубокой старости это опасное мѣсто, и умершихъ своею смертію послѣ долголѣтняго управленія Дворомъ, Султаномъ и Имперіею. Эти воспоминанія объ основателѣ библіотеки тѣмъ болѣе становятся занимательными, что въ сосѣдствѣ Библіотеки сооруженъ имъ великолѣпный памятникъ, въ коемъ покоится его прахъ, и въ которомъ, по его завѣщанію, хранители библіотеки обязаны содержать всегда горящія лампы. На холмѣ Перы, за большимъ кладбищемъ, Буюкъ-Мезарлыкъ, при Теккіэ или Монастырѣ Дервишей Мевлеви, есть также библіотека, основанная славнымъ Халетъ-Эфендіемъ, замѣчательнѣйшимъ изъ вельможъ нынѣшняго царствованія, и котораго политика и умъ имѣли столь великое вліяніе на судьбы Турецкой Имперіи. Подобно Рагибъ-Пашѣ, Халетъ-Эфенди приготовилъ свой мавзолей недалеко отъ основанной имъ библіотеки. Пріятно видѣть по крайней мѣрѣ, что въ этомъ необразованномъ народѣ великіе государственные мужи любили оставлять памятниками по себѣ основанныя ими книгохранилища, какъ будто для того,

чтобы уваженіе къ памяти покойника усугублялось привычнымъ благоговѣніемъ Турокъ къ книгамъ.

Библіотека Халепъ-Эфендія не открыта для публики, а служитъ только для Дервишей Мевлеви, которые слывутъ самыми образованными изъ Константинопольскихъ Дервишей, и въ созерцательной своей жизни соединяютъ страсть къ восторженной своей пляскѣ со страстію къ Поэзіи.

Библіотеки Абдулъ-Хамида и Рагибъ-Паши представляютъ одни изъ лучшихъ произведеній чисто Турецкой Архитектуры: внутри одѣпы мраморомъ, украшены тонкими и высокими колоннами, рисовкою и рѣзьбою. Онѣ состоятъ изъ одной залы, и книги расположены въ нихъ въ шкапахъ, подъ стекломъ или подъ проволочною рѣшеткою, вдоль стѣнъ или въ самой срединѣ залы, представляя четвероугольникъ, освѣщенный со всѣхъ сторонъ. Предъ шкапами протянуты на полу ковры или циновки, на которыхъ чтецы и писцы сидятъ сложивши ноги, и съ трубкою въ зубахъ продолжаютъ свои занятія, не тревожась приходомъ посѣтителей.

Я посѣтилъ эти библіотеки вмѣстѣ съ офицеромъ Турецкаго флота, довольно образованнымъ и имѣвшимъ случай видѣть нѣкоторые Европейскіе порты Средиземнаго Моря. Я думалъ найти въ немъ страстнаго поборника всякаго рода нововведеній, какъ обыкновенно бываютъ молодые Турки, насмотрѣвшіеся на обычаи Европы и вкусившіе удовольствія Европейскаго быта. Я спалъ ему говорить о томъ, что нововводимое въ Турціи образованіе представитъ потребность библіотекъ другаго рода; что вмѣсто списыванія старыхъ харатій въ нихъ можетъ быть станутъ молодые и старики заниматься чтеніемъ газетъ и журналовъ. Мое предсказаніе ему не понравилось, и онъ съ огорченіемъ замѣтилъ мнѣ, что съ того времени, какъ соотечественники его принялись за вводное, чужеземное образованіе, впадаетъ въ забвеніе и пренебрегается ихъ коренное народное образованіе, и между тѣмъ, какъ молодое, насажденное Султаномъ деревцо еще не скоро можетъ принесть плоды, уже чахнетъ почтенное древо древней Науки. »Наши училища« — продолжалъ онъ — »приходятъ въ упадокъ; число нашихъ библіотекъ съ каждымъ годомъ

уменьшается; онѣ закрываются не только потому, что не имѣютъ достаточнаго содержанія, но и потому, что посѣтители въ нихъ становятся рѣже. Наши старики журятъ молодежь, которая, не доучившись Арабской грамотѣ, увлекается золотымъ шитьемъ военнаго мундира и брянчаньемъ шпоръ. Скажите мнѣ, когда начались образовываться Европейскія государства, уже ли первымъ условіемъ успѣха было забыть все то, чему учились отцы?....«

Мой молодой философъ долго продолжалъ мнѣ доказывать, что въ его отечествѣ, раздѣленномъ отъ всей Европы неприступною преградою религіи и самобытной народности, первымъ дѣломъ преобразователя должно быть поддержаніе этой народности, и что единственное и спасительное средство образовать Турцію было въ улучшеніи существующихъ въ ней коренныхъ Мусульманскихъ учебныхъ заведеній. Я не могъ ничего отвѣчать Турецкому патріоту, представителю одного изъ тысячи мнѣній, которыя носятся въ народѣ о преобразованіяхъ нынѣшней эпохи, и огорченному упадкомъ библіотекъ, изъ коихъ, по его мнѣнію, было бы полезнѣе разливать просвѣщеніе въ народѣ, не-

жели изъ иностранныхъ источниковъ. Между тѣмъ мы продолжали осматривать библіотеку.

Книги въ Турецкихъ библіотекахъ сохраняются съ большимъ тщаніемъ; мы имѣли уже случай замѣтить, что книги служатъ предметомъ высокаго уваженія въ глазахъ Оттоманъ, и это уваженіе видится во всемъ — отъ осторожности, съ которою чтецъ держитъ книгу, до тщательнаго ихъ уложенія въ полки, гдѣ каждая книга хранится въ особенномъ сафьянномъ футлярѣ, предостерегающемъ ее отъ гніенія и отъ червей. Самые переплеты Турецкихъ книгъ отличаются, если не особенною изящностію, то прочностію и аккуратностію; переплеты вообще сафьянные и закладываются сверхъ обрѣза книги, подобно старымъ бумажникамъ. Книги кладутся въ полки одна на другую, а не ставятся въ ряды подобно нашимъ.

Библіотеки открыты ежедневно съ утра до вечера, кромѣ вторника и пятницы; всякій можетъ сидѣть въ нихъ, занимаясь чтеніемъ, или даже списывать какую угодно книгу съ начала до конца: это весьма часто дѣлается, потому что число печатныхъ книгъ весьма ограниченно, и рукописи цѣнятся весьма высоко.

Многочисленное сословіе писцевъ промышляетъ списываніемъ книгъ, и, кажется, они-то преимущественно составляютъ публику, посѣщающую библіотеки, и должны болѣе всѣхъ другихъ Мусульманъ благословлять память основателей, потому что въ этихъ заведеніяхъ, предназначенныхъ для умственной пищи правовѣрныхъ, они находятъ средства болѣе существенной и необходимой пищи для своего желудка.

Книги никогда не могутъ выходить изъ библіотеки, и каждый нуждающійся въ справкѣ, въ чтеніи или списаніи какого нибудь творенія, обязанъ это дѣлать въ самой библіотекѣ, когда она открыта.

Всякая изъ Константинопольскихъ библіотекъ содержитъ отъ двухъ до пяти тысячъ книгъ. Должно замѣтить, что въ этомъ числѣ множество списковъ Корана, разныхъ формъ и почерковъ, потому что всякій Турецкій каллиграфъ считаетъ себѣ въ обязанность принести въ даръ въ какую нибудь библіотеку тщательное произведеніе своего искусства, и кромѣ того, какъ мы выше видѣли, многіе знатные люди оставляютъ библіотекамъ списанный ими Коранъ, какъ памятникъ

своего благочестія. Число книгъ пріумножается также отъ взносовъ, дѣлаемыхъ въ пользу библіотекъ отъ разныхъ лицъ. Каждый любитель чтенія, или человѣкъ посвятившій свою жизнь наукамъ, составляетъ у себя собраніе книгъ, и желая обратить эти книги въ общую пользу правовѣрныхъ, отказываетъ по смерти свою библіотеку или часть ея въ одну изъ публичныхъ библіотекъ. У Турокъ нѣтъ обыкновенія составлять у себя богатыя библіотеки для того, чтобы убрать лишній покой своего дома красивыми шкапами и золочеными переплетами, или чтобы прослыть въ народѣ просвѣщеннымъ библіофиломъ. Страсть къ книгамъ не приняла у нихъ еще того направленія, которое въ наше время преобладаетъ въ Европейскихъ Государствахъ; они любятъ и уважаютъ книги, такъ какъ ихъ любили и уважали темные люди среднихъ вѣковъ Европы, и тѣ немногіе ученые, которые въ пыльныхъ чердакахъ, при свѣтѣ неугасаемой лампы, въ тиши и въ безвѣстности, не помышляя о славѣ, приготовили великій переворотъ новѣйшихъ вѣковъ. Но у Турокъ доселѣ вся умственная дѣятельность вращалась въ кругу богословскихъ тонкостей и въ толкованіяхъ

девяносша девяши имень Аллаха; если даже они выходили иногда изъ предѣловъ богословскаго законовѣдѣнія, все спороннее было для нихъ дѣломъ побочнымъ, и на всякій новый вопросъ, раждаемый въ умѣ потребностію мыслишь, Мусульманинъ привыкъ смошрѣшь съ своей неизмѣнной шочки зрѣнія: »клонится ли это къ славѣ Исламизма? привлечешъ ли это на мою главу благословеніе правовѣрныхъ?« Единственное медицинское сочиненіе позднѣйшихъ временъ у Турокъ было написано однимъ просвѣщеннымъ вельможею, который имѣлъ въ виду доспавишь этимъ важное облегченіе караванамъ поклонниковъ, идущихъ въ Мекку, и спраждущихъ въ многопрудномъ пуши разными болѣзнями; эша книга носишъ названіе »Наспавленія поклонникамъ.« Книги о морали и философіи, какъ всѣмъ извѣсшно, исключишельно основаны на Коранѣ и на его шолкованіяхъ, единсшвенныхъ испочникахъ Мусульманской морали; а лѣшописи Турокъ заключаюшъ факшы, клонящіеся къ прославленію оружія воиновъ Корана и къ посрамленію невѣрныхъ. Природа для нихъ составляешъ предмешъ набожныхъ восшорговъ и даешъ имъ непрерывные случаи хвалишь все-

могущество Аллаха, но весьма рѣдко служитъ предметомъ ихъ изслѣдованій. Самая поэзія, за исключеніемъ эротическихъ пѣсень, невольно вылетающихъ изъ страстной груди послѣдователей Корана, избираетъ предметомъ своимъ апофѳегматическія правоученія Магометанской морали или хвалы Аллаха.

Изъ этого легко можно составить себѣ понятіе о содержаніи книгъ, составляющихъ Турецкую библіотеку.

Бумага, употребляемая для Турецкихъ рукописей, приготовляется особеннымъ напираніемъ костью, и лоснится подобно древнему пергаменту, что необходимо для письма, состоящаго изъ однихъ крючковъ. Чернила Турецкія также весьма густы и блестящи; не рѣдко посыпаются золотымъ пескомъ, когда еще не высохли, такъ что покрываются позолотою.

Образцами каллиграфической роскоши Турокъ могутъ служить списки Корана и другихъ книгъ вѣроисповѣданія и законовѣдѣнія; во многихъ изъ этихъ рукописей всякая строка украшена узорами изъ киновари и золота; заглавія изрисованы съ необыкновеннымъ тщаніемъ,

и представляютъ отличную миніатюрную отдѣлку. Подобныя книги цѣнятся въ нѣсколько тысячъ піастровъ.

Извѣстны причины, замедлившія доселѣ въ Турціи успѣхи книгопечатанія (*). Въ нынѣшнее царствованіе оно получило нѣкоторое развитіе, хотя всѣ книги Закона остаются еще внѣ круга его дѣятельности. Предметомъ его, до преобразованій замышленныхъ Селимомъ и введенныхъ Махмудомъ, были почти исключительно языкознаніе и исторія. Нѣсколько словарей Арабскихъ и Персидскихъ, нѣсколько историческихъ твореній о разныхъ Восточныхъ династіяхъ и о великихъ эпохахъ Востока сохраняются въ публичныхъ библіотекахъ Константинополя, какъ памятники перваго опыта Турціи въ книгопечатаніи. Въ началѣ текущаго столѣтія было напечатано, по повелѣнію Селима, нѣсколько книгъ о военномъ искусствѣ и о Европейской тактикѣ. Бунтъ Янычаръ и ниспроверженіе Селима остановили успѣхи книгопечатанія. Махмудъ не могъ не обратить вниманія на столь важный предметъ, при военномъ и гражданскомъ преобразованіи своей

(*) См. Очерки Константинополя, Ч. II, Гл. 2.

Имперіи. Въ послѣдніе годы Константинопольскія библіотеки обогатились значительнымъ числомъ книгъ, выходящихъ изъ Султанскихъ типографій. Излишнимъ считаю прибавить здѣсь, что типографіи досель въ Турціи содержатся только на иждивеніи правительства; равнодушіе Турокъ къ преобразованіямъ и ко всему, что перенимается у Европейцевъ, заставляетъ думать, что еще не скоро этотъ родъ промышлености сдѣлается предметомъ частныхъ предпріятій. Кромѣ многихъ учебныхъ книгъ о Европейской тактикѣ, предназначенныхъ для офицеровъ регулярнаго войска, въ казенныхъ типографіяхъ печатаются, по повелѣнію Султана, всѣ книги, представляемыя ему и сколько нибудъ заслуживающія его вниманіе. Султанъ Махмудъ ищетъ славы покровителя наукъ: какой-то Сандъ-Эфенди Фаризи-Заде, въ Бруссѣ, въ Малой Азіи, уже около десяти лѣтъ занимался сочиненіемъ Оттоманской Исторіи, которую довелъ до царствованія Селима II; онъ представилъ свой трудъ Султану, который не только велѣлъ его издать въ свѣтъ въ пользу автора, но и назначилъ ему значительную пожизненную пенсію.

Въ листахъ Оттоманскаго Монитера весьма часто встрѣчаемъ объявленія о вновь выходящихъ книгахъ, оригинальныхъ или переводныхъ съ Арабскаго, иногда даже съ Французскаго и Итальянскаго языковъ. Въ этомъ числѣ Граммашики, Риторики, Логики, Словари, шакпическія наставленія; но не рѣдко встрѣчаемъ и заглавія въ цвѣтистомъ вкусѣ Восточныхъ Литерашуръ: »Несравненное перло, или нравоучительныя наставленія« и т. п.

Изъ того же журнала мы узнаемъ, что бывшій въ 1834 году въ С. Петербургѣ Турецкій Посолъ Ахметъ-Паша, главный Директоръ Военно-Учебныхъ Заведеній и усердный поборникъ европеизма въ Турціи, завелъ въ Кадетскомъ Корпусѣ типографію, въ которой учатся типографическому искусству сами Кадеты, и обрадовалъ Султана представленіемъ первой книги, отпечатанной ими.

Такимъ образомъ для Константинопольскихъ библіотекъ наступаетъ новый источникъ обогащенія, и, можетъ быть, въ скоромъ времени вмѣсто тысячь списковъ Корана и его безконечныхъ толкованій, коими набиты ихъ полки, онѣ представятъ правовѣрнымъ книги свѣтска-

го и полезнаго чтенія, пробудятъ когда нибудь ихъ сонное любопытство и дадутъ другое направленіе ихъ умственной дѣятельности, блуждающей въ богословскихъ тонкостяхъ.

Замѣтимъ здѣсь, что цѣна печатныхъ Турецкихъ книгъ весьма низка: книга изъ десяти и болѣе печатныхъ листовъ, на весьма хорошей Французской бумагѣ, продается обыкновенно по восьмидесяти копѣекъ или по рублю на наши деньги. Въ этомъ видно желаніе правительства распространить въ народѣ издаваемыя имъ книги. Рукописи составляютъ значительную отрасль промышлености, и не говоря уже о нѣсколькихъ тысячахъ писцахъ, которые промышляютъ своимъ почеркомъ, въ Константинополѣ есть обширный базаръ, въ которомъ продаются книги печатныя и рукописныя, и много разносщиковъ ходятъ по городу съ запасомъ книгъ. Изъ столицы постоянно отправляются запасы книгъ и рукописей въ другіе города Имперіи, и во всѣхъ большихъ городахъ найдете книжныя лавки.

ГЛАВА VIII.

Бани. — Классическая драпировка и ходули. — Наслажденіе и пытки. — Дешевизна. — Водопроводъ Валенса. — Пророчества. — Тысяча и одна колонна. — Ситерны. — Рестораторъ и брадобрѣй.

Послѣдняя моя прогулка въ Константинополѣ была посвящена банямъ и брадобрѣямъ. Читателю не должно показаться страннымъ, что путешественникъ ставитъ себѣ въ обязанность заходить даже въ Турецкія цирюльни. Вмѣстѣ съ кофейными домами онѣ лучшее мѣсто, гдѣ бы можно подсмотрѣть Турецкую народность; даже послѣ Султанской опалы на кофейные домы едва ли цырюльни не заслуживаютъ преимущества. А бани, бани Турецкія! Кто былъ въ Стамбулѣ и не посѣщалъ его великолѣпныхъ бань! Кто такъ мало дорожитъ лучшими наслажденіями Восточной нѣги, чтобы не вкусить хотя разъ въ жизни этаго удовольствія, котораго тщетно будетъ искать между чувственными удовольствіями нашей утонченной Европы? Турки послѣ своихъ мечетейничего не умѣли выстроить

лучше бань; бани у нихъ непосредственная принадлежность религіи; умовеніе нужнѣе молитвы, и изъ этаго догмата они создали себѣ земной эдемъ лѣни и сладострастной нѣги, и присоединили этотъ догматъ къ догмату мусульманской благотворительности. Хочетъ ли Мусульманинъ обратить на свою главу благословенія правовѣрныхъ? — Онъ выстроитъ баню, запишетъ ее Вакуфомъ, т. е. церковнымъ имуществомъ, къ какой нибудь мечети, и назначитъ ей постоянный доходъ, потому что бани въ Мусульманскихъ земляхъ почти никогда не бываютъ торговымъ предпріятіемъ, довольствуются весьма умѣреннымъ сборомъ, и обязаны давать бѣднякамъ безденежно средство очищаться отъ тѣлесной и отъ душевной неопрятности. Бѣднякъ вмѣсто платы благословляетъ память строителя. Одиѣхъ публичныхъ бань въ Константинополѣ считается болѣе двухъ сотъ. Между ними есть зданія великолѣпныя, съ широкими развѣсистыми куполами, мощенныя и обитыя внутри прекраснымъ мраморомъ, съ изваяными фонтанами, свѣтлыя, просторныя, бѣлыя, блестящія чистотою, со стихами изъ Корана на стѣнахъ, точно мече-

ши, и тѣмъ болѣе освященныя религіознымъ характеромъ, что въ нихъ всегда увидите молящихся османлы; Аллаху пріятна молитва правовѣрнаго очистившаго себя *полнымъ* умовеніемъ (*). Турки въ этомъ религіозномъ обрядѣ менѣе строги нежели въ мечетной молитвѣ, и позволяютъ намъ гяурамъ вмѣстѣ съ ними умываться въ банѣ.

Я былъ съ другими товарищами въ банѣ прилежащей къ мечети Ени-Джамисы, — одной изъ великолѣпнѣйшихъ бань въ Стамбулѣ. Когда мы вошли начальникъ бани, сидѣвшій на особенной эстрадѣ у самаго входа, насъ принялъ весьма привѣтно, и приказалъ очистить для нашего общества часть галлереи которая окружаетъ этотъ первый залъ бани, или лучше сказать предбанникъ, и уставлена тонкими колоннами и перилами. Постлали ковры и тюфяки и предложили намъ отдохнуть предварительно, потому что Турокъ находитъ всегда

(*) Это умовеніе называется у нихъ *гусль*, для различія отъ простаго умовенія рукъ *абдеста* и отъ умовенія семи членовъ, *тегарета*. См. слово Абдестъ въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ.

случай отдохнуть, и ничего не дѣлаетъ безъ предварительнаго отдыха. Намъ представилось весьма занимательное зрѣлище. По всей галлереѣ лежали отдыхающіе до бани или послѣ бани Мусульмане. Первые въ своихъ плашьяхъ курили и пили кофе, вторые были укутаны въ простыняхъ и въ одѣялахъ, дремали, спали, или курили и пили кофе и шербеты. Иныхъ укладывали въ постели, точно автоматовъ, полунагіе служители. Вдоль галлереи висѣли сотни красивыхъ клѣтокъ съ пѣвчими птицами, и ихъ воздушный концертъ разливался среди глухаго говора бани, и составлялъ пріятную гармонію съ журчаніемъ фонтана біющаго въ широкомъ бассейнѣ среди зала. Верхняя часть галлереи была обвѣшана вся простынями и полотенцами. Во глубинѣ зала открывались двери во внутреннія отдѣленія бани, и оттуда выходили отъ времени до времени люди окутанные съ ногъ до головы въ бѣлыхъ и въ цвѣтныхъ драпировкахъ; мы готовы были принять ихъ за Римскихъ Сенаторовъ, но на головѣ они носили странной формы чалму изъ цѣлой простыни, а вмѣсто республиканскихъ и трагическихъ котурнъ на ногахъ, они ходили на деревянныхъ

подставкахъ, какъ на подвижныхъ пьедесталахъ въ которые продѣвалась нагая нога.

Пришлось и намъ драпироваться съ простыни и надѣть чалму; все это весьма хорошо и согласно съ этикетомъ Турецкой благопристойности; но съ ходулями мы долго не могли управиться, потому что изъ уваженія къ нашей круглой шляпѣ намъ подали самыя щегольскія, изъ чернаго дерева, съ рѣзьбою, съ ремнями вышитыми бисеромъ, но весьма высокія. Онѣ впрочемъ необходимы, чтобы не ступать ногою по мокрому и холодному мрамору въ предбанникѣ, и по горячему мрамору внутреннихъ отдѣленій. Здоровые служители насъ вели подъ руку, но наша неловкость обратила на себя вниманіе всей правовѣрной публики. Когда предъ нами растворились низкіе двери, насъ обдало паровое облако изъ внутреннихъ отдѣленій. Мы вошли въ корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго были небольшія мраморныя комнаты, отдѣльныя бани, каждая съ своими кранами холодной и теплой воды, съ небольшими резервуарами, и вмѣсто софы или лежанки была въ каждой изъ нихъ на полу чистая и гладкая доска, на которой совершаются банныя опера-

ціи. Далѣе открылся намъ просторный залъ съ возвышенною посреди эстрадою, и кругомъ его множество комнатъ, которыя также служатъ отдѣльными банями. Облака паровъ вольно кружились по всему этому лабиринту; дверей нѣтъ; за арками уставлены отдѣльныя бани, какъ глубокія ниши, кругомъ большаго зала. Эта раздробленная архитектура получаетъ новую прелесть отъ свѣта обливающаго всю внутренность изъ большаго средняго купола и изъ множества малыхъ куполовъ надъ боковыми нишами. Расположеніе малыхъ куполовъ кругомъ большаго почти тоже что и въ мечетяхъ, но надъ банями куполы сквозные, съ множествомъ иллюминаторовъ. Лучи солнечные производили чудесный эффектъ, переламываясь въ этой влажной и облачной атмосферѣ. Насъ повели въ самую просторную изъ отдѣльныхъ бань; въ ней полъ и стѣны и вазы для воды подъ кранами блистали ослѣпительною бѣлизною. Здѣсь мы отдали себя безпрекословно во власть банщиковъ, которые приступили къ исполненію своихъ мудреныхъ обрядовъ. Мы знали что насъ ожидали такія удовольствія, которыя тяжело перенести съ непривычки, но мы дали се-

бѣ слово все вытерпѣть, чтобы не даромъ хвалиться посѣщеніемъ Турецкой бани. Былъ жаръ удушливый; насъ уложили на доскахъ на новый отдыхъ, и чрезъ нѣсколько минутъ дюжіе банщики надѣли рукавицы изъ жесткой шерстяной матеріи, и стали насъ тереть такъ больно, что мы нѣсколько разъ просили у нихъ пощады и менѣе усердія. Потомъ нѣсколько разъ насъ обливали теплою водою, мыли, вытягивали и выправляли намъ руки и ноги, ломали пальцы; было слышно какъ всѣ наши суставы хрустѣли въ ихъ мощныхъ рукахъ. Стамбульскіе банщики съ своею услужливою заботливостію и съ своими анатомическими свѣдѣніями, показались намъ братьями Стамбульскимъ палачамъ, которые также владѣютъ наукою ломать суставы, хотя для другой цѣли. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей не были въ состояніи вытерпѣть пытку до конца; я покорился своей судьбѣ, съ полною довѣренностію къ людямъ опытнымъ, которые предсказали мнѣ ощущеніе особеннаго, невѣдомаго мнѣ удовольствія, послѣ всѣхъ этихъ операцій. Самая мучительная изъ нихъ послѣдняя — когда банщикъ пальцемъ водитъ по спинной кости:

боль нестерпима; онъ сбирался еще вскочить колѣнами мнѣ на спину, но я слышалъ тяжелые вздохи моихъ сосѣдей Турокъ при этомъ обрядѣ, заключающемъ банныя операціи, и меня испугалъ аплетическій ростъ моего палача. Это только главныя дѣйствія всего баннаго этикета; но сколько еще эпизодовъ, сколько ударовъ ладонью должны вы перенести! Банщикъ распоряжается вами самовольно, точно ребенкомъ въ пеленахъ. Давши еще намъ отдохнуть и оправиться послѣ всего что мы вытерпѣли, насъ опять окутали пуще прежняго въ новыя простыни, и почти на рукахъ вынесли въ галлерею, и уложили въ постели полуживыхъ отъ усталости. Минутъ десять спустя пришли опять банщики, но не за тѣмъ чтобы снова насъ мучить, но только чтобы еще разъ перемѣнить простыни и полотенца въ предосторожность отъ простуды. Въ этомъ случаѣ мы не могли не замѣтить, что Турки имѣютъ полотенца въ самомъ дѣлѣ достойныя ихъ разборчивой нѣги: они бываютъ бумажныя или шипяныя, и покрыты какимъ-то бархатнымъ пухомъ, который дѣлаетъ ихъ необыкновенно мягкими и

доставляетъ тѣлу несказанно пріятное ощущеніе.

Послѣ этаго отдыха и дремоты, наводимой успалостію, мы начали въ самомъ дѣлѣ вкушать сладость Турецкой бани. При всей вашей слабости вы чувствуете себя какъ-то легче, свѣжѣе: всѣ ваши чувства становятся болѣе живы, даже мысли проясняются, и вы тогда вполнѣ оцѣните сладость кейфа, украшеннаго фантазіею или утѣшительными философскими мечтами, составляющими лучшую часть внутренней жизни на Востокѣ. Ко всему этому чрезвычайно способствуютъ кофе, шербеты и лимонады, которыми васъ угощаютъ послѣ бани, когда вы лежите въ постели.

И за всю эту роскошь, за всѣ угощенія съ насъ потребовали только по семи піастровъ, т. е. по рублю шести гривень съ брата. Когда мы одѣлись банщики подали намъ зеркала, въ знакъ что они ожидали бахшиша отъ великодушія Франковъ, и крайне обрадовались увидѣвъ мелкую золотую монету *рубье*, которая цѣною менѣе нашего восьмигривенника. Мы послѣ этой дешевизны сочли обязанностію, подобно правовѣрнымъ посѣтителямъ, благословить память

основашеля богоугодиаго заведенія баш, благами коей могушъ пользоваться безъ различія народы всѣхъ исповѣданій.

Турецкая баня болѣе всякой другой располагаетъ къ простудѣ, потому что прѣніе шерстяною рукавицею слишкомъ смягчаетъ кожу и ошкрываетъ поры. Къ счастію былъ жаркій іюльскій день, и мы могли безъ всякой опасности переплыть чрезъ Золотой Рогъ въ Галашу, гдѣ мы провели остальную часть дня.

На другой день мы были опять въ Стамбулѣ. Наши прежнія прогулки въ Бѣлградѣ, гдѣ мы удивлялись гидравлическимъ работамъ древнихъ, и вчерашняя баня, въ которой, какъ и во всѣхъ Стамбульскихъ баняхъ, такъ изобильно льется вода среди лѣта, внушили намъ желаніе осмотрѣть гидравлическія работы древнихъ въ самомъ Константинополѣ.

Столица Константина уже въ первыхъ своихъ вѣкахъ сдѣлалась достойною соперницею Рима въ отношеніи гидравлическихъ своихъ работъ. Огромныя зданія, въ которыхъ виденъ геній Императорскаго Рима, послужили для снабженія водою столицы; и теперь еще ихъ остатки напаяюшъ городъ Султановъ. Водопрово-

ды болѣе всѣхъ Императорскихъ памятниковъ были уважены Султанами, потому что столица Исламизма болѣе всякаго другаго города нуждалась въ водѣ. Распались древнія стѣны Константинополя, и теперь лежатъ кругомъ города живописнымъ поясомъ изъ развалинъ, богатыхъ воспоминаніями, но которыя не защитятъ болѣе Стамбула. Водопроводы прочнѣе стѣнъ, за коими десять вѣковъ спасалась царственная пѣнь Рима. Они составляютъ непрерывную цѣпь отъ Бѣлграда до Стамбула, и среди самаго города ихъ отрасли раздѣляютъ воду между разными кварталами, и поднимаютъ ее на вершины холмовъ; отъ нихъ по всѣмъ дворамъ мечетей бьютъ фонтаны, проведены трубы во всѣ улицы; вездѣ вы видите краны; во всѣхъ большихъ домахъ наполняются резервуары, и каждый этажъ имѣетъ свой запасъ воды.

Между третьимъ и четвертымъ холмомъ Константинополя, въ долинѣ, которая проходитъ отъ Мраморнаго Моря до Золотаго Рога, заваленная домами, банями, садами, базарами, возвышается колоссальный водопроводъ Валенса, производящій своею тяжелою массою самый величественный эффектъ, когда вамъ откры-

ся съ моря первая панорама Стамбула. Вода, которая уже полторы тысячи лѣтъ бѣжитъ по этому воздушному мосту, сочится въ немъ, напаяетъ сыростію его каменную массу, и онъ весь покрытъ плющемъ, разноцвѣтнымъ мхомъ и деревьями, для которыхъ вѣтеръ занесъ пыль на эту высоту, чтобы съ вѣками образовать почву, и одѣть Императорскій памятникъ зеленою мантіею. Его вода славится своею чистотою и свѣжестію; большая часть ея вливается во внутренность Серальскихъ зданій, бьетъ фонтанами въ садахъ, наполняетъ пѣ пруды гдѣ рѣзвятся одалыки, протекаетъ въ тѣхъ баняхъ, гдѣ онѣ любятъ нѣжиться, и о которыхъ носится въ народѣ столько сладострастныхъ сказаній. Это самая романтическая вода Стамбула. Водопроводъ сохраняетъ имя Валенса, хотя Императоръ этотъ только возобновилъ въ несравненно большемъ размѣрѣ основанный еще въ Византіи до Константина водопроводъ Императоромъ Адріаномъ. Юстинъ младшій, Константинъ Иконоборецъ, Константинъ Порфиродный и Романъ III прозванный Аргиромъ въ разныя эпохи также его возобновляли. По взятіи Константинополя Со-

лиманъ II разрушилъ часть верхнихъ арокъ, чтобы открыть съ моря и съ дворца видъ основанной имъ мечети Шахъ-заде-Джамиссы, и потомъ обновилъ водопроводъ. Турки его называютъ Боздоганъ-кемери. Почти можно разобрать на немъ архитектурную руку каждаго вѣка. Нижняя часть носитъ отпечатокъ прочности и величія Римскихъ зданій; ея арки представляютъ переломанную готтическую дугу; верхняя, гораздо новѣе; ея арки согнуты правильнымъ полукружіемъ, но она уже одряхлѣла и мѣстами рушится.

Въ теперешнемъ своемъ состояніи водопроводъ имѣетъ болѣе трехъ сотъ сажень протяженія и одиннадцать вышины; полагаютъ что при Валентѣ онъ имѣлъ вдвое болѣе протяженія. Его основаніе было ознаменовано языческими пророчествами, въ которыхъ христіанская Имперія по старой привычкѣ искала успокоенія и бодрости въ пѣ вѣки общаго движенія варваровъ. Валентъ разрушилъ Халкидонъ, въ наказаніе за участіе принятое этимъ городомъ въ мятежѣ Эвпропія. Въ развалинахъ обрушенныхъ зданій былъ найденъ камень съ слѣдующею надписью, сохраненною въ лѣтописяхъ Зонараса:

»Когда Нимфы будутъ плясать въ своей влажной стихіи среди города, и рѣзвиться на площадяхъ, когда звучныя стѣны будутъ опоясывать бани, тогда появятся рои варварскихъ племенъ Жестокіе и надмѣнные въ своей дикой, силѣ они пройдутъ рѣку Истръ, опустошатъ Мизію и Скиѳію, но какъ только кровожадныя ихъ надежды и непреоборимая судьба приведутъ ихъ на землю Ѳракійскую, въ ней найдутъ они только смерть.«

Валенсъ не могъ лучше исполнить смыслъ пророчества, какъ употребленіемъ камней Халкидонскихъ зданій на построеніе своего колоссальнаго водопровода, который съ завѣтнымъ камнемъ, застроеннымъ въ его стѣнахъ, сталъ палладіумомъ новой столицы противу варваровъ. Народъ радовался и праздновалъ торжественное открытіе водопровода и бань, которымъ Императоръ далъ имя своей дочери Карозы; по пророчеству не могъ долго вѣрить, потому что три года спустя (въ 378 г.) самъ Императоръ съ лучшимъ своимъ войскомъ нашелъ смерть въ поляхъ Ѳракіи, въ сраженіи съ Готѳами подъ Адріанополемъ.

Отъ Валенсова водопровода пошли мы смотрѣть подземные памятники Константинополя.

ля: это цистерны, едвали не величайшія въ мірѣ строенія этаго рода, и равно достопримѣчательныя по своему колоссальному объему и по своей прочности. Чуть ли не вся площадь Ипподрома подрыта этими водоемами, которые входили въ составъ крѣпостныхъ работъ столицы, и должны были обезпечить водою болѣе полумилліона жителей, въ случаѣ продолжительной осады. Мы спустились въ довольно глубокое подземелье; въ немъ нѣтъ воды; Турки его называютъ Бинъ-биръ-дирекъ — »тысяча и одна колонна,« вѣроятно потому что они потрудились сосчитать число колоннъ, поддерживающихъ его широкій сводъ; ихъ всего 224. Всѣ онѣ изъ прекраснаго мрамора, изъ двухъ или изъ трехъ кусковъ, по самой не красивой формы, и съ уродливыми капителями. Это только верхній этажъ цистерны, построенной въ три этажа; два нижніе, съ такимъ же числомъ колоннъ, но которыя ниже и толще, зарыты въ землю набравшуюся изъ осадковъ воды, и составившую слой въ двадцать пять футъ по крайней мѣрѣ глубины, потому что въ довольно глубокомъ колодезѣ, вырытомъ въ самой цистернѣ, видны основанія нижнихъ ко-

лонинъ. Сисперна имѣетъ форму параллелограмма въ 190 футъ длины и 170 ширины. Она служитъ теперь шелковымъ фабрикантамъ для сученія шелка. Въ ней осталась только холодная сырость; скудный свѣтъ проникаетъ изъ лѣсницы и изъ двухъ отдушниковъ. Она построена при Константинѣ, и называлась »сисперною госпепріимства« ; не на этомъ ли названіи основываясь, выбрали ее своимъ пріютомъ шелковые фабриканты?...

Недалеко отъ ней, и также подъ Гипподромомъ, находится сисперна о 32 колоннахъ Константіновскаго ордена, основанная Императоромъ Ѳеодосіемъ; она также завалена слоемъ осадка; воды въ ней нѣтъ; въ ней совершенная темнота, потому что всѣ отдушники задѣланы. Изъ лѣсницы которая ведетъ во внутренность мы могли видѣть только ея красивые, весьма плоскіе своды, и колонны разставленныя въ четыре ряда, въ большомъ одна отъ другой разстояніи. Но болѣе обратила на себя наше вниманіе древнѣйшая и огромнѣйшая изъ Константинопольскихъ сиспернъ, основанная Константиномъ Великимъ, и извѣстная подъ именемъ Царской, потому что она служила соб-

ственно для дворца. Турки называютъ ее »подземнымъ дворцемъ« Гере-Батанъ-Сарай. Немногіе изъ путешественниковъ знаютъ о ней, потому что входъ въ нее чрезъ частный Турецкій домъ, и не всякому удастся туда проникнуть. Она полна воды на двѣ сажени отъ свода, который поддерживается на 336 мраморныхъ колоннахъ различныхъ орденовъ. Вода протекаетъ сюда подземными путями, теперь никому неизвѣстными, но какъ полагаютъ, изъ долины Прѣсныхъ Водъ. О ней никто не заботится; она никому не служитъ; развѣ Турокъ, хозяинъ входа, въ случаѣ засухи можетъ ею пользоваться и услуживать своимъ пріятелямъ. Полагаютъ что она просторнѣе цистерны тысячи и одной колонны; намъ говорили даже что она идетъ подъ всею площадью Гипподрома до мечетей Софійской и Ахметовой; но мнѣ не удалось сдѣлать подземное плаваніе на лодкѣ среди колоннъ; лодка была, но въ большомъ запущеніи. Когда отворились двери въ подземелье, вмѣстѣ съ нами спустились въ него солнечные лучи, которые провели яркіе фестоны свѣта въ темнотѣ, но не могли разсѣять окружавшаго мрака. Виднѣлись только

блѣдныя колонны съ блѣднымъ и недвижнымъ своимъ отраженіемъ въ водѣ.

Прочность сводовъ надъ систериами, равно и цемента коимъ покрыты свнутри стѣны, возбуждаютъ удивленіе новѣйшихъ архитекторовъ. Примѣчанія достойно, что на всѣхъ кирпичахъ есть какіе-то знаки или монограммы, которыхъ доселѣ не удалось разобрать.

Еще другихъ пять или шесть систернъ осталось отъ девятнадцати систернъ древняго Константинополя. Однѣ изъ нихъ покрыты сводами, другія открыты, въ видѣ большихъ бассейновъ. Послѣднія обращены Турками въ сады, коимъ почвою послужили жирные осадки воды. Нѣкоторые путешественники приняли эти открытыя систерны за Навмахіи, или искуственные пруды, служившіе для театральнаго представленія морскихъ битвъ. Но графъ Андреосси весьма справедливо замѣчаетъ, что Константинополь не могъ имѣть лучшій театръ для подобныхъ представленій, какъ свой портъ, обставленный холмами, съ амфитеатра коихъ смотрѣли бы сотни тысячь зрителей. Притомъ между народными зрѣлищами Константинополя вовсе не упоминается о Навмахіяхъ, и кажется

что Римъ, переселясь на берега Босфора, оставилъ Тибру эти воинственныя зрѣлища которыми въ первый разъ Кесарь потѣшилъ владѣльцевъ міра. Константинополь въ древности какъ и теперь терпѣлъ отъ лѣтнихъ засухъ, и такъ какъ народонаселеніе самаго города было тогда несравненно болѣе нынѣшняго, то девятнадцать большихъ систернъ было не много для города, даже въ мирное время (*).

Прогулки наши по подземельямъ дали намъ большой аппетитъ, и въ этотъ разъ мы рѣшились отобѣдать въ самомъ Стамбулѣ, у одного изъ тѣхъ ресторатторовъ, которые кормятъ правовѣрныхъ жителей столицы. Я хочу говорить о Турецкихъ *кебабджи*, т. е. кухмейстерахъ, которыхъ вся кухня ограничивается жаркими. Во всѣхъ многолюдныхъ улицахъ и во всѣхъ базарахъ найдете маленкія лавочки, отъ коихъ выходитъ весьма аппетитный запахъ, и

(*) Прокопій въ книгѣ своей »о зданіяхъ« говоритъ что городъ при Юстиніанѣ жаловался на недостатокъ воды; что лѣтомъ многіе источники изсыхали, и что Императоръ велѣлъ вырыть новые колодези и систерны предъ дворцемъ Патрикіевъ, и приготовилъ большіе резервуары, которые наполнялись когда вода изобиловала.

въ которыя безъ чиновъ заходятъ важные османлы и даже щеголи новаго покроя, платя дань своей старинной народности. Нашъ чичероне Андрико повелъ насъ къ одному изъ главнѣйшихъ ресторатторовъ этаго рода, у котораго соединялось иногда лучшее общество Стамбула. Лавочка по виду была не лучше другихъ; вся она состояла изъ широкаго окна, за которымъ былъ видѣнъ очагъ, и на которомъ были разставлены сковороды съ бараниною разрѣзанною въ мелкіе куски, и готовою при первомъ требованіи. Нѣсколько Турокъ стоя предъ окномъ на улицѣ утоляли свой голодъ, не обращая никакого вниманія на проходящихъ. Сами они у сосѣдняго булочника купили свой хлѣбъ, потому что ресторатторъ ничего болѣе не обязанъ поставлять кромѣ своего единственнаго блюда; даже чтобы напиться, вы должны сами сходить къ ближнему фонтану, или купить воды у проходящаго продавца. Мы думали что и намъ придется остановиться на улицѣ и ограничиться этимъ походнымъ обѣдомъ. Замѣтьте, что Турокъ часто обѣдаетъ на скорую руку и стоя на ногахъ, но онъ никогда не выпьетъ чашки кофе и не выкуритъ своей трубки, или *не вы-*

пьетъ своей шрубки, какъ здѣсь выражаются, не усѣвшись спокойно въ своемъ углу. Но для насъ Андрико выбралъ ресторацію съ антресолями, съ особеннымъ покоемъ для посѣтителей. Насъ повели по узкой и шаткой лѣсницѣ на тѣсный чердакъ, гдѣ другой мебели не было кромѣ низенькихъ рогожеиныхъ скамеекъ и деревянныхъ круглыхъ подносовъ, или столиковъ вышиною въ одинъ футъ. Мы усѣлись кое-какъ кругомъ подноса; Турецкій ресторатеръ долго ждать не заставилъ; мы услышали шипѣніе сковороды на живомъ пламени очага, и чрезъ минуту намъ подали обѣдъ, разумѣется безъ тарелокъ, салфетокъ и вилокъ и тому подобныхъ ухищреній. Андрико уже успѣлъ сбѣгать и снабдить насъ кувшиномъ воды, бутылкою Дарданельскаго вина и хлѣбомъ, лучшимъ хлѣбомъ Стамбула, плоскимъ и недопеченнымъ, который называется *пиде*. Кебабджи удивился нашей франкской обжорливости, и долженъ былъ трижды для насъ поставлять обыкновенную порцію, какою довольствуются правовѣрные посѣтители. Въ самомъ дѣлѣ Турки ѣдятъ весьма мало, и это я замѣчалъ каждый разъ, когда мнѣ случалось съ ними обѣдать.

Они съ утра до вечера курятъ и пьютъ густое кофе, что безъ сомнѣнія ихъ лишаетъ аппетита. Обѣдъ у кебабжи плапится по числу кусковъ сколько вы проглотили, потому что каждый кусокъ кебаба, т. е. жаркаго, составляетъ глотокъ средней величины, чтобы избавить васъ отъ необходимости рвать зубами, при неимѣніи ножей и вилокъ. Цѣна умѣренная до пельзя: намъ четверымъ весь обѣдъ, съ хлѣбомъ, виномъ, и даже съ дессертомъ изъ отличныхъ фруктовъ, обошелся всего десять піастровъ т. е. два рубля съ полтиною.

Хотя мы и не Турки, но чувствовали необходимость отдыха и кейфа послѣ обѣденнаго. Насъ повели — какъ вы думаете, куда? — къ Турецкому брадобрѣю. Кофейнь мы уже насмотрѣлись, а цирюльни открывали еще обширное поле наблюденій, и притомъ обѣщали намъ всѣ удобства кофейныхъ домовъ.

Цирюльни искони славились въ Константинополѣ сколько искусствомъ своихъ брадобрѣевъ, столько же и своимъ гостепріимствомъ; но со времени упадка Янычаръ имъ открылась новая эра славы; онѣ получили новую важность въ глазахъ правовѣрныхъ и новую занимательь-

ность для путешествующаго Европейца. Сюда укрылись тихія бесѣды, оживляемыя Аравійскимъ нектаромъ и окуриваемыя трубкою, бесѣды изгнанныя заразою преобразованія изъ опальныхъ *кайвене*. Вы думаете что всякій идетъ сюда за тѣмъ чтобы выбрить свою голову и чтобы остричь и огладить свою бороду? Какъ ни важенъ этотъ туалетъ въ Стамбулѣ, но визиты въ цирюльни имѣютъ и другую благороднѣйшую цѣль. Сюда сбираются почтенные любители Турецкой старины и народности, и подъ предлогомъ ожиданія своей очереди и бритвы цирюльника, просиживаютъ по цѣлымъ часамъ, разказываютъ новости, разсуждаютъ о предопредѣленіи, а чаще всего ничего не дѣлаютъ и не говорятъ. Турки въ самомъ дѣлѣ народъ преспокойной; правда, что это бездѣлье внушаетъ иногда вкусъ къ политическимъ сплетнямъ, къ ропоту и къ бунтамъ, но оно само по себѣ тому, кто не знаетъ хроники старинныхъ кофейныхъ домовъ, покажется самымъ невиннымъ изъ всѣхъ народныхъ прихотей. Въ эпоху гоненія Янычаръ, когда кофейные домы частію были разрушены и закрыты, частію сдѣлались постояннымъ мѣстопребываніемъ шпіоновъ, кото-

рые подслушивали всѣ бесѣды и доносили иногда на самыя невинныя рѣчи, эта строгая ценсура заставила Турокъ прибѣгнуть къ цирюльнямъ. Сначала они осторожно сюда пробирались, съ своими складными трубками подъ кафтаномъ; была отдѣльная комната за занавѣскою, которая открывалась только лицамъ знакомымъ, и такимъ образомъ составилось въ Стамбулѣ столько маленькихъ и тайныхъ клубовъ, сколько было цирюлень. Скажемъ къ чести посѣтителей, что ни одинъ заговоръ не загнѣздился здѣсь, и потому эти клубы избѣгли гнѣвнаго вниманія Падишаха и Сераскира. Правительство сквозь пальцы смотрѣло на тайныя засѣданія; такимъ образомъ они по немногу пріободрились, и цирюльни завладѣли правомъ давать убѣжище лѣни и бездѣлью. Закрыть цирюльни невозможно; это будетъ противъ коренаго религіознаго обычая Мусульманина брить свою голову и оправлять и лѣлѣять и опрыскивать духами бороду, священнѣйшую часть въ цѣлой его особѣ. А какъ запретить людямъ ожидающимъ въ цирюльнѣ своей очереди, чтобы они услаждали свою скуку бесѣдою и трубкою? Притомъ нѣтъ сомнѣнія, что если бы

бдительная полиція изгоняла лѣнтяевъ отсюда, они бы нашли другое мѣсто, гдѣ бы въ компаніи полѣнились, потому что Турка скорѣе отучите отъ вѣры въ предопредѣленіе нежели отъ поэтическаго его бездѣлія.

Мы вошли въ довольно опрятную и просторную комнату, расположенную въ видѣ кіоска, и освѣщавшуюся широкими окнами со всѣхъ четырехъ сторонъ. Въ углу былъ очагъ для теплой воды и для кофе; на стѣнѣ были симметрически разставлены бритвы самыхъ странныхъ формъ, съ кораллами и съ янтаремъ въ оправѣ, и трубки; кругомъ висѣло и сушилось у огня множество полотенецъ вышитыхъ золотомъ и цвѣтными шелками; у оконъ висѣли канарейки; кое-гдѣ по закоптѣлымъ стѣнамъ блистала золотая Арабская надпись, кое-гдѣ рука Стамбульскаго живописца нарисовала пейзажи въ Азіятскомъ вкусѣ, яркими красками, съ тщательною отдѣлкою, безъ перспективы, каррикатуру Султана въ парадномъ каикѣ, каррикатуру Бешикташійскаго дворца и каррикатуру корабля подъ адмиральскимъ флагомъ. На сводѣ ниши со цвѣтами было представлено небо, по коему сіяли звѣзды и луна, а солнце въ тоже время закатывалось

въ полномъ блескѣ. Таковы фантазіи Спамбульскихъ художниковъ. По средн комнаты, въ родѣ люстры, висѣлъ на одинъ ростъ отъ земли кувшинъ съ теплою водою; подъ тѣмъ кувшиномъ сидѣлъ на высокой скамьѣ старый Турокъ; вода капала отъ времени до времени на его голову, по которой скользила бритва. Онъ весь былъ окутанъ въ бѣлую, сшитую золотомъ драпировку, одну изъ главнѣйшихъ принадлежностей Турецкаго гардероба, и служащую собственно для бритья. Изсреди ея выходило смуглое лице съ полусѣдою бородою, и голова бѣлая и гладкая какъ мраморъ, съ голубоватымъ отливомъ, и на ней кисть сѣдыхъ волосъ, точно шелковая кисть надъ фесомъ. Я ничего не видалъ уродливѣе этой головы. Почему знать, можетъ быть и Туреку наши головы съ бритымъ подбородкомъ и съ волосами казались также уродливыми: всякій народъ вправѣ имѣть свои понятія о красотѣ, а Турки слывутъ большими знатоками въ этомъ дѣлѣ. Послѣ долгаго созерцательнаго туалета нашъ Турокъ приподнялся; брадобрѣй чинно снялъ съ него бѣлую мантію, и намъ представилась горбатая и кривоногая особа Тур-

ка въ спаромъ и запачканномъ платьѣ, точно шелковичный червякъ, въ одномъ изъ своихъ превращеній, сохраняющій только свою плоскую морду.

Около часу просидѣли мы въ кругу почтенныхъ османлы, которые поочередно оставляли свою шрубку и садились подъ кувшинъ, а брадобрѣй успѣвалъ и свою операцію производить надъ ними, и занимать общество своими разсказами, и спрашивать городскихъ новостей у всѣхъ новоприходящихъ. Брадобрѣи славятся въ Спамбулѣ своимъ краснорѣчіемъ; это общая ихъ черта съ парикмахерами нашей Европы, и кажется она досталась имъ какъ классическое наслѣдство отъ древняго міра, потому что еще Плушархъ въ диссертаціи своей »о болтовствѣ« *(пері адолесхіас)* замѣчаетъ, что сословіе парикмахеровъ и брадобрѣевъ было самое болтливое изъ всѣхъ сословій древняго міра.

ГЛАВА IX.

Призывная пушка. — Отъѣздъ. — Укрѣпленія на Босфорѣ. — Казенный инженеръ.—Наши трактаты и свобода мореплаванія.— Воспоминанія объ Аргонавтахъ. — Мнѣнія объ образованіи Босфора. — Прощаніе.. —

Мы простились съ Стамбуломъ; фрегатъ Княгиня Ловичъ ожидалъ только попутнаго вѣтра, чтобы сняться съ Буюкдерскаго рейда, и слѣдовать своему значенію въ Черное Море.

Это было въ концѣ Іюля; насталъ день облачный; совершенное безвѣтріе въ пору періодической *трамонтаны*, какъ здѣсь называютъ Нордъ-Остъ, заставляло надѣяться перемѣны вѣтра, хотя на нѣсколько часовъ, чтобы только вырваться какъ нибудь изъ Босфорскихъ узкостей, а тамъ въ открытомъ морѣ добрый фрегатъ могъ лавировать отъ береговъ Ѳракіи до береговъ Мингреліи, поочередно привѣтствовать Балканъ и Кавказъ, и выдержать злую борьбу съ сѣвернымъ вѣтромъ. Сѣверный вѣтеръ Балтійскому кораблю свой братъ; корабль, правду сказать, преждевременно старѣется въ

южномъ морѣ, точно какъ и человѣкъ, но онъ не теряетъ своей бодрости; подъ часъ трещатъ его бока; онъ жалобно воетъ когда вѣтеръ черезъ силу напираетъ, но это нисколько не препятствуетъ его ходу; моряки утверждаютъ даже, что на старости лѣтъ онъ становится болѣе упругъ, болѣе гибокъ, и скользитъ какъ змѣя по неровному морю.

Я былъ въ Терапіи, когда призывная пушка съ Ловича, заставила меня броситься поспѣшно въ канкъ, чтобы не опоздать на фрегатъ. На немъ все уже было въ движеніи; Константинопольскіе и Буюкдерскіе пріятели наши съѣхались пожелать намъ счастливаго пути, и каютъ-компанія была завалена гостями; между тѣмъ какъ обѣ палубы одушевлялись приготовленіями ко снятію съ якоря. »Пошелъ шпиль!— кливеръ-шкотъ отдай! — Марсовые по вантамъ!« — Еще нѣсколько командъ на этомъ кабалистическомъ языкѣ, для котораго придуманъ рупоръ, который понятенъ кораблю, заставляетъ его двигаться, и распускать свои исполинскія крылья, и подбирать къ себѣ желѣзныя когти, впившіяся въ морское дно; еще нѣсколько странныхъ звуковъ съ ва-

ріацією свистковъ и шипящихъ блоковъ, нѣсколько чудныхъ фразъ, уже забытыхъ мною, но которыя всегда мнѣ казались выписанными изъ словаря духовъ ревущихъ въ бурѣ и хохочущихъ въ паническѣ волнъ о грудь корабля, еще нѣсколько чисто Русскихъ словъ, которыхъ кажется нѣтъ въ словарѣ Россійской Академіи, хотя, какъ увѣрялъ лейтенантъ Б—ъ, они необходимы въ морскомъ краснорѣчіи — и нашъ фрегатъ подъ всѣми парусами медленно и величаво пошелъ вдоль Европейскаго берега. Каики слѣдовали по обѣимъ его сторонамъ, точно отряды застрѣльщиковъ по флангамъ арміи.

Но вѣтеръ еще два раза намъ измѣнялъ; мы стали на якорѣ въ одной мили отъ Буюкдере, между двумя бѣдными селеніями Сари-ери (Желтая долина) и Генимахале (Новый кварталъ); потомъ еще разъ снялись, и къ вечеру принуждены были опять положить якорь у крѣпости Анадоли-Кавакъ. Каждый шагъ на Босфорѣ стоилъ намъ неимовѣрныхъ усилій. Если бы вѣтеръ рѣшительно не хотѣлъ насъ выпустить изъ этой узкости, намъ оставалось только прибѣгнуть къ Султанскому пароходу, чтобы онъ насъ выбуксировалъ въ море. Сколько лѣтъ

уже поговариваютъ объ учрежденіи пароходовъ на Босфорѣ и на Геллеспонтѣ, собственно для того чтобы проводить корабли противу вѣтра и теченія вверхъ по проливамъ, но до сихъ поръ это остается въ проектѣ, и вѣтеръ по волѣ отпираетъ и запираетъ эти ворота Константинополя и Чернаго Моря (*).

Ничего не можетъ быть скучнѣе и досаднѣе якорной стоянки, когда корабль готовъ сняться и ожидаетъ только вѣтра; съѣхать на берегъ или вовсе не позволяется, или съ тѣмъ чтобы не спускать глазъ съ корабля и ѣхать обратно при первомъ сигналѣ. Оставалось расхаживать по шканцамъ, или сидѣть на юртѣ, и любоваться въ послѣдній разъ берегами Босфора, на которые ложилась уже ночь.

Мы стояли между двумя Каваками; ихъ блѣдныя стѣны улеглись подъ сумракомъ, какъ привидѣнія на двухъ берегахъ. Это самое узкое мѣсто на Босфорѣ; его широта здѣсь не болѣе 350 саженъ. При Императорахъ здѣсь

(*) По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя видно, что проектъ этотъ уже приводится въ исполненіе на Босфорѣ; но купеческіе корабли жалуются на непомѣрно высокую таксу, назначенную пароходами, по разстоянію и по силѣ вѣтра, для буксированія судовъ.

протягивалась цѣпь, которою купеческія суда, отплывающія въ Понтъ, останавливались для взноса таможенныхъ пошлинъ. Константинополь кругомъ оковалъ свое море цѣпями, потому что это была единственная система укрѣпленія проливовъ и гаваней.

Изъ Византійской исторіи нельзя съ точностію опредѣлить, когда и по какому случаю Императоры уступили Генуэзцамъ свои права надъ Босфоромъ. Видны только развалины замковъ построенныхъ этими купцами-республиканцами въ послѣдніе вѣки Имперіи. Тогда они владѣли монополіею всей Черноморской торговли, и здѣсь стояли на стражѣ, чтобы вѣчные ихъ соперники Венеціанцы не прорвались въ море, которое Генуя считала своимъ помѣстіемъ, какъ она считала и всю Имперію своимъ садомъ. Султаны въ свою очередь извлекали всевозможныя выгоды изъ торговли Генуэзцевъ въ ихъ моряхъ, и наслѣдовали права республики надъ Босфоромъ. Они укрѣпили всю сѣверную часть пролива, и долго считали Черное Море своею собственностію, потому что въ самомъ дѣлѣ владѣли кругомъ всѣми его берегами, и только исключительная привиллегія жалуемая отъ Пор-

пы давала право плаванія въ немъ другимъ флагамъ кромѣ Оттоманскаго. Неудача Петра Великаго на Прутѣ повлекла за собою истребленіе флота, построеннаго мановеніемъ Сѣвернаго генія на этомъ морѣ, которое было предназначено провидѣніемъ сдѣлаться биржею всей нашей южной торговли. Петръ долженъ былъ обратить свое вниманіе на другіе предметы, вознаградить новыми завоеваніями и успѣхами въ развитіи промышленныхъ силъ Россіи свою неудачную попытку на югѣ; но его великое намѣреніе должно было служить предзнаменованіемъ грядущихъ судебъ Чернаго Моря. Екатерина II счастливо привела въ исполненіе планы Петра; Россія покорила и населила Сѣверный берегъ Чернаго Моря, и въ сосѣдствѣ Султанской столицы построила военные порты и флотъ. Но Султаны долго не отказывались отъ своихъ старинныхъ правъ на Черное Море. Обычай выдавать фирманы судамъ входящимъ туда продлился до нашего времени, и не смотря на договоры, вымоленные или вытребованные у Порты каждою торговою Европейскою державою въ пользу своего флага, плаваніе Чернаго Моря было всегда предметомъ спорнымъ, и тор-

говля находила здѣсь множество затрудненій.

Наконецъ Адріанопольскій миръ утвердилъ на прочномъ основаніи свободный проходъ Босфора для купеческихъ кораблей всѣхъ націй безъ исключенія, и такимъ образомъ наша Черноморская торговля имѣетъ въ Босфорѣ уже не преграду, какъ было прежде, но вѣрный каналъ для сообщенія съ Средиземнымъ Моремъ и съ Океаномъ.

Анадоли-Кавакъ и Румели-Кавакъ построены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были замки Генуэзцевъ. За ними выше къ Черному Морю торчатъ въ разныхъ точкахъ на обоихъ берегахъ замки и баттареи. Укрѣпленія эти построены большею частію подъ руководствомъ Французскихъ инженеровъ Детота, Монье, Лафита и Туссена, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, когда войны съ Екатериною возбудили въ Туркахъ безпокойныя опасенія. Самыя крайнія баттареи на Босфорѣ, недалеко отъ замковъ Фанараки, строились въ 1769 году Греческимъ архитекторомъ; онѣ расположены такимъ образомъ что ихъ выстрѣлы не могутъ сдѣлать никакого вреда флоту, который бы

сплою прорвался въ Босфоръ. Было ли это неумѣніе строителя, или можетъ быть умышленно, чтобы не препятствовать Христіанскому флоту, котораго съ такими надеждами ожидали его единовѣрцы — но онъ былъ казненъ какъ измѣнникъ.

Послѣднія крѣпости у окончности двухъ материковъ на устьѣ Чернаго Моря и прилежащія къ нимъ селенія получили названіе *Фанараки*, отъ маяковъ построенныхъ здѣсь для безопаснаго входа въ Босфоръ кораблей идущихъ съ моря. Маякъ въ жалкомъ состояніи; весною и осенью здѣсь бываютъ даже среди дня такіе туманы, что кораблю трудно отыскать входъ въ проливъ, заслоняемый гористымъ выступомъ Европейскаго берега. Притомъ нѣсколько сѣвернѣе пролива изгибъ берега принимаетъ совершенно его форму; моряки нерѣдко ошибаются, и это мѣсто славится ежегодными кораблекрушеніями.

Вмѣсто замковъ, башпарей и маяковъ въ древности были построены въ этомъ устьѣ Босфора храмы всѣмъ двѣнадцати первостепеннымъ богамъ Олимпа. Изъ развалинъ храма Зевеса-Уріуса, Юпитера-попутнаго, на Азіятскомъ берегу, былъ построенъ при Императорахъ за-

мокъ, коего развалины видны доселѣ. Миѳологія нашла цѣлое царство чудесъ и ужасовъ въ этихъ берегахъ, долго неприступныхъ мореплаванію. Она одушевила самыя скалы стоящія у входа въ Негостепріимный Понтъ (*), и преобразила ихъ въ грозныхъ каменныхъ стражей моря, которое пугало и манило къ себѣ мореплавателей Греціи. Группа оттмелей прислонилась къ Европейскому берегу, и нѣсколько скалъ выказываютъ предъ Азіятскимъ берегомъ свои головы посѣдѣлыя отъ борьбы съ волнами. Это древнія Симплегады, или Кіанейскія скалы (**); было время когда онѣ сходились и расходились безостановочно, и грозили раздавить корабль, который бы межъ нихъ прорвался. Но первый корабль прорвавшійся межъ ними долженъ былъ разрушить силу заколдованныхъ Симплегадъ, и проложить путь въ безвѣстный Понтъ мореплаваніе, торговлѣ и Наукъ древняго міра. Эта

(*) Это было древнѣйшее названіе Чернаго-Моря; когда его стали посѣщать Греки, дали ему имя Гостепріимнаго, Эвксинос, вѣроятно для ободренія мореплавателей.

(**) Симплегады — отъ слова *симплиссо* сталкиваюсь, по миѳологическому сказанію о томъ что онѣ сходились и расходились; Кіанейскими скалами названы онѣ по своему цвѣту; *кианеос* значитъ голубой.

слава принадлежала Язону и Аргонавтамъ, которыхъ походъ, хотя облеченный всѣми вымыслами Греческой Миѳологіи, представляетъ древнѣйшую лѣтопись Босфора, и оставилъ на его берегахъ столько воспоминаній, столько именъ, сохранившихся до нашего времени. Недалеко отъ Фанараки видны развалины башни, которая въ древности именовалась башнею Медеи. Послѣдній мысъ Азіи назывался Ангиреономъ, т. е. »мысомъ якоря,« отнюдь что здѣсь въ послѣдній разъ корабль Аргосъ перемѣнилъ тотъ камень, который служилъ ему якоремъ, и который смѣлые мореходцы выбирали тѣмъ тяжелѣе чѣмъ далѣе пускались въ неизвѣстныя имъ моря.

Мѣстами оба берега Босфора представляютъ рядъ неприступныхъ скалъ, которыхъ дикая нагота становится еще разительнѣе послѣ роскошныхъ ландшафтовъ, которые остались за вами. Среди этихъ скалъ возвышается Филь-бурну, древній Коракіонъ, »Воронній мысъ;« надъ нимъ и теперь раздается зловѣщій голосъ хищныхъ птицъ, которыя всматриваются въ Черное Море, и отъ него ждутъ себѣ добычи и утопленниковъ. Прибой волнъ у подножія скалъ, и

свистъ вѣтра въ ущеліяхъ, производятъ необыкновенный шумъ; простой народъ прозвалъ это мѣсто Фонасмата, »Взвыванья,« и вѣритъ что тутъ скитаются души утопленниковъ, которымъ не были отпущены грѣхи. Древніе населяли эти берега изступленными Вакханками, которыя манили къ себѣ мореплавателей. Но здѣсь обитали хищные Ѳракійцы, и были гораздо опаснѣе, нежели неистовыя миѳологическія любовницы, для моряковъ претерпѣвшихъ кораблекрушеніе.

Все здѣсь было дико, чудесно, сверхъестественно. Самое образованіе пролива сдѣлалось предметомъ чудесныхъ сказаній, связанныхъ съ космогоническими преданіями старины, и даже нашедшихъ отголосокъ въ наблюденіяхъ новѣйшихъ естествоиспытателей (*).

(*) Діодоръ Сицилійскій въ пятой книгѣ своей Исторической Библіотеки приводитъ сказаніе жителей острова Самоѳракіи, относительно образованія двухъ проливовъ, отдѣляющихъ Европу отъ Азіи. Они сохраняли преданіе о потопѣ, извѣстномъ въ Греціи подъ именемъ Огигейскаго, и приписывали его тому, что Черное Море было первоначально озеромъ, которое наполнившись избыткомъ водъ отъ втекающихъ въ него рѣкъ, разорвало материкъ между Ѳракіею и Виѳиніею, наводнило равнины бывшія на томъ мѣстѣ гдѣ нынѣ Мраморное Море,

Я невольно сравнивалъ въ своемъ воображе-

потомъ тѣмъ же процессомъ открыло новый проливъ — Геллеспонтъ, вылилось въ Архипелагъ, и потопило всѣ низменныя части ихъ острова, коего жители спаслись на возвышенностяхъ. Древніе города были потоплены, и рыбаки сѣтями доставали въ прежнее время, какъ было-сказано Діодору, капители колоннъ. Даже во время этаго историка Самооракійцы продолжали приносить жертвы божествамъ, спасшимъ ихъ племя отъ совершенной погибели, и жертвенники были сооружены кругомъ острова, тамъ гдѣ наводненіе остановилось. «Этимъ, прибавляетъ историкъ, они доказываютъ, что еще прежде потопа, ихъ предки обитали въ Самооракіи.» Географъ Страбонъ, Эратосѳенъ Александрійскій прозванный Космографомъ, Философъ Страбонъ, Плиній и другіе древніе писатели свидѣтельствуютъ равнымъ образомъ общее мнѣніе ихъ современниковъ о прорытіи двухъ проливовъ между Европою и Азіею отъ наводненія Чернаго Моря. Изъ новѣйшихъ писателей Турнефоръ и за нимъ Палласъ приняли это мнѣніе. Французскій натуралистъ Оливье открылъ вдоль всего Босфора слѣды волканизма, и онъ, равно какъ и Графъ Шоазель-Гуффье, полагаютъ что этотъ проливъ образовался дѣйствіемъ подземнаго огня, и соглашаются съ мнѣніемъ древнихъ о томъ что Черное Море было озеромъ, и съ открытіемъ пролива, оно, равно какъ и Каспійское значительно понизились. Графъ Адросси, доказываетъ своими геологическими изслѣдованіями надъ горами двухъ береговъ Босфора, что проливъ не могъ быть произведенъ дѣйствіемъ волкановъ, что Черное Море не могло возвыситься долгого чтобы разорвать материкъ, потому что оно нашло бы другой истокъ въ долинѣ Домузъ-дере, сѣвернѣе нынѣшняго устья, что горы, мысы и долины, коими оканчиваются два материка, не

ніи тѣ поэтическіе вѣки, когда витязи жадные подвиговъ, движимые безпокойнымъ духомъ молодаго возраста Греціи, отправлялись въ Понтъ населенный колдунами и чудовищами—съ этимъ прозаическимъ вѣкомъ, въ который мы на фрегатѣ, со всѣми конфортами морской жизни, идемъ

носятъ никакихъ слѣдовъ предполагаемаго ихъ древняго соединенія; а напротивъ, слѣдуя общей системѣ материковъ склоняющихся къ морю, сохраняютъ первоначальное свое образованіе. Ни давленіе водъ, ни дѣйствіе волкановъ, не могли образовать этотъ проливъ для истока Чернаго Моря, и потому онъ принадлежитъ къ древнѣйшей системѣ материковъ и водъ. Это подтверждается также мнѣніемъ Александра Гумбольта. Сказаніе Самоѳракійцевъ, которое кажется подало поводъ ко всѣмъ предположеніямъ о переворотахъ Босфора, есть только одно изъ тѣхъ отрывочныхъ воспоминаній о всемірномъ потопѣ, которыя сохранились даже въ Мексикѣ и въ Полинезіи, и которыя такъ часто повторяются въ преданіяхъ древнихъ Греческихъ племенъ.

Всѣ племена Греціи, дорожили древностію своего происхожденія, и постояннаго пребыванія на той землѣ, съ которою они, можно сказать, считали себя въ родствѣ, принимая имя Автохтоновъ. Они любили доказывать древность своего происхожденія преданіями о потопахъ, претерпѣнныхъ ихъ предками на родной землѣ, и эти преданія были для нихъ какъ бы дворянскими граммотами. Можетъ быть, этому обстоятельству только должно приписать сказаніе Самоѳракійцевъ, какъ и многія подобныя сказанія Греческихъ племенъ.

въ Одессу, въ эту цвѣтущую колонію сѣвера на Черномъ Морѣ, гдѣ насъ ожидаетъ каранпинъ и окурка.

Въ полночь мы снялись. На другой день сѣверный вѣтеръ застaлъ уже насъ въ опкрытомъ морѣ, и мы послали съ нимъ наше прощальное привѣтствіе Босфору.

Конецъ.

2007096508